

АННА БОЛЬШОВА:

*«Я всегда хотела быть
только актрисой»*

---

*О жизни и творчестве художника Игоря Грабаря
читайте на стр. 92*

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	«Русский Вальтер Скотт» 4
<i>Евгения Гордиенко</i>	Александр Бородин. Ученый и композитор 84

Это интересно

<i>Денис Логинов</i>	Кумир на бронзовом коне 22
<i>Евгений Махов</i>	Мои встречи с Пикулем 72
<i>Михаил Сергеев</i>	Легенды отечественного футбола 113

Рассказ

<i>Андрей Женин</i>	Дары данайцев 31
<i>Александр Ралот</i>	Дело о старом антикваре 46

Замечательные современники

<i>Марина Бойкова</i>	Анна Большова: «Я так хотела уйти от клейма положительной героини!» 38
-----------------------	---

Из российской истории

<i>Юрий Прокопчук</i>	Отмененное царствование 64
-----------------------	---

Судьба художника

<i>Дмитрий Зелов</i>	Чудесный запах свежей краски 92
----------------------	--

Молодые таланты

<i>Дмитрий Соколов</i>	Владимир Карпук: «Моя мечта — сделать самый лучший театр» 106
------------------------	--

Поэзия

<i>Ирина Родичкина</i>	Стихи 121
------------------------	------------------------

Судьбы

<i>Алла Зубкова</i>	Гений дизайнера 124
---------------------	----------------------------------

Иронический детектив

<i>Елена Колчак</i>	Убийство в стиле ретро 140
---------------------	---

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Актриса театра «Ленком Марка Захарова»
Анна Большова.
Фото из личного архива.
Фотограф Яна Овчинникова

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —
Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 24.06.2022

« Личность Павла Первого — загадочна и неоднозначна. Некоторые считают его «патентованным» сумасшедшим, с колыбели, якобы, проявлявшим все признаки агрессивного слабоумия. Другие — непризнанным гением, достойным внуком своего великого деда Петра Первого. Но одно можно сказать точно: сущность характера мимолетного российского императора заключалась в том, что... характера у него вовсе не было. Было сумасбродство, природная доброта, подозрительность и совершенно расстроенные нервы, что в результате и привело этого человека к такому трагическому концу.

Денис **Логинов** «Русский принц Гамлет»

« В 1925 году молодой Аркадий Голиков, задумав стать писателем, принес в редакцию питерского журнала «Ковш» рукопись своей первой повести «В дни поражений и побед» о боях Красной армии во время Гражданской войны. Редактор журнала, известный уже прозаик Константин Федин сказал тогда начинающему автору: «Писать вы не умеете, но писать можете и писать будете». Когда повесть все-таки напечатали, она не вызвала особого читательского интереса, и Аркадий Петрович решил переключиться на детскую литературу. Решение, надо сказать, судьбоносное. «РВС», «Голубая чашка», «Судьба барабанщика», «Чук и Гек», «Сказка о Мальчише-Кибальчише», «Тимур и его команда» и другие его нестареющие произведения и сегодня остаются верными спутниками подрастающего поколения.

Юрий **Осипов** «Из командиров — в детские писатели»

« Всю жизнь этого художника сопровождали скандалы — и тогда, когда он показывал свои картины публике, и тогда, когда занимался политикой. Уж такой он был человек — резкий, дерзкий, эпатажный, не признающий никаких авторитетов и ценивший лишь свой талант. Пьяница, неотесанный мужлан, способный на откровенную грубость, но при этом — красавец, пользовавшийся любовью многих дам. Звали его Гюстав Курбе.

Ирина **Опимах** «Скандалист Курбе и его шедевры»

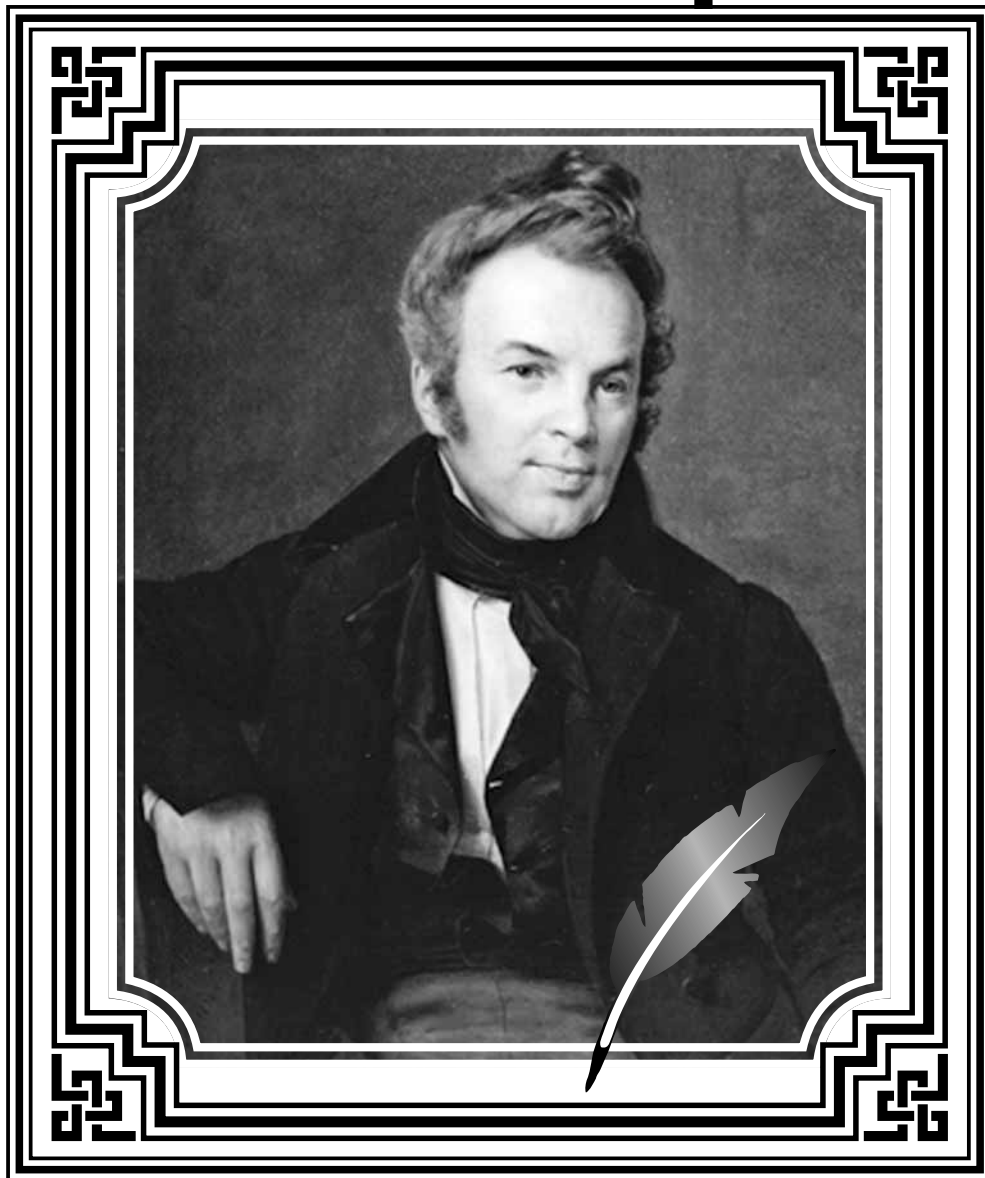
« В Службе внешней разведки России Арнольд Генрихович Дейч до сих пор считается одним из лучших мастеров вербовки. Только в Лондоне, куда его перебросили в 1934 году, он лично завербовал более 20 человек. И именно он разглядел знаменитую «Кембриджскую пятерку» во главе с великим Кимом Филби. Привлечение к сотрудничеству Филби — событие в истории отечественной внешней разведки действительно можно назвать эпохальным...

Николай **Долгополов** «Искусство вербовки»

« Детектив Андрея **Дышева** «Жизнь на кончиках пальцев»

Юрий Осипов

«Русский Вальтер Скотт»

«Чувство, господствующее в романе, — есть любовь к отчизне». Эти слова И. Лажечникова, сказанные им о его знаменитом в свое время произведении «Последний Новик», могут быть отнесены ко всему творчеству замечательного писателя первой половины XIX века, которого называют одним из зачинателей исторического жанра в русской литературе.

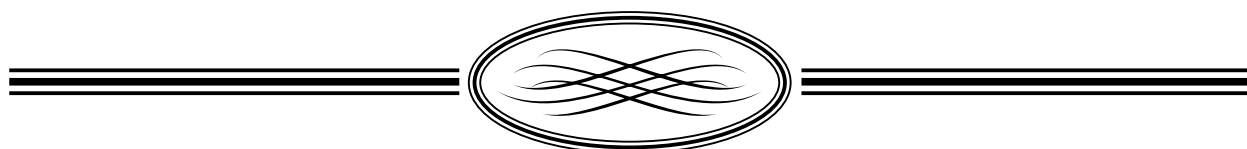
По поводу же лучшей книги Лажечникова «Ледяной дом» из эпохи Анны Иоанновны Пушкин написал автору: «...многие страницы ва-

шего романа будут жить, доколе не забудется русский язык». Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии, Иван Иванович Лажечников вглядывался в своих исторических романах в недавнее прошлое Отчизны с чувством глубокого патриотизма.

В изображении реальных персонажей, которые действуют на страницах произведений писателя в окружении вымышленных героев, автор не всегда придерживался исторической правды в угоду своей гражданской позиции. Он явно идеализирует в «Ледяном доме» фигуру деспотичного кабинет-министра Артемия Волынского, смягчает одиозный образ самой императрицы, в гротескном виде представляет крупного писателя 18-го столетия Василия Тредьяковского. Однако все эти недочеты искупаются достоверной атмосферой эпохи, реалистичностью и диалектикой характеров главных действующих лиц.

Эти достоинства присущи также третьему яркому роману Лажечникова «Басурман», отразившему далекую эпоху правления Ивана III, в которую было «замышлено и заложено будущее могущество Руси». Жесточкой рукой, а, где надо, хитростью объединяет великий князь Московский разрозненные русские земли в единое централизованное государство. Образ самого Ивана Васильевича, несомненно, большая удача автора. Белинский писал о нем: «Душа отдыхает и оживает, когда выходит на сцену этот могучий человек с его гениальной мыслью, его железным характером и непреклонной волей».

Сегодня главные романы Лажечникова переживают новый подъем популярности, привлекая читателей разных поколений занимательным изображением картин нашего исторического прошлого, острыми сюжетами и, конечно же, высокими нравственными идеалами, во имя которых живут и погибают харизматичные герои этих книг.

Иван Иванович Лажечников родился в сентябре 1790 года в семье одного из богатейших коломенских купцов, который вырастил сына в старой дворянской усадьбе Кривякино, расположенной на левом берегу Москва-реки в черте города Воскресенска.

Отец будущего исторического романиста был человеком просвещенным и гуманным, а потому по рекомендации видного отечественного просветителя и общественного деятеля Н.Новикова пригласил к сыну домашним учителем французского

эмигранта Болье. При Павле I Лажечникова-отца по ложному доносу заключили в Петропавловскую крепость, а когда освободили, материальное положение семьи оказалось подорванным, и двенадцатилетний Иван пошел исправно служить в московский архив Иностранной коллегии, затем продолжил службу в канцелярии московского генерал-губернатора. Параллельно слушал private лекции доктора философии, профессора и декана отделения словесных наук Московского университета А. Мерзлякова, да еще брал уроки у профессора МГУ, языковеда, издателя, публициста и переводчика П. Победоносцева.

Трудовую юность Лажечникова оборвала гроза 1812 года. Одержимый патриотическим порывом, юноша, против воли родителей, вступил в ополчение. Участвовал в 1814-м в горячих схватках под Малоярославцем, Красным, Борисовым, под огнем вражеской артиллерии форсировал в конном строю Рейн и доблестно проявил себя под Бриенном, в первом крупном сражении после вторжения армий союзников во Францию. Был произведен в офицеры и в составе Московского гренадерского полка дошел с русскими войсками до Парижа. Адьютантом при герое Отечественной войны 1812 года генерале от инфантерии графе А. Остермане-Толстом удостоился ордена Святой Анны IV степени.

Гренадеры всегда использовались в русской армии на острие ата-

ки, так что боевая школа досталась Лажечникову самая суровая. Он впоследствии вспоминал, как в начале 1813-го года на упрек Александра I в недостаточном внимании гренадеров к обмундированию и выправке Кутузов ответил: «Зато славно дерутся, ваше величество».

Военная страда много дала начинающему литератору, свела его с офицерской молодежью, из среды которой впоследствии вышли декабристы, познакомила с выдающимися военачальниками Ермоловым, Раевским, не говоря уже об Остермане-Толстом, помогла лучше понять жизнь простого народа, дала возможность наблюдать быт и нравы Польши, Германии, Франции. Впечатления буквально переполняли молодого человека, и он решил впервые верить их бумаге.

В 1817 году увидели свет «Походные записки русского офицера в отставке», которые сразу же принесли Лажечникову литературную известность. Их успех был предопределен тем, что автор выступает здесь не сторонним наблюдателем, а боевым офицером, который наравне с солдатами *«месил снежные сугробы литовские, спотыкаясь о замерзшие трупы при жестоких морозах, захватывавших дыхание, в походной шинели, сквозь которую ветер дул, как сквозь сетку решета»*.

Благодаря «Походным запискам» Лажечникову довелось при весьма необычных обстоятельствах познакомиться с Пушкиным. В 19-м году

он, еще в должности адъютанта генерала Остермана-Толстого, приехал в Петербург хлопотать об издании «Записок». И тут Ивану Ивановичу неожиданно удалось предотвратить дуэль между Пушкиным и неким майором Денисевичем из-за незначительной ссоры в театре.

«Признаюсь, — вспоминал впоследствии мемуарист, — я потратил ораторского пороку довольно и недаром. Денисевич убедился, что он виноват, и согласился просить извинения. Не дав майору опомниться, я ввел его в комнату, где дожи-

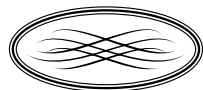
лучил должность директора Пензенской гимназии и губернских народных училищ. Эта его служба «по Министерству народного просвещения» продолжалась с перерывами до 1837 года, рокового года гибели Пушкина. Именно в тот период писателем были задуманы и созданы произведения, снискавшие ему славу «первого исторического романиста России».

В конце 20-х годов Иван Иванович некоторое время был управляющим в имении Остермана Ильинское и, видимо, там же познакомился с вос-

---

Юность Лажечникова оборвала гроза 1812 года. Одержимый патриотическим порывом, юноша, против воли родителей, вступил в ополчение. Участвовал во многих горячих схватках, за что был произведен в офицеры, в составе Московского гренадерского полка он дошел до Парижа и удостоился ордена Святой Анны 4-й степени

дались нас Пушкин и его ассистенты, и сказал ему: "Господин Денисевич считает себя виноватым перед вами, Александр Сергеевич..."» Опасная дуэль не состоялась, а между начинающим писателем и уже прославившимся молодым поэтом установились дружеские отношения и переписка.

Год спустя Лажечников, которому претили аракатеевские порядки в армии, вышел в отставку и по протекции графа Остермана-Толстого по-

питанницей графа Авдотьей Шуруновой, на которой затем и женился. Жили супруги в мире и согласии, однако бездетно. Первая жена писателя скончалась в 1852 году, после чего Лажечников вторично вступил в брак с Марией Озеровой, о которой писал своему близкому приятелю, знаменитому юристу А. Кони: *«Вы удивитесь, если я Вам скажу, что я, 60-летний старик, женился на 22-летней девушке. Кажется, это последний мой роман. Каков будет его конец — Богу известно!»* В этом

браке у супругов родились трое детей — две дочери и сын.

Тяга к углубленным литературным трудам побудила Лажечникова в 1826 году оставить службу. Он поселился в Москве и начал собирать материалы для своего первого исторического романа. Ездил также с этой целью в Лифляндию. Работа над «Последним Новиком» продвигалась плодотворно, чего нельзя сказать о предыдущем служебном поприще романиста. По воспомина-

При этом стесненный в средствах будущий автор «Последнего Новика» и «Ледяного дома» содержал небольшой пансион, где и поселился процитированный выше Г. Филипсон.

И все же пренебрежение по временам служебными обязанностями не помешало Ивану Ивановичу добиться открытия в Чембаре очень нужного народного училища, в котором получил начальное образование приехавший затем в Пензу продолжать учебу В. Белинский. Да и студенческим инспектором весьма ав-

---

С 1831 года начинает частями печататься «Последний Новик», восторженно встреченный читателями и критикой. Виссарион Белинский так отзывался о нем: «Новик есть произведение необыкновенное, ознаменованное печатью высокого таланта». Сам автор полагал, что главное «чувство, господствующее в романе, — есть любовь к Отчизне»

ниям одного из бывших учащихся Пензенской гимназии, генерал-лейтенанта Г. Филипсона, наказного атамана черноморских казаков и под конец жизни сенатора, «гимназией он мало занимался, и она... привела бы в ужас самого снисходительного из нынешних педагогов. Учителя были плохи, некоторые приходили в класс пьяные, рукам давали большую волю, но ученьем не стесняли. Перемены продолжались по часу... Свободное время употреблялось на кулачные бои класс на класс».

торитетного в России Казанского университета Лажечников оказался исправным, что годы спустя, когда материальные затруднения вынудили стареющего писателя вернуться на государственную службу, дало основание назначить его директором училищ Тверской губернии, а также вице-губернатором в Твери и Витебске. Чин статского советника и орден Святой Анны II степени стали свидетельством признания заслуг широко известного романиста на служебном поприще.

С 1831 года начинает частями печататься роман «Последний Новик», восторженно встреченный читателями и критикой. Белинский так отзывался о нем в «Литературных мечтаниях»: *«Новик есть произведение необыкновенное, ознаменованное печатью высокого таланта»*. В романтическом свете отображены на страницах романа завоевание Лифляндии в начале XVIII века и петровские преобразования, «прорубившие окно в Европу». Сам автор полагал, что главное «чувство, господствующее

в романе — есть любовь к отчизне», являвшаяся для него путеводной нитью в работе над этим произведением.

Не только его главные герои — Паткуль и Новик — посвятили жизнь во благо отечеству, но и второстепенные персонажи, такие, как взрывающий себя и оказавшихся рядом врагов, дабы не посрамить честь шведского знамени, капитан Вульф, князь Вадбольский, Голиаф Самсонович, галерея солдат-патриотов, наконец, Петр I и верный ему Мен-

шиков — все они приносят личные интересы в жертву родине. Новик служит ей шпионом, Роза, чтобы проникнуть к заключенному Паткулю, принимает ласки тюремщика...

И если сегодня «Последний Новик» выглядит подчас произведением достаточно схематичным и идеализированным, то в те времена он поражал реализмом и исторической достоверностью, соответствуя вкусам эпохи.

Самый знаменитый свой роман «Ледяной дом» (1835) Лажечников написал в Твери, куда был назначен в 1831 году. *«Боже мой! Что за шум, что за веселье на дворе у кабинет-министра и оберегермейстера Волынского? Бывало при блаженной памяти Петре Великом не сделали бы такого вопроса, потому что веселье не считалось диковинкой... А ныне, хоть мы только и в четвертом дне Святок (заметьте, 1739 год), ныне весь Петербург молчит тишиною келий, где осужденный на затворничество читает и молитвы свои шепотом...»*

Так легко и свободно начинается этот, прямо скажем, культовый роман, переживший время написания и вдохновлявший поздних романистов, таких, как, к примеру, А. Толстой, на создание разнообразных выдающихся книг на исторические темы. Удивительно живо и красочно переданы в романе дикие нравы при дворе Анны Иоанновны, прибывшей из Курляндии с возком любимой ею буженины и грубым

фаворитом-лошадником Бироном. Впоследствии было признано, что писатель явно приукрасил своего главного героя, властного вельможу Артемия Волынского, об идеализации которого в романе замечал еще Пушкин. Однако и гениальный зачинатель новой русской литературы, и современники автора отдавали должное драматической напряженности действия, увлекательности сюжета, а главное — патриотическому, вольнолюбивому духу произведения. Гнетущая обстановка конца царствования Анны Иоанновны правдиво и убедительно воскресают в подробностях бездумно веселящейся придворной челяди, расточительных и глупых забавах императрицы, по прихоти которой в лютые морозы на Неве строится ледяной дом для фарсовой «женитьбы» ее знатного шута Голицына. А рядом превратившееся в ледяную статую тело человека, замученного по приказу жестокого временщика, впечатляюще символизирует мрачную пору бироновщины.

Жуткий образ ледяного дома становится под пером Лажечникова символом всей России, словно скованной ужасами жестокого правления чуждой интересам страны клики. Недаром социальная острота этого романа, несмотря на его популярность, вызвала неоднократные нападки царской цензуры. Близок писателям-декабристам, в частности Рылеву, оказался автор «Ледяного дома» также в трактовке траги-

ческой фигуры главного героя — «бунтовщика» Волынского, который не может не вызывать читательского сочувствия.

Выведенный в романе благородным патриотом, он смело вступает в борьбу с всемогущим Бироном, питая романтическую страсть к прекрасной княжне Мариориде, которая — дитя жаркого юга, дочь цыганки, и которую Белинский признал «лучшим лицом романа». В своей самоотверженности она не знает предела и жертвует, пусть и напрасно, жизнью ради возлюбленного. При этом любовная интрига причудливо переплетается в произведении Лажечникова с перипетиями политического характера, с роковым стечением обстоятельств, погубивших Волынского. По словам великого критика, он — *«человек глубокий, могучий духом... душа чистая, благородная, но легкий, ветреный; тонкий политик и мальчик, не умеющий совладать с самим собою, государственный муж — и волокита, гуляка праздный. Соединение таких противоположностей очень возможно»*... (В истории кино известны две экранизации «Ледяного дома» — 1915-го и 1928 года. На его сюжет написана опера А. Корещенко (1900 г.)

Проводив в последний путь Пушкина, Иван Иванович удалился в свое старицкое имение Коноплино и год спустя закончил там третий роман «Басурман» (1838 г.). В нем нашла отражение бурная, насыщенная

важнейшими историческими событиями эпоха правления московского Великого князя Ивана III в конце XV-го столетия, когда Россия, окончательно освободившись от вассальной зависимости по отношению к Золотой Орде, вновь обретает государственный суверенитет и могущество.

Отдавая должное заслугам энергичного и дальновидного правителя Руси, писатель с позиций неизменного гуманизма, человеколюбия и преданности идеалам прогресса осуждает очевидный деспотизм Ивана Васильевича, который приводит к ранней смерти княжича Дмитрия и трагически влияет на судьбу великого флорентийского зодчего Аристотеля Фиораванти, возводившего по воле царя Успенский собор Московского Кремля. В романе описана также гибель по вине Ивана III вымышленного главного героя — талантливого молодого врача Антона Эренштейна. Этот лекарь-иноземец, «басурман» в глазах русских, воспитанный в духе европейского Возрождения, бескорыстно стремится принести пользу народу, среди которого оказался, угадывая в нем духовную силу и нравственное величие. Усилия героя постепенно разрушают стену отчуждения между ним и окружающими его людьми. С Антоном после долгих и подчас мучительных раздумий сближаются старый боярин Образец, его сын и дочь, князь Холмский и другие персонажи.

Все они показаны в произведении не без некоторой идеализации, особенно заметной в главах, посвященных отношениям Антона и дочери боярина Анастасии. В целом же третий роман Лажечникова отличается безусловное повествовательное мастерство и поистине замечательная для тридцатых годов николаевской России художественная смелость, которая с наибольшей полнотой проявилась при описаниях случаев царского эгоизма и жестокости в обращении с пленниками, а также мстительности природы Ивана III, по

контрасту, например, с новгородской Марфой-посадницей, наделенной автором привлекательными человеческими чертами.

И вновь, как и предыдущие романы Лажечникова, «Басурман» подкупал тогдашнего читателя «местным» колоритом, умелыми вкраплениями в художественный текст исторических документов, разветвленной фабулой и любованием характерными образцами устного народного творчества. Близка была также просвещенным читателям той поры главная идея романа — «приведение на очную ставку московской и европейской культур». Причем надо отметить, что культурно-патриотические мотивы звучат у Лажечникова сильнее, нежели у популярных исторических романистов его времени, таких, скажем, как Кукольник и Булгарин.

Все три исторических романа писателя были известны каждому грамотному россиянину, их переводили на немецкий, английский, французский, шведский и другие европейские языки. Однако, несмотря на колоссальную читательскую популярность этих произведений, автор, к удивлению почитателей, неожиданно замолк всего лишь на 44-м году жизни. Иногда, впрочем, он печатал кое-что в журналах, но, за исключением первой главы романа «Колдун на Сухаревой башне» (посвященной ученому, петровскому сподвижнику Якову Брюсу), которая появилась

в 1844 году в «Отечественных записках» Свиньина, увы, ничего не прибавило к его славе.

Время неотвратимо приближало былого гренадера к старости, а новая семья с молодой женой и детьми требовала внушительных средств. И вот в 1853 году автор «Ледяного дома» вновь поступил на службу. Казалось бы, назначение вице-губернатором в Витебск можно было расценить как существенную удачу, од-

писательского таланта его уже стала покидать. В 1862 году вышел в свет никем, в сущности, не замеченный новый роман Лажечникова «Немного лет назад», а через восемь лет в журнале «Всемирный труд» был напечатан другой его роман «Внучка панцирного боярина», который тоже обратил на себя мало внимания. Зато продолжали пользоваться неизменным читательским успехом переиздания ставших уже классически-

---

Исторические романы писателя были известны каждому грамотному россиянину, их переводили на немецкий, английский, французский, шведский и другие европейские языки. Однако, несмотря на колоссальную читательскую популярность этих произведений, автор, к великому удивлению почитателей, неожиданно замолк всего лишь на 44-м году жизни. Впрочем, он кое-что печатал в журналах, но, увы, это ничего не прибавляло к его славе

нако, не прослужив там и года, Лажечников попросил об увольнении по причине, оставшейся нам неизвестной. Последней его служебной должностью стало место цензора в Петербургском Цензурном Комитете. Это непростое место писатель занимал с 1856-го по 1858-й год, когда окончательно вышел в отставку с полным пенсионом.

На покое Иван Иванович не отложил в сторону перо, сохранил ясность мысли и потребность в творчестве. Однако изобразительная сила

ми предшествующих исторических произведений Лажечникова.

Правда, немалый интерес вызвали напечатанные в «Русском вестнике» во второй половине пятидесятых годов на редкость занимательные новеллы «Беленькие, черненькие и серенькие», «Знакомство мое с Пушкиным» и «Гримаса моего доктора». Они заставили читателей вспомнить прежнего блестящего автора «Последнего Новика» и «Ледяного дома». Успешно были разыграны на петербургской сцене две оригинальные драмы Лажечникова «Опричник»

и «Матери-соперницы». Словом, у исключительно популярного прежде писателя еще оставался «порох в пороховницах».

А тут подоспел и полувековой юбилей творческой деятельности Ивана Ивановича, и по этому поводу в Москве устроили праздничные торжества. На них собралась многочисленная публика. Со всех концов России присылали юбиляру поздравительные телеграммы, приветственные письма и подарки. Сам цесаревич почтил юбилей своим присутствием. Но праздник прошел без виновника торжества, прикованного тяжелой болезнью к постели. Он боролся со смертельным недугом как мог, муже-

ственно переносил приступы боли... В июне 1869-го его не стало.

Прощание с Лажечниковым прошло в Москве при большом стечении народа. Над гробом писателя звучали прочувствованные речи его известных коллег. И похоронен он был на почетной аллее Новодевичьего кладбища, что говорит само за себя.

Полное собрание сочинений «русского Вальтера Скотта» вышло 11 годами ранее и с тех пор неоднократно переиздавалось. В своем завещании Иван Иванович написал: «...состояния жене и детям не оставляю никакого, кроме честного имени, каковое завещаю и им самим блюсти...»

И.И. Лажечников

Знакомство мое с Пушкиным

(Из моих памятных записок)

В августе 1819 года приехал я в Петербург и остановился в доме графа Остермана-Толстого, при котором находился адъютантом. Дом этот на Английской набережной, недалеко от Сената.

<...> Жизнь моя в Петербурге проходила в глубоком уединении. В театр ездил я редко. Хотя имел годовой билет моего генерала, отданный в полное мое владение, я передавал его иногда Н.И. Гречу. «Кого это пускаешь

ты в мои кресла?» — спросил меня однажды граф Остерман-Толстой с видимым неудовольствием. Я объяснил ему, что уступаю их известному литератору и журналисту. «А! если так, — сказал граф, — можешь и вперед отдавать ему мои кресла». Говорю об этом случае для того только, чтобы показать, как вельможи тогдашние уважали литераторов.

Со многими из писателей того времени, более или менее известными, знаком я был до приезда моего в Петербург, с иными сблизился в интересные эпохи десятых годов. С.Н. Глинку узнал я в 1812 году, на Поклонной горе: восторженным юношей слушал я, как он одушевлял народ московский к защите первопрестольного города. С братом его, Федором Николаевичем, познакомился я в колонии гернгутеров, в Силезии, во время перемирия 1813 года и скрепил приязнь с ним около костров наших биваков в Германии и Франции. Никогда не забуду уморительных, исполненных сарказма и острот, рассказов и пародий поэта-партизана Д.В. Давыдова. Хлестнет иногда в кого арканом своей насмешки, и тот летит кувырком с коня своего. Этому также не надо было для бритья употреблять бритву, как говорили про другого известного остряка, — стоило ему только поводить языком своим. Часто слышал я его в городке Нимтше, в Силезии, в садике одного из тамошних бюргеров, где собирался у дяди Дениса Васильевича и корпусного нашего командира, Н.Н. Раевского, близкий к нему кружок. С азиатским обликом, с маленькими глазами, бросающими искры, с черною, как смоль, бородой, из-под которой виден победоносец Георгий, с брюшком, легко затянутым ремнем, — будто и теперь его в очи вижу и внимаю его остроумной беседе. Хохочут генералы и прапорщики. Раевский, в глубоком раздумье, может быть, занесенный своими мыслями на какое-нибудь поле сражения, чертит хлыстиком какие-то фигуры по песку; но и тот, прислушиваясь к рассказу, воспрянул: он смеется, увлеченный общим смехом, и, как добрый отец, радостным взором обводит военную семью свою.

Батюшкову пожал я в первый и последний раз братски руку в бедной избушке под Бриенном. В эту самую минуту грянула вестовая пушка. Известно военным того времени, что генерал Раевский, при котором он тогда находился адъютантом, не любил опаздывать на такие вызовы. Поскакал генерал, и вслед за ним его адъютант, послав мне с коня своего прощальный поцелуй. И подлинно это был прощальный привет, и навсегда... С тех пор я уж не видал его.

С А.Ф. Воейковым познакомился я в зиму 1814/15 года, в Дерпте, где квартировал штаб нашего полка. Можно сказать, что он с кафедры своей читал в пустыне: на лекции его приходило два, три студента, да иногда человека два наших офицеров или наши генералы Полуектов и Кнорринг.

У него узнал я Жуковского, гостившего тогда в его семействе. Оба посещали меня иногда. Горжусь постоянно добрым расположением ко мне Василия Андреевича.

С князем П.А. Вяземским имел я случай нередко видеться замечательно весною 1818 года, в Варшаве. Здесь, за дворцовой трапезой, на которую приходила вся свита государя императора, между прочими граф Каподистрия и другие знаменитости того времени, сидел я почти каждый день рядом с А.И. Данилевским-Михайловским, вступившим уже тогда на поприще военного писателя. Здесь же учился я многому из литературных бесед остроумного Жихарева, которого интересные мемуары помещаются ныне в «Отечественных записках».

Но я еще нигде не успел видеть молодого Пушкина, издавшего уже в зиму 1819/20 года «Руслана и Людмилу», Пушкина, которого мелкие стихотворения, наскоро на лоскутках бумаги, карандашом переписанные, разлетались в несколько часов огненными струями во все концы Петербурга и в несколько дней Петербургом вытверживались наизусть, Пушкина, которого слава росла не по дням, а по часам. Между тем, я был один из восторженных его поклонников. Следующий необыкновенный случай доставил мне его знакомство. Рассказ об этом случае прибавит несколько замечательных строчек к его биографии. Должен я также засвидетельствовать, что все лица, бывшие в нем главными деятелями (кроме историка, вашего покорного слуги), уже давно померли, и потому могу говорить о них свободно.

Квартира моя в доме графа Остермана-Толстого выходила на Галерную. Я занимал в нижнем этаже две комнаты, но первую от входа уступил приехавшему за несколько дней до того времени, которое описываю, майору Денисевичу, служившему в штабе одной из дивизий ...ого корпуса, которым командовал граф. Денисевич был малоросс, учился, как говорят, на медные деньги и образован по весу и цене металла. Наружность его соответствовала внутренним качествам: он был очень плешив и до крайности румян; последним достоинством он очень занимался и через него считал себя неотразимым победителем женских сердец. Игрою густых своих эполет он особенно щеголял, полагая, что от блеска их, как от лучей солнечных, разливается свет на все, его окружающее, и едва ли не на весь город. Мы прозвали его дятлом, на которого он и наружно и привычками был похож, потому что без всякой надобности долбил своим подчиненным десять раз одно и то же. Круг своей литературы ограничил он «Бедною Лизой» и «Островом Борнгольмом», из которого особенно любил читать вслух: «Законы осуждают предмет моей любви», да несколькими песнями из «Русалки». К театру был пристрастен, и более всего любил

воздушные пируэты в балетах; но не имел много случаев быть в столичных театрах, потому что жизнь свою провел большею частью в провинциях. Любил он также покушать. Рассказывают, что во время отдыха на походах не иначе можно было разбудить его, как вложивши ему ложку в рот. Вы могли толкать, тормозить его, сколько сил есть, — ничто не действовало кроме ложки. Впрочем, был добрый малый. Мое товарищество с ним ограничивалось служебными обязанностями и невольным сближением по квартире.

В одно прекрасное (помнится, зимнее) утро — было ровно три четверти восьмого, — только что успев окончить свой военный туалет, я вошел в соседнюю комнату, где обитал мой майор, чтоб приказать подавать чай. Денисевича не было в это время дома; он уходил смотреть, все ли исправно на графской конюшне. Только что я ступил в комнату, из передней вошли в нее три незнакомые лица. Один был очень молодой человек, худенький, небольшого роста, курчавый, с арабским профилем, во фраке. За ним выступали два молодца-красавца, кавалерийские гвардейские офицеры, погромыхивая своими шпорами и саблями. Один был адъютант; помнится, я видел его прежде в обществе любителей просвещения и благотворения; другой — фронтовой офицер. Статский подошел ко мне и сказал тихим, вкрадчивым голосом: «Позвольте вас спросить, здесь живет Денисевич?» — «Здесь, — отвечал я, — но он вышел куда-то, и я велю сейчас позвать его». Я только хотел это исполнить, как вошел сам Денисевич. При взгляде на воинственных ассистентов статского посетителя он, видимо, смутился, но вскоре оправился и принял также марциальную осанку. «Что вам угодно?» — сказал он статскому довольно сухо. «Вы это должны хорошо знать, — отвечал статский, — вы назначили мне быть у вас в восемь часов (тут он вынул часы); до восьми остается еще четверть часа. Мы имеем время выбрать оружие и назначить место...» Все это было сказано тихим, спокойным голосом, как будто дело шло о назначении приятельской пирушки. Денисевич мой покраснел как рак и, запутываясь в словах, отвечал: «Я не затем звал вас к себе... я хотел вам сказать, что молодому человеку, как вы, нехорошо кричать в театре, мешать своим соседям слушать пиесу, что это неприлично...» — «Вы эти наставления читали мне вчера при многих слушателях, — сказал более энергическим голосом статский, — я уж не школьник, и пришел переговорить с вами иначе. Для этого не нужно много слов: вот мои два секунданта; этот господин военный (тут указал он на меня), он не откажется, конечно, быть вашим свидетелем. Если вам угодно...» Денисевич не дал ему договорить. «Я не могу с вами драться, — сказал он, — вы — молодой человек, неизвестный, а я — штаб-офицер...» При этом оба офицера засмеялись; я побледнел и затрясся от

негодования, видя глупое и униженное положение, в которое поставил себя мой товарищ, хотя — русский дворянин, Пушкин, это засвидетельствуют мои спутники, и потому вам не стыдно иметь будет со мною дело».

При имени Пушкина блеснула в голове моей мысль, что передо мною стоит молодой поэт, таланту которого уж сам Жуковский поклонялся, корифей всей образованной молодежи Петербурга, и я спешил спросить его: «Не Александра ли Сергеевича имею честь видеть перед собою?»

— Меня так зовут, — сказал он, улыбаясь. «Пушкину, — подумал я, — Пушкину, автору «Руслана и Людмилы», автору стольких прекрасных мелких стихотворений, которые мы так восторженно затвердили, будущей надежде России, погибнуть от руки какого-нибудь Денисевича; или убить какого-нибудь Денисевича и жестоко пострадать... нет, этому не быть! Во что бы ни стало, устрою мировую, хотя бы и пришлось немного покривить душой» .

— В таком случае, — сказал я по-французски, чтобы не понял нашего разговора Денисевич, который не знал этого языка, — позвольте мне принять живое участие в вашем деле с этим господином, и потому прошу вас объяснить мне причину вашей ссоры.

Тут один из ассистентов рассказал мне, что Пушкин накануне был в театре, где, на беду, судьба посадила его рядом с Денисевичем. Играли пустую пиесу, играли, может быть, и дурно. Пушкин зевал, шикал, говорил громко: «Несносно!» Соседу его пиеса, по-видимому, очень нравилась. Сначала он молчал, потом, выведенный из терпения, сказал Пушкину, что он мешает ему слушать пиесу. Пушкин искоса взглянул на него и принялся шуметь по-прежнему. Тут Денисевич объявил своему неугомонному соседу, что попросит полицию вывести его из театра.

— Посмотрим, — отвечал хладнокровно Пушкин и продолжал повесничать.

Спектакль кончился, зрители начали расходиться. Тем и должна была бы кончиться ссора наших противников. Но мой витязь не терял из виду своего незначительного соседа и остановил его в коридоре.

— Молодой человек, — сказал он, обращаясь к Пушкину, и вместе с этим поднял свой указательный палец, — вы мешали мне слушать пиесу... это неприлично, это невежливо.

— Да, я не старик, — отвечал Пушкин, — но, господин штаб-офицер, еще невежливее здесь и с таким жестом говорить мне это. Где вы живете?

Денисевич сказал свой адрес и назначил приехать к нему в восемь часов утра. Не был ли это настоящий вызов?..

— Буду, — отвечал Пушкин.

Офицеры разных полков, услышав эти переговоры, обступили, было, противников; сделался шум в коридоре, но, по слову Пушкина, все затихло, и спорившие разошлись без дальнейших приключений.

Вы видите, что ассистент Пушкина не скрыл и его вины, объяснив мне вину его противника. Вот этот-то узел предстояло мне развязать, сберегая, между тем, голову и честь Пушкина.

— Позвольте переговорить с этим господином в другой комнате, — сказал я военным посетителям.

Они кивнули мне в знак согласия. Когда я остался вдвоем с Денисеви-чем, я спросил его, так ли было дело в театре, как рассказал мне один из офицеров. Он отвечал, что дело было так. Тогда я начал доказывать ему всю необдуманность его поступков; представил ему, что он сам был кругом виноват, затеяв вновь ссору с молодым, неизвестным ему человеком при выходе из театра, когда эта ссора кончилась ничем; говорил ему, как дерзка была его угроза пальцем и глупы его наставления, и что, сделав формальный вызов, чего он, конечно, не понял, надо было или драться, или извиниться. Я прибавил, что Пушкин — сын знатного человека (что он известный поэт, этому господину было бы нипочем). Все убеждения мои сопровождал я описанием ужасных последствий этой истории, если она разом не будет порешена. «В противном случае, — сказал я, — иду сейчас к генералу нашему, тогда... ты знаешь его: он шутить не любит». Признаюсь, я потратил ораторского пороку довольно, и недаром. Денисевич убедился, что он виноват, и согласился просить извинения. Тут, не дав опомниться майору, я ввел его в комнату, где дожидались нас Пушкин и его ассистенты, и сказал ему: «Господин Денисевич считает себя виноватым перед вами, Александр Сергеевич, и в опрометчивом движении, и в необдуманных словах при выходе из театра; он не имел намерения ими оскорбить вас».

— Надеюсь, это подтвердит сам господин Денисевич, — сказал Пушкин.

Денисевич извинился... и протянул было Пушкину руку, но тот не подал ему своей, сказав только: «Извиняю», и удалился с своими спутниками, которые очень любезно простились со мною.

Скажу откровенно, подвиг мой испортил мне много крови в этот день — по каким причинам, вы угадаете сами. Но теперь, когда прошло тому тридцать шесть лет, я доволен, я счастлив, что на долю мою пришлось совершить его. Если б я не был такой жаркий поклонник поэта, уже и тогда предрекавшего свое будущее величие, если б на месте моем был другой, не столь мягкосердый служитель муз, а черствый, браннолюбивый воин, который, вместо того чтобы потушить пламя раздора, старался бы еще более раздуть его, если б я повел дело иначе, перешел только через двор

к одному лицу, может быть, Пушкина не стало б еще в конце 1819 года, и мы не имели бы тех великих произведений, которыми он одарил нас впоследствии. Да, я доволен своим делом, хорошо или дурно оно было исполнено. И я ныне могу сказать, как старый капрал Беранже:

Puis, moi, j'ai servi le grand homme!

Обязан прибавить, что до смерти Пушкина и Денисевича я ни разу не проронил слова об этом происшествии. Были маленькие неприятности у Денисевича в театрах с военными, вероятно, последствия этой истории, но они скоро кончились тем, что мой майор (начинавший было угрожать заочно Пушкину какими-то не очень рыцарскими угрозами), по моему убеждению, весьма сильному, ускакал скоро из Петербурга.

Через несколько дней увидал я Пушкина в театре: он первый подал мне руку, улыбаясь. Тут я поздравил его с успехом «Руслана и Людмилы», на что он отвечал мне: «О! Это первые грехи моей молодости!»

— Сделайте одолжение, вводите нас почаще такими грехами во искушение, — отвечал я ему.

По выходе в свет моего «Новика» и «Ледяного дома», когда Пушкин был в апогее своей славы, спешил я послать к нему оба романа, в знак моего уважения к его высокому таланту. Приятель мой, которому я поручал передать ему «Новика», писал ко мне по этому случаю 19 сентября 1832 года: «Благодарю вас за случай, который вы мне доставили, увидеть Пушкина. Он оставил самые приятные следы в моей памяти. С любопытством смотрел я на эту небольшую, худенькую фигуру и не верил, как он мог быть забиякой... На лице Пушкина написано, что у него тайного ничего нет. Разговаривая же с ним, замечаешь, что у него есть тайна — его прелестный ум и знания. Ни блесок, ни жеманства в этом князе русских поэтов. Поговоря с ним, только скажешь: «Он умный человек. Такая скромность ему прилична». Совестно мне повторить слова, которыми подарил меня Пушкин при этом случае; но, перечитывая их ныне, горжусь ими. Отчего ж не погордиться похвалою Пушкина?..»

Узнав, что он занимается историей Пугачевского бунта, я препроводил к нему редкий экземпляр Рычкова. Вследствие этих посылок я получил от него письмо, которое здесь помещаю. Все лестное, сказанное мне в этом послании, принимаю за радушное приветствие; но мне всего приятнее, что великий писатель почтил мое произведение своею критикой, а ею он не всякого удостоивал, как замечено было недавно и в одной из биографий его. Вот это письмо, которое храню, как драгоценность, вместе со списком моего ответа:

«Милостивый государь, Иван Иванович!

Во-первых, должен я просить у вас прощение за медленность и неискренность свою. Портрет Пугачева получил месяц тому назад и, возвра-

таясь из деревни, узнал, что до сих пор экземпляр его истории вам не доставлен. Возвращаю вам рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благосклонности.

Позвольте, милостивый государь, благодарить вас теперь за прекрасные романы, которые все мы прочли с такою жадностью и с таким наслаждением. Может быть, в художественном отношении, "Ледяной дом" и выше "Последнего Новика", но истина историческая в нем не соблюдена, и это со временем, когда дело Волынского будет обнародовано, конечно, повредит вашему созданию; но поэзия останется всегда поэзией, и многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык. За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Волынского играет он лицо мученика. Его донесение Академии трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать без негодования на его мучителя. О Бироне можно бы также потолковать. Он имел несчастье быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа. Впрочем, он имел великий ум и великие таланты.

Позвольте сделать вам филологический вопрос, коего разрешение для меня важно: в каком смысле упомянули вы слово хобот в последнем вашем творении и по какому наречию?

Препоручая себя вашей благосклонности, честь имею быть с глубочайшим почтением,

Милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою
Александр Пушкин». □

Денис Логинов

КУМИР НА БРОНЗОВОМ КОНЕ

Этот памятник — визитная карточка города на Неве и, как и этот город, вне времени. По прихоти судьбы он связан и с именем Пушкина. Собственно говоря, благодаря поэме «Медный всадник», за бронзовым изваянием и закрепилось навсегда имя «Медный».

Памятник создавался шестнадцать лет — своего рода рекорд для произведения искусства подобного рода. Его авторами были двое скульпторов, но в истории сохранилось имя лишь одного. Второй — женщина — был практически забыт.

Авторство монумента принадлежит французскому скульптору Фальконе и его ученице Анн-Мари Колло. Молодая женщина ваяла голову, мэтр — все остальное. Но нужно сказать, что получилось все в высшей степени гармонично, хотя змею делал третий мастер — скульптор Федор Гордеев. Почему этого не мог делать француз, остается только гадать.

Предыстория знаменитого монумента еще длиннее, чем история его создания. Но прежде всего следует отметить, что мнение о «Медном всаднике» как первом монументе Петру Великому — ошибочно.

Самый первый памятник Петру I (сегодня его еще называют Коннетаблем) поручили создать Карло Бартоломео Растрелли еще при жизни императора. Петр лично заказал монумент в ознаменование победы над шведами в Северной войне.

Растрелли вдохновлялся триумфальными статуями римских императоров, поэтому сама скульптура получилась так похожа на конную статую Марка Аврелия в Риме. В 1725 году Петр I умер, а памятник так и не был закончен — работа над ним длилась до конца 1750-х годов. Ей руководил уже сын Растрелли —

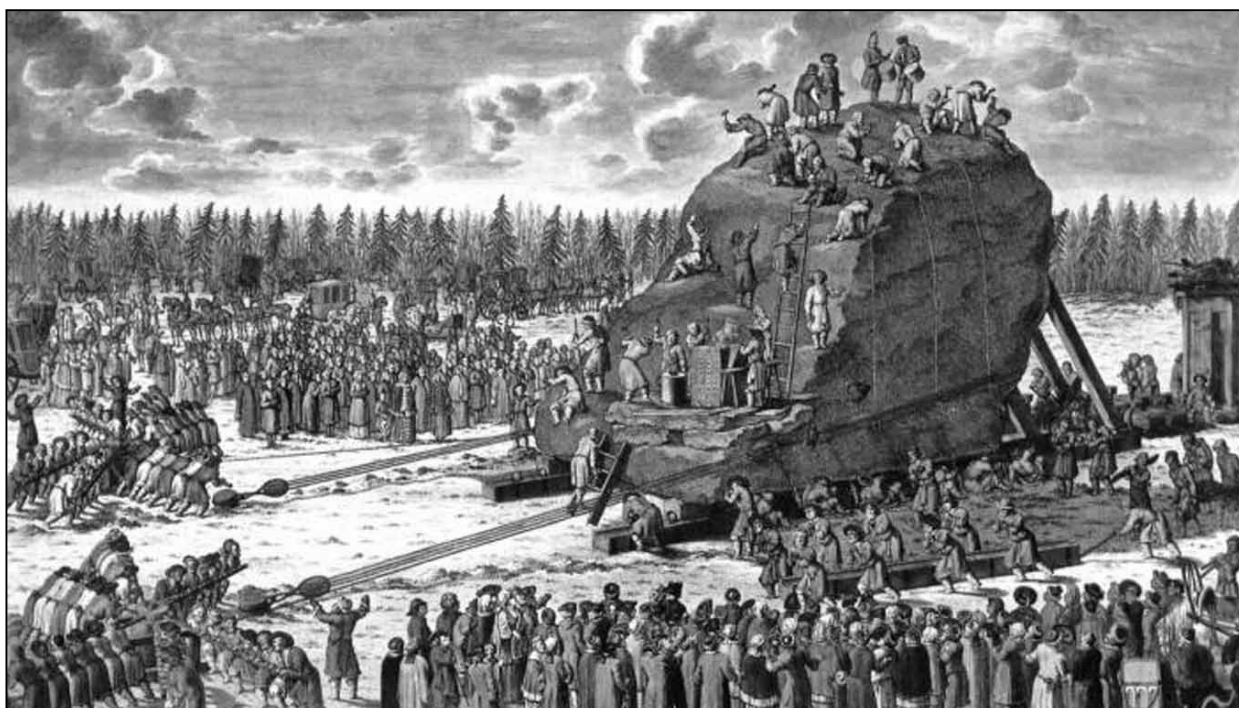
Франческо Бартоломео. Он предлагал установить монумент на площади перед Зимним дворцом, но получил отказ.

Только в 1799 году по указу Павла I монумент установили на площади перед Михайловским замком. Специально для памятника Федор Волков создал гранитный пьедестал, украшенный скульптурными барельефами с изображениями «Полтавской баталии» и «Битвы при Гангуте», выполненные под руководством Михаила Козловского. На памятнике оставили надпись «Прадеду — правнук».

В августе 1766 года русский посланник в Париже Дмитрий Голицын заключил контракт с французским скульптором Фальконе, рекомендованным Екатерине II ее корреспондентом, философом-просветителем Дени Дидро.

В обсуждении концепции памятника принимали участие Екатерина II, Дидро и Вольтер. Памятник должен был изображать победу цивилизации, разума, человеческой воли над дикой природой. Постамент памятника призван был символизировать природу, варварство, и тот факт, что Фальконе впоследствии обтесал грандиозный «Гром-камень», отполировал его, вызвал возмущение и критику современников.

В 1769 году прохожие могли здесь наблюдать, как гвардейский офицер взлетал на лошади на деревянный помост и ставил ее на дыбы. Так продолжалось по несколько часов в день. У окна перед помостом сидел Фальконе и внимательно зарисовывал увиденное. Кони для работы над памятником были взяты из императорских конюшен: скакуны Бриллиант и Каприз. Скульптор избрал для памятника русскую орловскую породу.

Транспортировка «Гром-камня»

Вскоре по прибытии Фальконе в Петербург, 15 (26) октября 1766 года, работы по созданию монумента двинулись полным ходом.

Мастерскую устроили в бывшем Тронном зале деревянного Зимнего дворца Елизаветы Петровны. Каменное здание бывшей конюшни при дворце приспособили для жилья Фальконе.

Изначально Екатерина видела памятник как статую Петра в облике римского императора с жезлом или скипетром в руке. Государственные сановники тоже предлагали варианты: Якоб Штелин советовал изобразить Петра в окружении аллегорий Благоразумия, Трудолюбия, Правосудия и Победы; Иван Бецкой — сделать фигуру во весь рост с жезлом в руках.

В условном одеянии, на вздыбленной лошади, Петр изображался Фальконе как законодатель и цивилизатор. Вот что писал по этому поводу сам Фальконе:

«Монумент мой будет прост... Я ограничусь только статуей этого героя, которого я не трактую ни как великого полководца, ни как победителя, хотя он, конечно, был и тем и другим. Гораздо выше личность создателя-законодателя...»

Скульптор изобразил Петра в подчеркнуто динамическом состоянии, одел его в простую и легкую одежду, которая, по словам скульптора, принадлежит «всем нациям, всем мужам и всем векам; одним словом, это героическое одеяние». Богатое седло он заменил медвежьей шкурой, которая символизирует нацию, цивилизованную государем. Постамент в виде громадной скалы — символ преодоленных Петром I трудностей, а введенная в композицию змея представляет собой остроумную находку в решении задачи по обеспечению статической устойчивости монумента. Ее появление под ногами вздыбленного коня достаточно убедительно объясняется тем, что она изображает «враждебные силы». И только венки из лавра, венчающий голову, да меч, висящий у пояса, указывают на роль Петра как полководца-победителя.

В начале 1773 года в помощь к Фальконе был назначен русский зодчий Юрий Фельтен: он должен был заменить уволенного от работ капитана де Ласкари, и, кроме того, к этому времени понадобился надзор

профессионала-архитектора за установкой памятника.

Неудивительно: постамент для конной фигуры заслуживает отдельного рассказа. Им стал так называемый «Гром-камень» — природный валун, найденный в окрестностях Конной Лахты. После того как камень извлекли из земли, котлован заполнила вода и образовался водоем, сохранившийся до настоящего времени, — Петровский пруд (с 2011 года — ООПТ). Путь камня до места погрузки был равен 7855 метрам.

Для перевозки камня были выбраны зимние месяцы, когда почва подмерзла и смогла выдерживать тяжесть. Эта уникальная операция продолжалась с 15 ноября 1769 года по 27 марта 1770 года. Камень был доставлен на берег Финского залива, где для его погрузки была сооружена специальная пристань.

Транспортировка камня по воде осуществлялась на судне, специально построенном по чертежу извест-

ного корабельного мастера Григория Корчебникова, и началась только осенью. Гигантский «Гром-камень» при огромном стечении народа прибыл в Петербург на Сенатскую площадь 26 сентября (7 октября) 1770 года. Для выгрузки камня у берега Невы был использован прием, уже примененный при погрузке: судно было притоплено и село на предварительно вбитые в дно реки сваи, что дало возможность сдвинуть камень на берег.

Работы по обтеске пьедестала проводились во время движения камня, до тех пор, пока посетившая Лахту Екатерина, желавшая посмотреть на перемещение камня, не запретила его дальнейшую обработку, желая, чтобы камень прибыл в Петербург в своем «диком» виде без утраты объема. Окончательный вид камень приобрел уже на Сенатской площади, значительно утратив после обработки свои первоначальные размеры.

Законченная в июле 1769 года гипсовая модель памятника, показанная в следующем году в течение двух недель публике, ожидала отливки.

Долгое время никто не хотел браться за отливку статуи. Иностранцы мастера требовали слишком большую сумму, а местных умельцев пугал ее размер и сложность работы. По расчетам скульптора для сохранения равновесия монумента передние стенки памятника должны были быть выполнены очень тонкими — не более сантиметра.

От такой работы отказался даже специально приглашенный литейщик из Франции. Он называл Фальконе сумасшедшим и говорил, что в мире не существует подобного примера отливки, что она не удастся.

Чтобы оценить напряженность обстановки и отношений действующих лиц, нужно привести письмо скульптора от 3 ноября 1774 года Екатерине II, взывавшего к ее покровительству:

«Всемиловитейшая государыня, в начале прошлого месяца г. Бецкой велел мне через Фельтена написать требования мои относительно отливки статуи, хотя формальность эта показалась мне излишнею, тем не менее я немедленно отправил письмо, с которого прилагаю при сем копию, с тех пор я не получал ответа. Без августейшего покровительства Вашего я нахожусь во власти человека, который с каждым днем более меня ненавидит, и если Вашему Величеству не угодно лицезреть меня более, то мне пришлось бы здесь жить хуже, чем

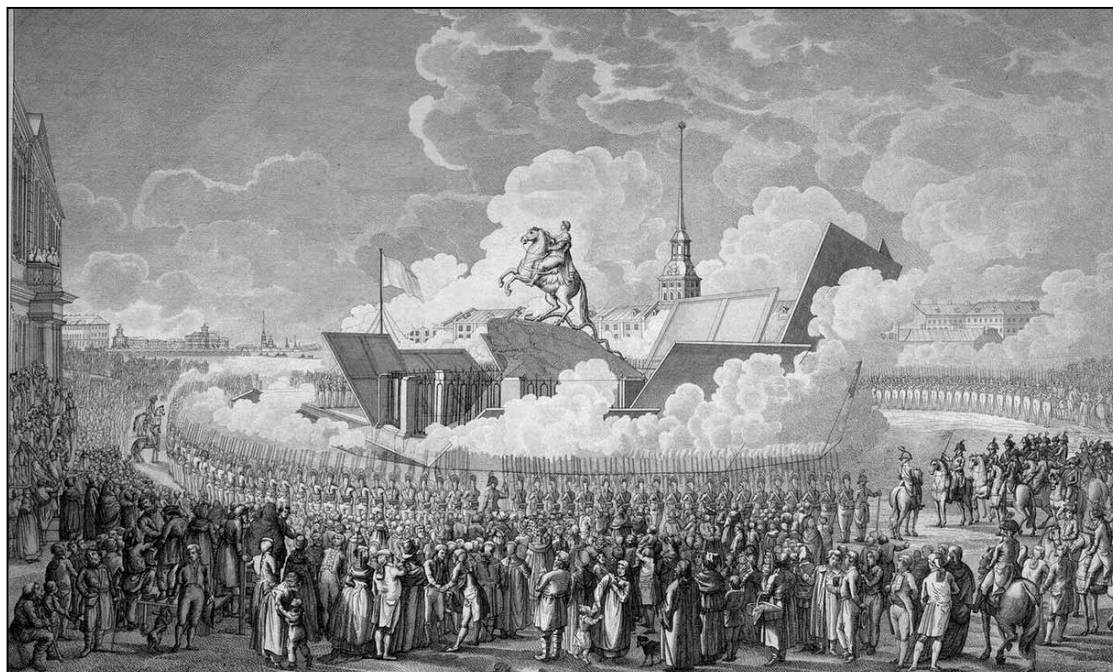
всякому пришельцу, который под конец находит покровителя...»

Наконец нашелся литейщик — пушечных дел мастер Емельян Хайлов. Вместе с ним Фальконе подбирал сплав, делал пробы. За три года скульптор в совершенстве овладел литьем. Начали отливать «Медного всадника» в 1774 году.

Технология была очень сложна. Толщина передних стенок обязательно должна была быть меньше толщины задних. При этом задняя часть

ла, и металл хлынул на пол. Начался пожар. Фальконе от ужаса выбежал из мастерской, за ним побежали рабочие, и только Хайлов остался на месте. Рискуя жизнью, он обмотал форму своей сермягой и обмазал глиной, подобрал растекшуюся бронзу и влил ее обратно в форму. Памятник был спасен, а возникшие из-за аварии погрешности, позже были исправлены при полировке статуи.

Об этих событиях Санкт-Петербургские ведомости писали:

Открытие монумента Петру Великому

становилась тяжелее, что придавало устойчивость статуе, опирающейся всего на две точки опоры (змея не точка опоры).

Одной заливкой, которая началась 25 августа 1775 года, дело не обошлось. Надзор за ней поручили Хайлову. Было заготовлено 1 350 пудов бронзы, и когда вся она, расплавленная, потекла в форму, форма тресну-

«Литье удалось кроме мест в двух фута на два вверх. Сия сожальительная неудача произошла через случай, который предвидеть, а значит, и предотвратить возможности вовсе не было. Вышеупомянутый случай казался столь страшен, что опасались, дабы все здание не занялось пожаром, а следовательно, все бы дело не провалилось. Хайлов остался неподвижен и прово-

дил расплавленный металл в форму, не теряя бодрости своей нимало при предоставляющейся ему опасности для жизни. Такой смелостью Фальконе тронутый по окончании дела бросился к нему и от всего сердца целовал и дарил его от себя деньгами».

Однако в результате аварии образовались многочисленные крупные дефекты (недоливы, спаи) в голове лошади и фигуре всадника выше пояса.

Был разработан смелый план спасения статуи. Решено было дефектную часть статуи срезать и вновь долить ее, нарастив новую форму непосредственно на сохранившиеся части монумента. С помощью кусков гипсовой формы была получена восковая модель верха отливки, являющаяся продолжением стенки отлитой ранее части статуи.

Вторую заливку произвели в ноябре 1777 г., и она полностью удалась. В память об этой уникальной операции, на одной из складок плаща Петра I скульптор оставил надпись «Лепил и отливал Этьен Фальконе парижанин 1778 года». О Хайлове ни слова.

Открытие памятника состоялось 7 августа 1782 года. С утра шел дождь, но он не помешал собраться на Сенатской площади значительному количеству людей. К полудню облака рассеялись. На площадь вступила гвардия. Военным парадом управлял князь А.М. Голицын. В четвертом часу на шлюпке прибыла сама императрица Екатерина II. Она поднялась на балкон здания Сената в короне и порфире и дала знак к открытию памятника. Ограда упала, под барабанную

дробь полки двинулись по невской набережной.

По повелению Екатерины II на постаменте начертано: «Екатерина II Петру I». Таким образом, императрица подчеркнула приверженность петровским реформам. Сразу после появления на Сенатской площади «Медного всадника» площадь была названа Петровской.

В 1976 году в памятнике были обнаружены трещины и была проведена его реставрация. Также было проведено рентгенологическое исследование, которое выявило, что хвост служит лишь балансиром, а сам каркас проходит только через задние ноги коня. Причиной трещин стал «пережог» металла, вероятно произошедший при повторной отливке верха скульптуры. Новая реставрация приурочена к 350-летию со дня рождения Петра I, которое будет отмечаться в 2022 году.

В первый раз Медного всадника реставрировали в 1909 году. Тогда вскрывали тело бронзового коня. В нем оказалась вода, которая попала внутрь по трещинам. При реставрации в 1912 году в каблуках сапог всадника, в передних копытах и на внутренней стороне задних ног скульптуры коня просверлили отверстия — через них так же вынесли множество ведер воды.

Со знаменитым памятником связано множество легенд.

Первая связана с императором Павлом. По ней однажды вечером Павел в сопровождении своего друга князя Куракина шел по улицам Петер-

бурга. Они встретили незнакомца. Павел обратился к Куракину:

— С нами кто-то идет рядом.

Однако тот никого не видел и пытался убедить в этом великого князя. Вдруг призрак заговорил:

— Павел! Бедный Павел! Я тот, кто принимает в тебе участие.

Затем призрак пошел впереди путников, как бы ведя их за собой. Подойдя к середине площади, он указал место будущему памятнику.

— Прощай, Павел, — проговорил призрак, — ты снова увидишь меня здесь.

И когда, уходя, он приподнял шляпу, и Павел якобы разглядел лицо Петра I.

Текстологический анализ легенды установил, она восходит к мемуарам баронессы фон Оберкирх. Баронесса подробно описывала обстоятельства, при которых сам Павел публично, хотя и против своей воли, рассказал эту историю. Фон Оберкирх сообщала, что через полтора месяца после памятного ужина Павел получил письмо

из Петербурга. В письме сообщалось о торжественном открытии памятника Петру Великому, известного впоследствии как Медный всадник. По словам Г. фон Оберкирх, хотя при чтении письма государь пытался улыбаться, мертвенная бледность покрыла его лицо.

Еще одна легенда более поздняя. Во время Отечественной войны 1812 года в результате отступления русских войск возникла угроза захвата Санкт-Петербурга французскими войсками. Обеспокоенный такой перспективой, Александр I приказал вывезти из города особо ценные произведения искусства. В частности, статс-секретарю

Молчанову было поручено вывезти в Вологодскую губернию памятник Петру I, и на это было отпущено несколько тысяч рублей.

В это время майор Батулин добился свидания с личным другом царя князем Голицыным и передал ему, что его, Батурина, преследует один и тот же сон. Он видит себя на Сенатской площади. Лик Петра поворачивается. Всадник съезжает со скалы своей и направляется по петербургским улицам к Каменному острову, где жил тогда Александр I. Всадник въезжает во двор Каменноостровского дворца, из которого выходит к нему навстречу государь.

— Молодой человек, до чего ты довел мою Россию, — говорит ему Петр Великий, — но куда я на месте, моему городу нечего опасаться!

Затем всадник поворачивает назад. Пораженный рассказом Батурина, князь Голицын передал сновидение государю. В результате Александр I отменил свое решение об эвакуации памятника. Памятник остался на месте.

Есть предположение, что легенда о майоре Батурине легла в основу сюжета поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник».

Мотив Медного всадника помещен русской литературой в самый центр «мистического петербургского текста», проникнутого двойственностью и сюрреализмом.

В романе Ф.М. Достоевского «Под-росток»: «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизкий город, подыметесь с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?»

В романе «Петербург» Андрея Белого один из персонажей, Александр Иванович Дудкин, после сильнейшего морального кризиса испытывает галлюцинации, в которых Медный всадник направляет его убить руководителя террористической организации и провокатора Липпанченко. Дудкин закалывает Липпанченко маникюрными ножницами и сам преобразается в подобие Медного всадника, восседая верхом на теле убитого.

Даниил Андреев, описывая один из миров в «Розе Мира», сообщал о том, что в inferнальном Петербурге факел в руке Медного всадника является единственным источником света, при этом Петр сидит не на коне, а на жутком драконе.

Памятник «Медный всадник» на Сенатской площади — один из самых узнаваемых символов, один из самых главных центров притяжения в туристической карте маршрутов по достопримечательностям Санкт-Петербурга. Монумент основателю города на Неве восхищает и потрясает своим величием, смыслом, воплощением и мистицизмом.

Без «Медного всадника» так же, как без Эрмитажа или разводки мостов в Санкт-Петербурге, или Дворцовой площади с Зимним дворцом и Александровской колонной, или Невы и Невского проспекта, или Исаакиевской площади с Исаакиевским собором, или Петропавловской крепости, невозможно знакомство с Петербургом.

P.S. Увы, самой Екатерине с памятниками, мягко говоря, не повезло. Их в России шесть — то есть сохранились все воздвигнутые монументы. Но на этом везение заканчивается. Памятники, созданные по проектам известных архитекторов и скульпторов, до обидного похожи друг на друга. Все они изображают вполне бессмысленную тетю в пышных одеяниях. Хотя один из памятников установлен уже в двадцать первом веке.

Впрочем, надо радоваться тому, что его автором не является Зураб Церетели. □

Дары данайцев

По планете бодро шагал апрель 1988 года. Ласковое весеннее утро заглянуло в ординаторскую и залило ее ярким солнечным светом. Доктор Мартынов проснулся, неохотно приоткрыл один глаз, потом второй, потянулся и понял, что дежурство заканчивается так же спокойно, как начиналось, что было большой редкостью в тяжелой и опасной работе врача кардиореаниматолога. Открыв нараспашку фрамугу и вдохнув полной грудью аромат молодой весны, Алексей с удивлением обнаружил прямо под окнами милицейскую машину, которая как будто пряталась за углом терапевтического корпуса. Молодой врач заглянул в безмятежно спокойный блок и решил сходить на улицу покурить, а, заодно удовлетворить свое любопытство. В этот момент послышался неумолимо приближающийся звук сирены, на территорию въехала машина «скорой помощи» и остановилась прямо перед вышедшим эскулапом. «А так все хорошо начиналось», — вздохнул он про себя и открыл пассажирскую дверь, из которой бодро выскочил Сашка Уткин, его хороший товарищ. Алексей протянул Сашке руку и приготовился слушать анамнез заболевания, но внезапно к ним подлетели три здоровых милиционера, скрутили Уткина, а Мартынову велели стоять на месте и сухо бросили: «Будете понятым». Затем с пристрастием облазили Сашкины карманы, но, к своему явному удивлению, того, что искали, не нашли.

— Куда ты девал деньги, сволочь? — завопил мордастый капитан.

— Вы совсем обалдели?! Какие деньги у врача «скорой»?! — возмутился Уткин. — И, может, вы мне хоть позвольте передать больного, а то, неровен час, помрет еще! А потом ищите себе, чего хотите...

— Какой он, к черту больной, — отмахнулся капитан.

— А вот это уже не вам судить, — решительно произнес Сашка и едва заметно подмигнул Алексею.

Тут подтянулись медсестры, переложили пациента на носилки и повезли в отделение. Менты разделились, один остался с водителем «скорой», двое других сопровождали процессию. Во время недолгого пути с улицы Сашка успел громко рассказать о нарушении сердечного ритма, которое случилось у больного на фоне тяжелого стресса, и героических действиях бригады по его спасению.

Сам же пациент вел себя очень странно, пытался вяло отбиваться от персонала и утверждал, что абсолютно здоров. Его определили в шоковую палату, раздели догола, подсоединили к монитору, а доктор Мартынов, интуитивно поняв, что это почему-то нужно Сашке, стал цокать языком и изображать сильную обеспокоенность состоянием поступившего, хотя все показатели его сердечной деятельности были в норме.

Товарищи милиционеры досконально обследовали снятую одежду, снова ничего не нашли и отправились вниз несолоно хлебавши. Уткин шепнул Алексею на ухо: «Когда все уляжется, подойди к березе у забора напротив вашего корпуса, заberi посылку», и последовал за представителями власти. Еще минут пятнадцать продолжалась разборка у входа. Милиционеры сначала требовали, а потом жалостливо умоляли отдать какие-то деньги, но Сашка твердил, что они сбрендили, и ни о каких деньгах он представления не имеет. На этом и разъехались в разные стороны.

Мартынов сгорал от любопытства, но решил еще чуть-чуть подождать открывать тайну березы. Промучившись около часа, он отправился покурить на улицу, как бы невзначай подкрался к искомому дереву и без труда обнаружил медицинскую перчатку с банковской упаковкой трехрублевок — целых триста рублей (три месячных зарплаты советского врача)!

Понимая, что у него деньги точно искать не будут, он спокойно сунул их в свою сумку в ожидании Сашкиных указаний, но, тем не менее, решил допросить с пристрастием пациента в шоковой палате. Тот быстро признался, что он — актер, которого наняли на разовую работу товарищи милиционеры для того, чтобы подставить незадачливого доктора «неотложки». На вопрос, понимает ли он, что человек мог из-за него сесть в тюрьму, он только ухмыльнулся и ответил, что это не его дело, и нечего брать взятки. «Каков гаденыш, — подумал Алексей, — придется наказать».

— Девчата, а не прокатиться ли нам на подводной лодке? — задумчиво произнес он, обращаясь к медсестрам.

— О, да, — ехидно улыбнулась одна из них, — это будет увлекательное путешествие!

Набрав в шприц придуманный неизвестным изобретателем для нейтрализации всяких мерзавцев трехкомпонентный коктейль, состоящий из ла-

зикса (сильного мочегонного средства), прозерина (не менее мощного препарата от запора) и реланиума (вещества успокаивающего и снотворного действия, именуемого «подводной лодкой»), она с удовольствием впрыснула его в организм незадачливого актера, тут же уплывшего в мир грез. Пробуждение его ожидало не очень приятное, но доктор Мартынов со злорадным удовлетворением подумал, что выполнил свой врачебный долг, и проведенный сеанс одиночного плавания напрочь излечит товарища актера от желания соглашаться на подобные подлые роли.

Еще около часа Алексей ожидал вестей от Сашки. Самому звонить ему не хотелось, поскольку он не знал, как там складывается обстановка вокруг товарища. Наконец знакомый голос в трубке спросил: «Нашел?» — и, получив утвердительный ответ не только на этот вопрос, но и на другой — свободен ли Мартынов сегодня? — с облегчением сказал: — Тогда давай часика в четыре у тебя встретимся. Я в три закончу и приеду. А ты, если можешь, закупись чем-нибудь вкусненьким в плане коньяка и закуски. Лучше на рынок сходи. Надеюсь, деньги у тебя есть?» — Последняя фраза была произнесена после паузы и не без торжествующей иронии.

— Найду. Если что, займу у товарищей, — ответил Алексей.

В те годы в советских магазинах не было изобилия товаров. А если сказать честно, там почти ничего не было... За продуктами, даже вполне обычными, выстраивались длинные очереди, а понятия «сыр», «колбаса», «масло» и прочее являлись вполне самодостаточными. На просьбу взвесить триста граммов колбасы продавщице даже в голову не приходило спросить: «Вам какую?» Ибо выбирать не приходилось, какая есть, такую и давали... если еще повезет! Зато продуктовые рынки тогда были абсолютно не похожи на нынешние, где едой, зачастую сомнительного качества, по дешевке закупаются или очень бедные, или слишком бережливые россияне. В конце 80-х колхозные рынки посещали только состоятельные люди. Впрочем, поглазеть могли все, а вот что-нибудь купить... Чего здесь только не было! Рыба на любой вкус, холодного и горячего копчения, соленая и вяленая, большая и маленькая... Баранина, говядина и свинина в виде вырезки, окорока, корейки или шейки, охлажденная или замороженная, копченая или вареная... Фрукты, овощи и зелень — свежайшие, в том числе непонятные заморские, которых и названия-то рядовые советские граждане не знали, а уж пробовать... А сметанка, со стоящей в ней ложкой, творожок рассыпчатый, сыры с бронебойным запахом так и манили из переполненных витрин! Но все это великолепие и стоило соответственно, поэтому рядовому врачу с зарплатой в сто рублей в месяц делать тут было абсолютно нечего. Разве что попускать слюни, после чего отовариться портвейном, плавленным сырком «Дружба» и с горя напиться.

Но в этот день Алексей чувствовал себя подпольным миллионером. Он деловито прохаживался по пустынным рядам, ему в глаза подобострастно заглядывали торгующие гости из разных республик Кавказа и расхваливали свой товар. Эти самые глаза разбегались от чудесного изобилия оазиса капитализма. В итоге он купил всего понемножку, спрятал эту роскошь в большую черную сумку, чтобы никто не увидел, не дай бог, ее содержимое, и отправился за спиртным. Это теперь принято кичиться дорогим автомобилем и одеждой от кутюр, а в советское время люди всячески скрывали свои нетрудовые доходы, поскольку их обнаружение было чревато крайне неприятным знакомством с товарищами из ОБХСС. В магазине «Вино — воды» его разобрал жуткий смех, когда он чуть не купил по привычке пару литров рабоче-крестьянского портвейна. Справедливо рассудив, что балычок с ананасами — не совсем подходящая закуска для бормотухи, Алексей приобрел под уважительные взгляды окружающих три бутылки коньяка по десять рублей пятьдесят копеек, любовно уложил их в сумку и был таков.

Затраты оказались безумными — более шестидесяти рублей! Он притащил домой непосильным трудом добытую снедь и, сгорая от любопытства, стал готовиться к визиту в прямом смысле дорогого друга. Стол покрыл своей лучшей скатертью, любовно нарезал и разложил по тарелочкам заморские закуски и украсил их листиками салата, ароматным укропчиком и кинзой, положил салфетки, приборы и тут поймал себя на мысли, что как будто готовится к свиданию с любимой девушкой. Впрочем, банкет за такие деньги на газетке выглядел бы как минимум странно!

Наконец раздался нетерпеливый звонок в дверь, и Алексей пошел открывать.

— Ну, давай, скорей рассказывай, а то сдохну от любопытства! — воскликнул он, как только Сашка показался в дверном проеме.

— Сначала наливай! — отмахнувшись, устало выдохнул Уткин.

Хозяин дома плеснул в рюмку живительной влаги и протянул ее гостю, но тот замотал головой и сердито проговорил:

— Нормально налей!

Алексей достал граненый стакан и наполнил его до половины. Сашка залпом выпил коньяк, занюхал рукавом и выдавил из себя: «Еще!» Выпив еще полстакана, вздохнул и уже спокойно произнес:

— Вот теперь могу рассказывать.

Зайдя в комнату, он слегка обалдел от увиденного натюрморта и поднял вверх большой палец. Они сели за стол, Мартынов залпом выпил две рюмки, чтобы слегка догнать товарища, и стал слушать детективную историю, едва не ставшую для него роковой.

Итак, доктор Уткин не успел еще переодеться в рабочий костюм, как его вызвал начальник подстанции:

— Срочно на выезд. Там какое-то нарушение ритма у молодого парня!

— Так ведь очередь не моя...

— Твоя, твоя! Звонил серьезный человек, сказал, что слышан о твоём профессионализме и хочет видеть именно тебя. Так что извини...

Саня вздохнул, схватил дежурный чемоданчик и отправился к машине, где его ждал водитель. Доехали быстро, доктор поднялся на лифте на третий этаж и зашел в заранее открытую дверь квартиры. Явно небедный мужчина средних лет и крепкого телосложения жестом пригласил его на кухню.

— Больной-то где? — спросил в недоумении Сашка.

— Потом, — отрезал мужчина, откусил кончик дорогой сигары и прикурил от зажигалки, которая стоила, на первый прикид, не менее месячной зарплаты врача. — Закуривай, — сказал он, затягиваясь, и протянул сигару доктору.

Тот повторил движения нового знакомого, вопросительно посмотрел на него и вдохнул ароматный дым.

— Мой сын, придурок восемнадцатилетний, рискует попасть в армию, а мне бы этого очень не хотелось. Поэтому лучше его поместить в реанимацию с какой-нибудь сердечной ужасной болезнью. Мне надо, чтобы ты отвез его в больницу — не волнуйся, там все уже договорено — и сдал с рук на руки дежурному врачу. Я хорошо заплачу.

— Больница какая? — спросил Сашка.

Мужчина назвал номер клиники, где трудился доктор Мартынов.

— Попробую получить туда наряд. Если получится, то можно.

— Попробуй, милый, попробуй! У тебя все получится! — усмехнулся хозяин, продолжая дымить сигарой.

Наряд дали удивительно легко, и Уткин прошел в соседнюю комнату, где, лежа на диване, здоровый лоботряс курил сигарету импортного производства и слушал музыку.

— Придется катетер поставить в вену, чтобы все выглядело натурально, — сказал Сашка и надел перчатки.

— Валяй! — разрешил папаша, а сынок даже не удосужился снять наушники.

Уткин записал все данные мнимого больного, оформил нужные бумажки, установил катетер и сказал отцу, что можно парня увозить. Мужчина вывел доктора в коридор, сунул ему что-то в карман и проговорил:

— Спускайся в машину, сейчас выйдет. А это тебе за услугу.

Сашка даже не успел снять перчатки, так быстро его выпихнули из квартиры. Засунув руку в карман халата, он совершенно обалдел, когда в руке

захрустела новенькая банковская упаковка трехрублевки — целых триста рублей! У него от радости в зобу дыханье сперло, и он вприпрыжку понесся к машине ждать «тяжелого пациента с жизненно опасным нарушением сердечного ритма». Вскоре «пациент» спустился, и автомобиль тронулся с места. И тут доктора Уткина стали терзать смутные сомнения. Во-первых, раз у этого мужика столько денег, что он легко расстается с тремя сотнями за перевозку, почему он не оформил сына в БИТ самотеком, а вызвал бригаду, с которой мог бы и не договориться? Во-вторых, они не были знакомы, так зачем вызывали именно его? И, наконец, в-третьих: Сашка знал, что в реанимации была смена доктора Мартынова, и, если бы была какая-то договоренность, он, наверное, нашел бы способ сообщить об этом. Мгновенно прокрутив все это в голове, горе-взяточник покрылся холодным потом, а, попытавшись стереть его с лица, с удивлением и радостью обнаружил, что его руки все еще в перчатках, стало быть, «грязных» денег он руками не касался. Тут и родился у него опасный, но вполне оригинальный план. Подъезжая к больнице, Сашка открыл окно и незаметно швырнул заранее помещенную в перчатку пачку денег в район забора, благо расстояние от проезжей части до него было небольшим. По траектории полета «дорогостоящей» перчатки он примерно прикинул ее местоположение, о чем и сообщил на ухо невольному сообщнику при первой возможности. Дальнейший ход событий был уже известен, за исключением безуспешных попыток представителей власти обнаружить на Сашкиных руках следы меченых денег, которых, естественно, не было.

— Ты сразу посылку нашел? — спросил Сашка, заканчивая рассказ и пытаясь одновременно заесть коньяк кусочком ананаса.

— А то, — ответил Алексей, закусывая балычком.

Они молча выпили несколько рюмок, после чего Алексей задумчиво произнес:

— А на моих руках следов этих денег полно. И на ладонях продавщицы в магазине, и торговцев на рынке... Не нравится мне все это... — Он покачал головой и после небольшой паузы добавил: — Знаешь, Сань, по-моему, от этих денег лучше избавиться. Не принесут они нам ничего хорошего...

— Если честно, ты снял у меня эти слова с языка, — усмехнулся Уткин. — А еще говорят, что деньги не пахнут...

— Пахнут, пахнут! — уверенно проговорил Алексей. — Выбросим их в мусоропровод?

— Нет. Их надо отдать кому-то, кто в них нуждается, но не знает, откуда они взялись.

— Давай отправим их в детский дом?

— Просто, как и все гениальное! — одобрительно закивал Сашка. — У тебя есть справочник, где можно найти координаты?

— Конечно! — радостно выкрикнул Алексей и помчался искать адресную книгу.

В те годы Интернета еще не было, и, для того чтобы найти организацию или человека, приходилось перелистывать сотни страниц толстого справочника или обращаться в специальный киоск под названием «Адресный стол». К счастью, друзьям удалось быстро найти информацию про Дом ребенка, и Сашка пожелал немедленно бежать на почту, пока не закрылась. Они упаковали остаток денег в газету, а на приклеенном сверху тетрадном листке написали: «Пусть эти деньги принесут радость тем, кто в них особенно нуждается».

Довольные, друзья выскочили на улицу и побежали на почту. Влетев в зал, Алексей, отдуваясь, спросил у приемщицы:

— Ценную бандероль можно отправить?

— Конечно, — ответила девушка, — только побыстрее, а то скоро закрываемся.

Он взял большой конверт, засунул в него злополучные купюры, заклеил накрепко, написал максимально четким почерком адрес и протянул его со словами:

— Сколько с меня?

— В какую сумму вы оцениваете вашу бандероль? — спросила девушка, кладя ее на весы.

— Саня, во сколько ты оцениваешь свою свободу? — прищурился Мартынов.

— Ты, видимо, думаешь — рублей в триста? — после паузы ответил вопросом на вопрос Уткин. — Нет, Леха, сегодня в один момент я понял, что она и рубля не весит!

— Наша бандероль стоит девяносто копеек! — громко объявил Алексей.

— Так мало?! — удивилась приемщица.

Он развел руки в стороны и проговорил, указывая на Сашку:

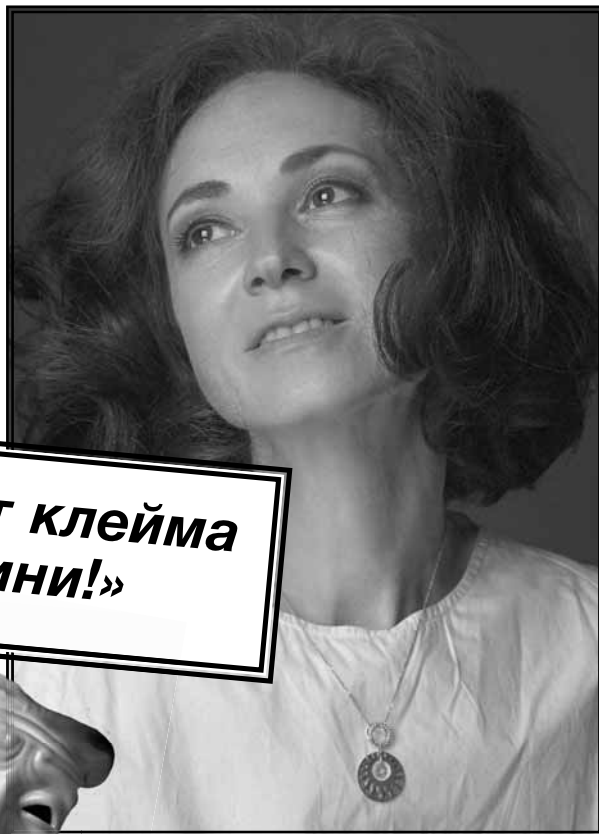
— Так хозяин приказал... А я его слушаюсь.

Девушка пожалала плечами, взяла какие-то копейки за отправку бандероли, и друзья выскочили на улицу.

Домой возвращались вприпрыжку... Честное слово, такое всеобъемлющее ощущение счастья нечасто повторялось в жизни доктора Мартынова! В итоге почти все остались в плюсе, а доктора — даже дважды: и банкет буржуйский себе устроили, и доброе дело сделали. Дети, вероятно, получили свои подарки и тоже остались довольны. Не радовались, наверное, только неудачливые милиционеры, которых распекало начальство за утерянные государственные деньги, да мнимый больной в шоковой палате, уплывавший в светлую даль в собственных миазмах... □

Успех к ней пришел буквально с первых ролей в кино и театре. Однако звездная болезнь обошла начинающую актрису стороной. Анна и сейчас — молода, жизнерадостна и легка в общении. По-прежнему служит в родном Ленкоме (теперь театр называется «Ленком Марка Захарова»), снимается в сериалах, воспитывает сына, который унаследовал таланты родителей — мамы-актрисы и папы-художника...

Анна Большова

«Я так хотела уйти от клейма положительной героини!»

Фото Яны Овчинниковой

— Анна, вашему сыну Даниилу скоро 14 лет. Он уже определился, кем хочет стать? Знаю, что актерский опыт у него уже есть.

— Да, Даня посещал театральную студию, а потом — ДМТЮА — Детский музыкальный театр юного актера, которым руководит Александр Львович Федоров, играл главную роль в мюзикле «Приключения Оливера Твиста»

и даже с арией Оливера выступал на новой сцене Большого театра! Но, должна сказать, у меня больше надежд на другие способности сына. Он любит мелкую работу руками. Может долго сидеть и что-то лепить, например, каких-то невероятных дракончиков, что-то рисовать, клеить... И у него так здорово получается! Мы с мужем (Александр Макаренко, художник. — Прим. автора)

это оценили и в какой-то момент стали сына активно направлять в сторону художественного творчества, уже с прицелом на будущую профессию.

— Я читала, что он даже вышивкой занимается!

— У Дани в школе был замечательный педагог по труду, который давал им всякие разные технологии, и ребята делали какие-то изумительные вещи, И — да — сын как-то сказал: «Мама, я хочу кроме театра заниматься еще вышиванием». Мы с мужем немного подумали и сказали: «Даня, будешь учиться шить! Испокон веков мужчины — классные портные!» И вот в результате с начала пандемии, то есть года три уже, наш сын целенаправленно занимается с педагогом освоением портновского искусства. Поскольку, как мы считаем, такой выбор поможет ему в будущем крепче стоять на ногах, иметь заработок и так далее. Актерская же профессия в этом смысле не надежная.

— Однако вы о другой и не мечтали! И первая роль — Вороны в школьном спектакле — удалась на славу. Одноклассницы, наверное, завидовали?

— Конечно, какие-то не очень приветливые взгляды девчонок я на себе ловила. И знаете, что меня убедило в том, что в той школьной постановке по сказке «Снежная королева» я сыграла действительно хорошо?

Когда на следующий год мама одного из одноклассников, которая и была нашим режиссером, решила поставить еще один спектакль... Как же та сказка называлась? Там шахматная доска, персонажи — шахматные фигуры, короли, королевы, принцессы и еще шут... Известная сказка — наша, советская. Название забыла. Так вот, в момент распределения ролей в новой постановке, когда все «артистки» бурно делили «прекрасных дам», я тоже попыталась поучаствовать в процессе, но была отстранена со словами: «Нет, ты будешь играть шута, потому что ты что угодно сыграешь!» Я собралась, было, обидеться, но потом поняла, что это, в общем-то, комплимент!

— Правда, что вы росли в доме без телевизора?

— Телевизор появился, когда мне было лет двенадцать, наверное. Но у меня и старшей сестры было много других увлекательных занятий, так что мы, в общем-то, не чувствовали себя обделенными. К тому же телевизор был у бабушки и дедушки, родителей отца. И если кто-то из нас заболел, то его отправляли к ним на карантин. Но и без этого случалась радость оказываться в гостях у бабушки и дедушки. А там — этот голубой экран. Мне очень нравилось брать отпечатанную на бумаге телевизионную программку и обводить кружочком передачи, которые я хотела посмотреть — «В гостях у сказки», «В мире животных», мультики...

*«Вишневый сад».
Ленком*

трела много разных теплостановок. Но не это «влюбило» меня в профессию, мне кажется, я такой влюбленной родилась, во всяком случае, всегда хотела быть только актрисой.

— В театре звезда Анны Большовой возшла после роли Кончиты в рок-опере легендарного Ленкома «Юнона и Авось». А на экране — после выхода сериала «Остановка по требованию», в котором зрителям запомнилась ваша очень симпатичная героиня...

— Прекрасный был сериал. Но образ этой хорошей Наташи чуть не сыграл со мной злую шутку. Я очень переживала из-за того, что в кино после «Остановки по требованию» мне стали предлагать исключительно таких героинь, как эта Наташа. Казалось — все, теперь на мне клеймо, ролей другого плана ждать нечего. А я-то чувствовала себя, по крайней мере, характерной артисткой! В то же самое время мои героини на

Так что я не была совсем оторвана от той жизни, которой жили мои ровесники.

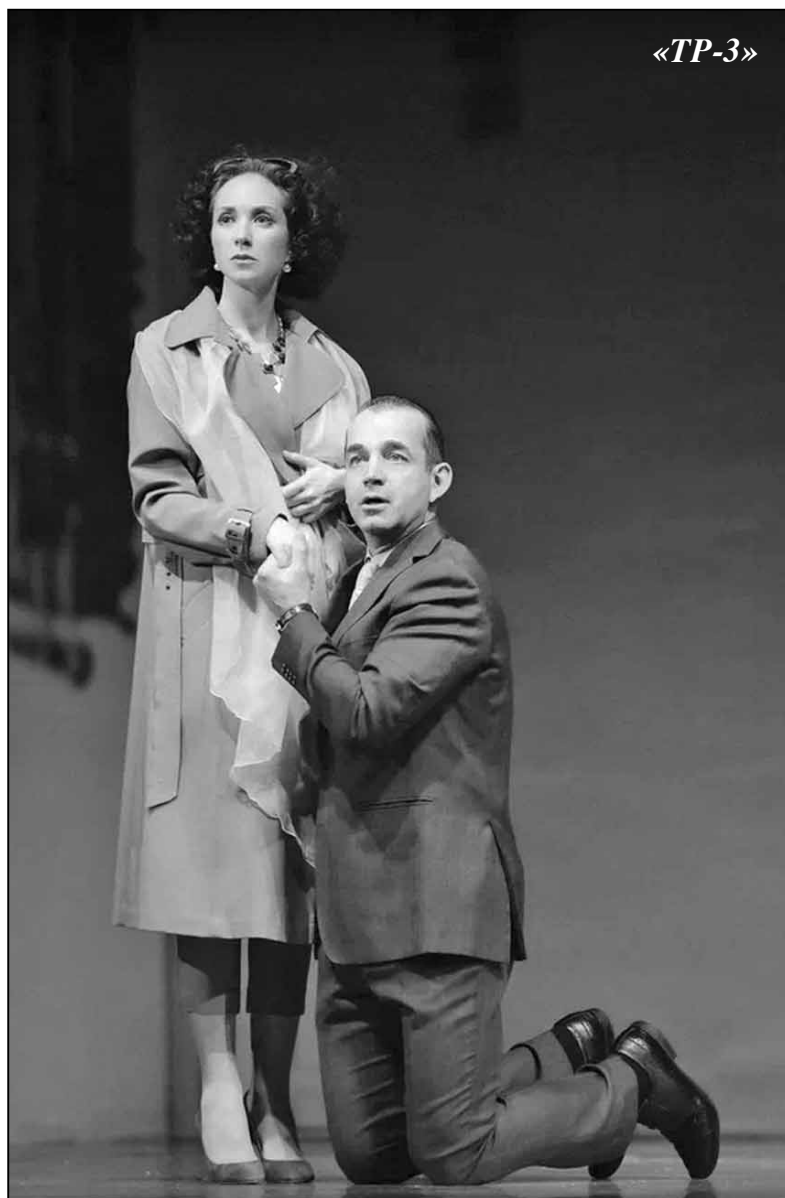
— Но в театр вас родители водили?

— Водили, хотя не могу сказать, что часто. Но у меня бабушка по материнской линии была актрисой, примой в провинциальных театрах. Потом, когда она перебралась в Москву, устроилась вахтером в Малый театр. Благодаря этому я (а мне было тогда лет одиннадцать) там что-то посмотрела. Особенно запомнились спектакли «Сирано де Бержерак» и «Недоросль». А когда и у нас в квартире появился телевизор, я смо-

театральной сцене были такие разнообразные — деятельные, яркие... Даже про упомянутую вами Кончиту нельзя сказать, что она совсем какой-то одуванчик! Но кино видело меня исключительно «голубой» героиней (есть у актеров такое определение положительных персонажей). Прошло несколько лет. И однажды пригласили меня на очередные пробы. Читаю сценарий. Там выписана, как часто бывает, такая... функция. И я понимаю: если эту героиню чуть-чуть под другим углом подать, можно сделать образ более объемным, более интересным, двойное, а то и тройное дно нарастить...

— То есть «функция» — это скучная роль?

— Да. Скажем, ты читаешь сюжет и понимаешь, что с персонажем ничего особо не происходит. Но вот, например, есть в кино такое понятие — подружка героя. Герой в круговороте событий, а ты весь фильм или сериал, порой много сезонов, подружкой ге-

роя ждешь, или ревнуешь, или тоскуешь... Хочется же какого-то действия, разнообразия, чтобы было, что играть! А в сценарии прописана одна определенная функция... И вот на тех пробах мы поговорили с режиссером и сделали немножко... посложнее вариант с той ролью, на которую я пробовалась. У нас были доверительные отношения, поэтому он не стал от меня скрывать мнение продюсеров, посмотревших материал со мной. Они сказали: «Большова, конечно, хорошая актриса, но у нее такое отрицательное обаяние!» Я так смеялась! Говорю: «Ну, вот, мо-ло-дец! Наконец добилась результата:

так хотела уйти от клейма положительной героини!»

— Вы в том сериале так и не сыграли?

— Нет. На эту роль взяли актрису Наташу Антонову, которая сыграла то, что продюсеры хотели — идеальную положительную героиню. Но мне такое, честно говоря, кажется скучным.

— Все-таки театр в этом смысле к актеру относится бережнее, щедрее и одновременно требовательнее. Знаю, вас в Ленком недавно ввели на роль Раневской в «Вишневом саде», спектакле, поставленном еще Марком Захаровым.

— Пока я сыграла лишь два спектакля, это начало пути. К великому сожалению, без чуткого руководства Мастера. Но какое счастье снова попасть в мир, созданный Марком Анатольевичем! Роль Раневской — большой профессиональный подарок, и такое поле, где можно расти, работать и получать огромное наслаждение. У Чехова нет ведь положительных или отрицательных персонажей. Есть живые люди. Со всеми пороками, слабостями, недостатками и достоинствами. И ты смотришься в его героев, как в зеркало... Антон Павлович великий знаток человеческой души, невероятный психолог!

— Вы в детстве, наверное, много читали. Тем более раз в доме не было телевизора. Наверное, и стихи писали, влюбившись в первый раз?

— Что касается первой любви, она случилась, когда мне было три года, в детском саду. Мальчика звали Юра. Причем это была ответ-

ная любовь, или, может, мне так казалось. Но на этом все и закончилось. Стихов я Юре не писала, поскольку писать еще не умела. А в какой-то момент, уже в более зрелом возрасте, лет в девять, я подумала: елки-палки, ведь все пишут стихи — надо и мне! Попробовала, выдавила из себя три или четыре строчки и поняла — нет, это точно не мое.

— У вашего сына начался трудный возраст. Ощущаете?

— Ну, пока еще не так чтобы очень, но сложности, видимо, на подходе...

— Вы примерно в 13–14 лет оказались с отцом и сестрой в США — вас пригласила в гости американская семья. Наверное, получили от поездки сильные впечатления?

— Это был 1990-й год. Тогда в наших магазинах мы, стоя в очередях, по талонам получали кусочек масла, сыра, килограмм сахара, а иногда удавалось и колбаски

«Поминальная молитва»

вареной отхватить. Но такое случалось редко. И вот из этой ситуации мы попали в «продуктовотоварный рай»! Хотя не могу сказать, что наша семья голодала. Да, жили скромно, без изысков, но — нормально. Макароны, крупы, овощи — все было. Да и мясо, рыба тоже. Сестра моя старшая колдовала: брала какой-нибудь суп-пакет, что-то в кастрюлю добавляла — и вкусненько получалось.

Первое впечатление мы получили уже в самолете. Про кока-колу мы слышали, а вот что такое «спрайт» или загадочный «Zur» — понятия не имели. Потом в Америке мы все попробовали — и кока-колу, и севен ап, и спрайт... Я достаточно быстро напилась этой сладкой водой — и больше никогда ее не пью. Это амери-

канское газированное море разливанное отбило охоту на всю жизнь. Люди же в США пьют эту га...зировку (гадость) в огромных количествах.

— Ну, потому многие американцы такие... крупненькие.

— На самом деле, это нация реально отравленная... Делаю такой вывод, потому что имела возможность сравнивать. Я потом еще раз пять оказывалась в США с разницей в несколько лет и видела, как даже за этот короткий период менялось общество: люди все меньше улыбались, все больше становилось толстых, очень много толстых детей... Смотрела я на американцев на улицах, в магазинах и думала — а наши-то продукты, может быть, кривенькие-косенькие, но натуральнее, наше яблоко пахнет яблоком, клубника — клубникой. А тут — десять сортов яблок, все красивые, воском покрытые — но не пахнут! И так — во всем. Правда, потом и к нам пришла эта беда.

Где-то через неделю у меня четко-четко в сознании прозвучало: я ни за что не хотела бы здесь жить, для меня это абсолютно чуждая среда. Работать, путешествовать — без проблем. Но — жить? Нет. Потом я еще несколько раз бывала в Америке, ездила по городам и узнавала то, о чем читала в американской литературе — в «Унесенных ветром», в романах Драйзера, узнавала — среду, менталитет, психологию... И лишний раз убеждалась, что они действительно — другие.

— И не только американцы...

— Да. Мне в связи с этим вспоминается одна гастрольная поездка в Германию с театром. Мы переезжали из города в город то на поезде, то на автобусе, я смотрела в окно и думала: как природа похожа на нашу! И когнитивный диссонанс в мозгу возникал, потому что, с одной стороны, — поля, березки... а с другой — никуда от генетической памяти не деться, лично у меня она срабатывает. Первый раз я оказалась в Германии, прилетев в Дюссельдорф из Италии, где была на съемках. И попала на досмотр. А как раз тогда начали вводить ограничения провоза жидкостей и так далее. Я летела налегке — коньки (в Италии участвовала в ледовом шоу), еще какая-то ерунда. Досматривала меня немка — страшная, с непроницаемым лицом, — потрошила сумку и просто швыряла мои вещи! Можно было просто положить, а она швыряла. Помню, у меня буквально кровь в голову ударила, генетическая память сработала на сто процентов!.. И вы видите, что время показывает — ничто никуда не ушло. Когда мне кто-то говорит: ой, они нас теперь не любят, потому что мы неправильно себя ведем, я отвечаю: стоп, стоп, а когда нас любили? Да, может быть, надевали лицемерную маску — но никогда не любили. Потому что, скажем очень дипломатично, мы и они — разные.

*Сын Даниил
в «Оливере
Твистере»*

— Да, на серьезную тему мы вышли... Однако один важный и традиционный вопрос я вам не задала. Какие фильмы с вашим участием нам в ближайшее время ждать?

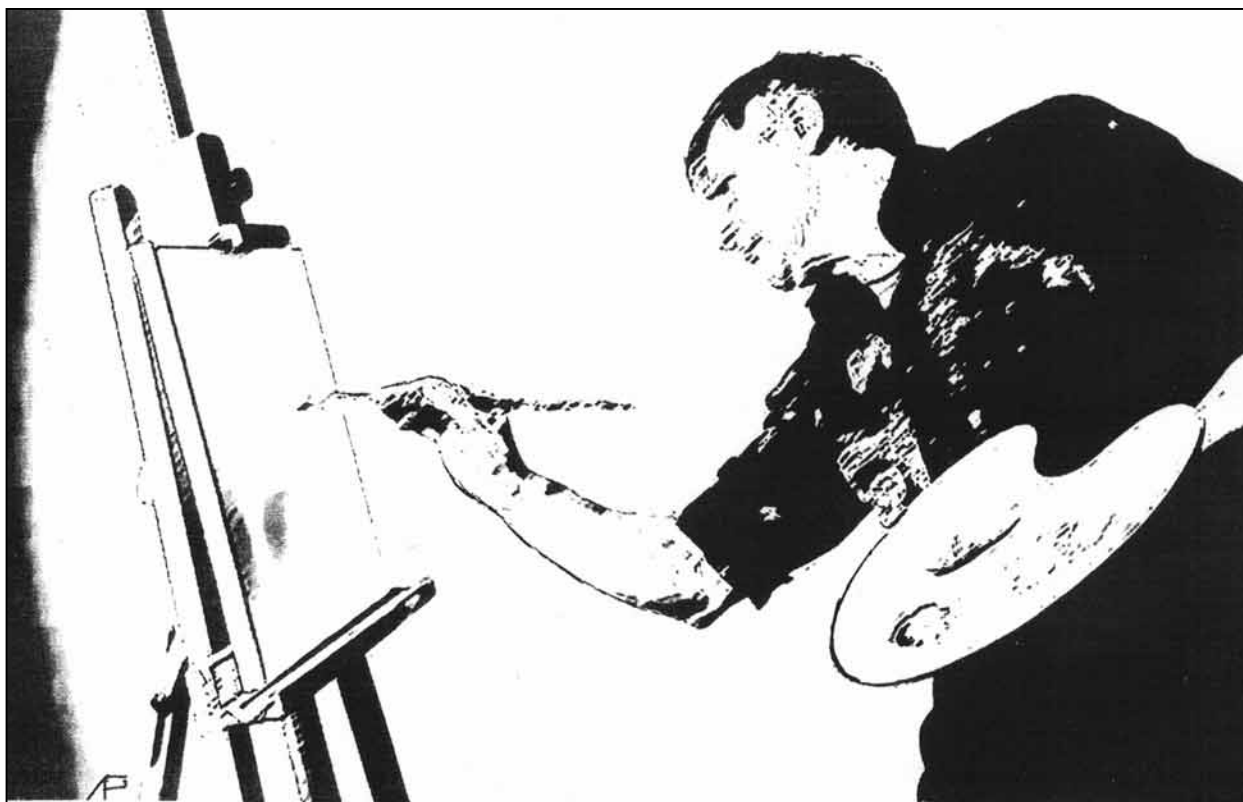
— На канале ТВЦ скоро выйдет очередной сезон сериала «Некрасивая подружка», в котором у меня небольшая роль. Сейчас снимаюсь для канала Россия, еще в одном пилоте для платформы. Последнее время со мной происходит забавная вещь: на съемочных площадках встречаюсь со своими... детьми! То есть встречаю юных актеров, которые играли детей моих героинь. Так на съемках «Некрасивой подружки» я встретила с Олей Сергеевой — моей «дочкой» в ленкомовском спектакле «Поминальная молитва». А на съемочной площадке сериала для канала Россия увидела Сашу Сигуева, который уже третий раз играет моего сына! Пер-

вый раз в «Свахе», был такой сериал, потом — в фильме «Выйти замуж за генерала». Тогда ему было 8 лет, потом 10 лет, а теперь Саше, кажется, 22 года. И мы снова — мама и сын! Такой мой подросший ребенок. Мы встретились в грим-вагончике, обнялись. Спрашиваю: «Ты кого играешь?» — «Вот такого-то персонажа». — «Поздравляю! Я — твоя мать!» Представляете, столько артистов, столько детей снимается — а вот так совпало!

— Желаем вам новых интересных ролей — и в кино, и в театре!

— Спасибо. А я желаю читателям журнала «Смена» и всем добрым людям мирного неба над головой, здоровья, семейного благополучия! Лето уже в разгаре, и пусть оно всем принесет только положительные эмоции! □

Беседовала **Марина Бойкова**

ДЕЛО

О старом антикваре

Глава 1

Марго сидела в кресле, по привычке поджав под себя ноги, и злилась. Ее донимала ноющая боль в боку, которая еще с ночи постоянно напоминала, что диету надо соблюдать неукоснительно. Съеденные еще вчера несколько кружочков вкуснейшей финской колбасы аукнулись сегодня часами непрерывной ноющей боли в правом боку. Но еще больше ее донимала грохочущая музыка из соседней комнаты.

— Лиля!! — во весь голос прокричала она, — да убавь ты, наконец, звук, скоро картины со стен попадают!

На минуту грохот прекратился, из-за двери появилась взлохмаченная копна волос, и недовольный голос приемной дочки Лили заверещал.

— Ну, мама, я же по твоей настоящей просьбе убираюсь, работает пылесос, а у него звук противный, вот и перебиваю его жужжание роком. Ты потерпи еще часик-другой, или лучше сходи во двор, подыши воздухом, и тебе полезно, и я не буду терзаться сомнениями.

Выходить из квартиры не хотелось, погода была просто пакостная, совсем не характерная для теплого южного города. Но сидеть и слушать «нежнейший» рок в самых максимальных децибелах было еще ужаснее.

Одевшись потеплее, бывший сотрудник прокуратуры, а ныне частный сыщик Маргарита Крулевская, ворча под нос что-то про современную молодежь и неуважение к старшим, вышла во двор. Холодный ветер тотчас набросился на нее, стараясь проникнуть во все незащищенные места или даже свалить с ног.

«Так, веселой прогулки сегодня не будет. Иду в ближайшее кафе», подумала Марго и, преодолевая встречные порывы, направилась к светящейся неоновой вывеске.

Почти у самой двери она все же поскользнулась и, вероятно, растянулась бы на замерзшей луже, но ее в последний момент подхватили чьи-то сильные руки. Она повернулась, чтобы поблагодарить своего спасителя, и с удивлением увидела, что ее поддерживает известный в городе старик, местный художник Никитич.

— Вот уж не думала вас тут встретить, да еще в такую погоду, — удивленно произнесла Маргарита.

— А я именно к вам и шел, — ответил художник. — Дочка сказала, что вы вышли воздухом подышать, так вот я и предположил, что дышать им вы будете, вероятнее всего, в этом кафе, вот и направился сюда, да к тому же вовремя подоспел. Ну, что ж мы стоим-мерзнем, идемте скорее в зал.

В кафе с незатейливым названием «Плакучая ива» было тепло и уютно. Вездесущая музыка лилась из динамиков и здесь, но это был не рок, а струнные переборы испанской гитары.

Маргарита, выпив пару чашек ароматного кофе, быстро согрелась, щеки ее зарделись, да и настроение улучшилось.

— Никитич, теперь я готова вас выслушать. Чем может быть полезна моя скромная персона? Я же понимаю, что вы ко мне домой не на блины приходили, тем более что стряпуха из меня никакая.

Старый художник молчал, прихлебывая чай из большой чашки, которую он выпросил у удивленной официантки.

— Понимаешь, Маргарита Сергеевна, — медленно начал он, переходя на «ты», — есть у меня старинный друг, знаю его лет сто, еще пацанами вместе проказничали. Да, может быть, и ты его знаешь, кличут его Кимом Тихоновым. Раньше модно было детей в честь всякой революционной лабуды называть, вот он и стал Коммунистическим интернационалом молодежи, то есть Кимом. У него лавка антикварная возле рынка имеется, ты мимо нее не раз проходила.

Марго вспомнила эту лавку, не раз бывала там с дочкой, рассматривала различные старинные вещи и картины.

— Понимаешь, дочка, — продолжал старик, — угодил мой дружбан в вашу кутузку. Ты уж выручай. Я кроме тебя из вашей братии более никого и не знаю.

Маргарита с некоторых пор числилась консультантом при местном сыском ведомстве. Но лишний раз туда обращаться ей, в силу некоторых причин, ой, как не хотелось, и она, поморщившись, как от зубной боли, спросила:

— А в чем его обвиняют?

— Да в том-то и дело, что шьют ему статью страшную, измена родине называется, в форме сотрудничества с оккупантами.

— Вы в своем уме?! — вставая с места с широко раскрытыми глазами, воскликнула Марго. — В этом случае я сама обвинителем на суде буду. Не думала, что вы на старости лет до такого дойдете. До свидания!

— Да погоди ты, — схватил ее за руку старик. — Сядь, пожалуйста, и выслушай меня до конца. Выслушать меня ты можешь?

Неожиданно для самой себя Марго снова села на стул и выдавила:

— Слушаю вас.

— Я уже говорил, что Кима знаю с детства. С началом войны я на фронт угодил, он остался, «белый билет» у него был. Хворь в нем сидит. Но человек он праведный, в подпольщиках не был, но чтобы фашистам помогать, в то я вовек не поверю. Он, как и я, художник, а еще коллекционер от бога. Чутье у него на разную старину. Всю жизнь при кинотеатре состоял, афиши рисовал, плакаты разные, а как стало возможно, так сразу лавку свою открыл. И вдруг приходят за ним ваши, говорят, по его статье срока давности нет, и в кутузку его. Меня к нему не пускают, говорят, пока идет следствие, только адвокату можно. Ну, не верю я, что он с немчурой поганой якшался, не такой он человек. Ты там хотя бы разузнай, что да как, а я уж тебе заплачу за хлопоты. Ну, это, хочу нанять тебя как сыщицу. Слух по городу идет, что ты по нашим художничьим делам большим спецом стала. Вот и пособи мне.

Маргарита сидела и молчала, в ее голове боролись две мысли. Что-либо делать для фашистского прихвостня было чистым безумием. Но Никитич так искреннее говорил, сам войну прошел, не стал бы он что-то предпринимать, если бы имел хоть тень сомнения в своей правоте.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Я постараюсь узнать, в чем там дело, но если имеется хоть одно, хотя бы косвенное доказательство его вины — не взыщите.

Глава 2

На следующий день, пересилив себя, Марго отправилась в свою бывшую контору. Она все еще не могла забыть, как к ней отнеслись ее бывшие коллеги, когда следователь Крулевская смогла доказать невиновность вора в законе по кличке «Сила» и вытащить его из лап тюремных надзирателей. Но с некоторых пор там работал ее молодой друг Максим Каверин, его она и хотела повидать в первую очередь.

Звезды сегодня расположились таким образом, что Максим оказался на месте и был несказанно рад встрече с легендой местного сыска. Сегодняшний день продолжал преподносить сюрпризы. Оказалось, что Каверин включен в группу по делу антиквара.

Марго тут же напомнила ему, что все еще числится консультантом, хотя и внештатным, следовательно, может иметь доступ к информации по делу.

Максим долго ходил по начальствующим кабинетам, доказывал, что Крулевская большой спец в области живописи, и прочая и прочая. Наконец заветная бумага была подписана, и Марго получила тощую папку.

Первым документом в деле было письмо от фонда «Симона Визенталья» о том, что ими в немецких архивах обнаружена купчая от гаурляйтера Османа Губе на оплату и приобретение в пользу рейха картины «Дождь в Тосканской долине» художника Монро, находящейся на правах частной собственности у господина Кима Тихонова.

Вторым документом в этой папке была справка из Дрезденской галереи о том, что картина «Дождь в Тосканской долине» в настоящее время хранится в запасниках этого почтенного музея и выставляется на выездных экспозициях, подлинность картины подтверждена группой международных экспертов.

Максим молча смотрел, как Марго работает с документами, а когда она оторвалась от папки, произнес:

— Понимаете, Маргарита Сергеевна, если бы фашисты просто отобрали эту картину, то никакого дела сейчас не было бы. Но они почему-то ее купили, причем, за немалые деньги, и Ким Тихонов эти чертовы деньги от фашистов принял, значит, он с ними сотрудничал. А срока давности по таким делам нет, тем более что документы пришли к нам из Израиля.

— А я могу встретиться с Тихоновым? — отложив в сторону папку, спросила Марго.

— Только с разрешения руководителя группы следователя Ивашева, — с некоторой неохотой ответил Каверин.

Маргарита знала старого следователя, в прошлой своей жизни она неоднократно с ним встречалась по различным делам. Друзьями они никогда не были, но все, в том числе и она сама, считали его педантом, строго следовавшим букве закона.

— Дело, вроде бы, ясное, не убийство, не грабеж — зачем же целую группу создавать, да еще такого уважаемого следователя как Ивашев подключать? — продолжала Маргарита.

— Понимаете, Маргарита Сергеевна, я сам всего не знаю, только ту часть, которую мне поручают. Но сдается мне, что запрос от фонда не к нам в город поступил, а через самые верха прошел. Поэтому с нашей стороны все должно быть тип-топ, наверняка на суд иностранцев понаедет пруд пруди. Если хотите дополнительную информацию получить, поднимитесь в кабинет этажом выше, а у меня кроме этого дела еще текущей работы, как у жучки блох. — Каверин убрал дело в сейф и всем своим видом показал, что женщине желательно покинуть его кабинет.

Руководитель следственной группы Ивашев Павел Степанович внимательно изучил бумагу, которую ему вручила Маргарита. Кивком указал ей на стул и сухо произнес:

— Рад видеть вас в добром здравии. Наслышан о ваших успехах. Только вот не пойму, на кой ляд вам этот старый урод понадобился. Якшался с фашистами, попался — получи свое. Пожизненное ему не дадут, времена нынче у нас либеральные, но и того, что ему наш гуманный суд определит, на его недолгий век хватит.

— Павел Степанович, а вы не допускаете мысли, что купчая — поддельная? Как вы считаете, такая версия допустима? — спросила Марго, наблюдая, как следователь роется в ящике своего стола.

— Фонд «Симона Визенталья» — это вам не хухры-мухры, организация весьма серьезная, они десять раз все перепроверили и десять экспертиз провели, прежде чем документы в Москву отправлять. — При этих словах Ивашев закончил поиски в бездонном ящике стола, достал и протянул Маргарите протокол допроса обвиняемого Кима Ипполитовича Тихонова, из которого следовало, что подследственный собственноручно подтверждает факт продажи картины немецким оккупационным властям и холодным тоном поинтересовался: — Еще вопросы будут? Если нет, то позвольте распрощаться, мне еще обвинительное заключение для суда писать надо. И не сочтите за труд, по дороге зайдите к Каверину и пригласите его ко мне, а то у нас опять внутренняя связь не работает.

— А как же моя встреча с обвиняемым? Разве вы не позволите? — вставая со стула, с некоторым вызовом произнесла Марго.

— Уф! — выдохнул следователь. — Я понимаю, что вы давно в органах не работаете, но, надеюсь, хорошо помните, что встречаться с подследственным может только адвокат или следователь. Вы у нас кто? Все, уважаемый консультант, все. В данном случае, следствие в ваших услугах не нуждается. Всего доброго!

Глава 3

Страшная болезнь, которая некоторое время назад чуть не свела Крулевскую в могилу, в очередной раз дала о себе знать. Марго лежала пластом, боясь пошевелить руками. Притихшая дочка Лиля крутилась возле матери, не зная, чем помочь, наконец не выдержала и позвонила Силуянову, владельцу сыскного бюро «Крулевская и партнеры», одному из самых близких людей их небольшой семьи. Тот примчался удивительно быстро, мало того, привез с собой главного врача хосписа «Чудо» Родиона Петровича Гиреева, пациентом которого, пребывая в этом заведении, была в свое время Маргарита. Врач тут же опутал ее проводами диковинных переносных приборов, всех выставил за дверь и стал колдовать над монитором. Наконец сделал укол, дал выпить пригоршню капсул и, открыв дверь в соседнюю комнату, спокойно произнес:

— Жить будет. Но вот вставать и ходить пока не советую, строгий режим. Особенно это вас касается, юная мадмуазель. Обеспечьте, пожалуйста, вашей матери нормальное постельное существование, избавьте ее от кухонных нарядов вне очереди и прочей домашней работы, хотя бы в течение нескольких дней. И лекарства я оставлю все, что захватил с собой, но надо еще. Причем самой быстрой доставкой! Курс прерывать никак нельзя!

Силуянов подошел к Маргарите и широко улыбнулся:

— Ну, ты как, королева? Держись, давай, ты мне живая много нужней, чем мертвая.

Лишь нескольким людям в этом мире было дозволено называть ее «королевой», производной от ее польской фамилии, и бывший вор в законе по кличке «Сила» это право имел.

— Силуянов, пожалуйста, найди хорошего адвоката, лучшего адвоката, — превозмогая боль, тихим голосом попросила Марго.

— Надо же, — удивился тот, — у нее строгий постельный режим и обострение всех болячек, а она о каком-то фашистском прихвостне заботится. Слышал, чем ты тут занимаешься. Славное имя нашего сыскного бюро позоришь. На кой ляд он тебе сдался? Я хоть и бывший законник, но все же патриот своей страны, как это пафосно не звучит. Так что не взыщи, пусть его государственный защитник обслуживает. Надо же молодым юристам практику проходить, вот пусть на этом... и тренируются.

— Сила, ты же знаешь, чутье ищейки меня редко когда подводит. Выполни просьбу больной женщины, и воздастся тебе сторицей. Сам же говорил, пора тебе добрые дела совершать. Вот и совершай. И не спорь больше со мной. Позови лучше доктора.

— Ну вот, Маргарита Сергеевна, я вижу вам уже легче, — подходя к ней, довольным тоном проговорил Гиреев. — Значит, действуют мои пилюли заморские, и, пожалуйста, не забывайте их принимать. Порядок приема я вашей дочке написал. Если что, не стесняйтесь, звоните.

Мужчины уехали, но поспать или хотя бы подремать Крулевской не удалось. Позвонил Максим и сказал, что раздобыл кое-какие материалы по делу антиквара и хотел бы их показать. Вскоре он уже сидел рядом с Маргаритой и взволнованно рассказывал:

— Представляете, Маргарита Сергеевна, Ивашев отправил меня по банкам, установить финансовое состояние Тихонова, и выходит, что наш антиквар совсем не бедный человек. Представляете, он ежемесячно переводил в Крым, в город Судак, по 50, а иногда по 70 тысяч рублей. Деньги для нашего города весьма солидные, я очень сомневаюсь, что доходы с его лавки позволяли владельцу осуществлять такие переводы, ему ведь и жить на что-то надо. И еще одна «непонятка»: имея такие средства, он вполне мог себе хорошего адвоката нанять, а он молчит и даже не пытается защищаться. Может быть,

он за эти годы вину свою осознал и таким образом решил покаяться? Как вы считаете?

Маргарита ничего не ответила на эти слова, только тихо произнесла:

— Продолжай, Максим, я тебя внимательно слушаю. Что еще у тебя есть по этому делу?

— Я был в нашем архиве, он, конечно, сильно пострадал во время оккупации, но кое-что там имеется. Есть данные, что родители Тихонова были убежденными коммунистами и партийными функционерами, а в 1937 году, как и многие, в одночасье стали врагами народа. Не знаю, каким уж образом, но их сын Ким при этом особо не пострадал. Его не сослали на Колыму и даже не выгнали из художественного училища, наоборот, он его окончил с золотой медалью. Ну, вот, собственно, и все. Очень странный это человек, замкнутый, на допросах молчит, а признание подписал. Свидание просит только с местным художником Никитичем, но Ивашев ни в какую не разрешает.

— Максим, — с трудом приподнялась на кровати Марго, — попробуй организовать запрос крымским коллегам, кто эти переводы получает. И вообще постарайся узнать как можно больше о его родне. Был ли он женат, может быть, у него дети есть или внуки. Я, вот видишь, приболела немного, ты уж прости меня, старую.

— Маргарита Сергеевна! — возмутился следователь. — Какая же вы старая? Вот Тихонов да, он старый, а вы еще ого-го, мы еще с вами... — Он не договорил, так как в его кармане модной мелодией замурлыкал мобильный, и молодой человек стал прощаться, на ходу разговаривая в трубку.

Проводив его, дочка Лиля вернулась в комнату и как-то заискивающе, даже с некоторым чувством вины в голосе спросила:

— Мам, тебе ничего не нужно?

— Нужно, даже очень нужно, — отозвалась Марго. — Нужно, чтобы ты сходила и привела сюда старого художника Никитича. Он современные сотовые телефоны не уважает, да и стационарного у него, скорее всего, нет. Так что ты уж ножками прогуляйся. Я думаю, он тебе не откажет, заодно в магазине купишь снеди всякой к чаю, а то нам посетителей и угостить-то нечем.

Девушка мигом упорхнула, а Марго, оставшись одна, решила, что помирать все же лучше стоя. Держась за спинку кровати, она кое-как поднялась, дотщилась до ванной, затем сварила себе кофе и уселась в кресло. Мысли как-то сами собой упорядочились и выстроились в организованную очередь.

«Итак, первое. Откуда у антиквара деньги, причем немалые, торговля стариной дело, наверное, прибыльное, иначе он бы этим не занимался, но чтобы так зарабатывать, старых самоваров и советских статуэток явно маловато будет. Следовательно... А что, собственно, следовательно? Следовательно, есть еще заработок, с которого, по старой советской привычке, наш

антиквар налоги не платит. Отсюда второе: краденое он не перепродает, иначе бы Сила об этом знал непременно, да и моя бывшая контора тоже.

Но что еще может делать человек, когда-то окончивший художественное училище с золотой медалью? А их раньше абы кому не давали! Конечно, он рисует или рисовал в прошлом и очень хорошо это делал, раз такие деньги имеет. Но на нашем Арбате, судя по моим прошлым делам, его не знают. Значит, он рисует не на продажу, а исключительно по заказам. То есть он — портретист, и состоятельные люди сообщают о нем друг другу, а сарафанная реклама, она, пожалуй, самая эффективная.

Глава 4

Звонок трещал непрерывно.

«Пацаны развлекаются, а звонок заклинило», подумала Марго и нехотя, преодолевая боль, поплелась в прихожую. За дверью стоял в ожидании старичок очень маленького роста и с огромной копной седых растрепанных волос.

— Я к вам, уважаемая Маргарита Сергеевна, — хорошо поставленным голосом пробасил он. — Примите или как?

— Входите, — пропуская гостя, ответила Марго. — Что же вы, до седых волос дожили, а трезвоните как шкодливый мальчишка.

— Видите ли, голубушка. Ростом я не вышел, а прыгать мне уже как-то не очень сподручно, вот на цыпочках дотянулся и звоню. Вы уж извините меня. Знаете ли, военное детство и все такое, вот рост мой и замер на недостаточном уровне. Зато в нашем ТЮЗе у меня хорошие роли из-за малого роста, например, злодея Черномора или, там, гриба-Боровика. Опять же одеваюсь я в детских секциях, раньше это было заметно дешевле, да и сейчас кое-какая выгода в этом имеется. Ну, я, собственно, совсем не за этим к вам пожаловал. Я за Кимку заступаться пришел.

Маргарита провела артиста на кухню. Предложила чаю, а про себя посетовала, что не послала дочку в магазин заранее, теперь она могла предложить гостю только мед, которым их снабжал в большом количестве сторож хосписа «Чудо» со старинным русским именем Еремей.

Она села с другой стороны стола, постаралась принять позу, при которой боль в боку была минимальной, и приготовилась слушать.

— С Кимкой мы уже многие годы знакомы. Была когда-то у нас общая пассия, местная красавица Любаша. Ким ее все уговаривал позировать, только она ни в какую. А тут война. Мне годов чуть-чуть не хватило, и в армию не взяли, вот мы с Любой и подались в подпольщики. Только ее сразу, на первом же деле, румыны поймали. Она хотела листовки по городу клеить, а ее в облаве схватили. Были бы это немцы, просто расстреляли бы, у них это запросто, а румыны избили девушку сильно, да на улицу выкинули. Больницы все

были уже эвакуированы, вот и лежала она дома, кровью харкала. Наш Кимушка где-то немецких лекарств раздобыл, продукты хорошие приносил. Такие на черном рынке тогда бешеных денег стоили. Да еще и нам продукты и марки немецкие давал, чтобы подпольщики могли достать то, что им требуется. Когда мне Никитич рассказал, что Ким теперь в тюрьме оказался, я сразу сообразил, откуда у него тогда деньги и лекарства взялись. Он эту картину злополучную продал, чтобы Любу-Любовь свою выходить. Только не вышло у него ничего, поболела наша девонька месяца три, да и померла, видать, отбили ей цыгане проклятые жизненные органы. Выходит, что зря художник с немчурой якшался, только он как лучше хотел, да и нам его денежки и лекарства ой как пригодились. За то ему честь и хвала. Так что вы уж там постарайтесь, чтобы хороший человек зазря в колонии не оказался. Его и так жизнь покарала. Он ведь после Любаши так ни на ком и не женился, детишек не завел, видать, крепко она ему в душу запала. После войны женского пола везде было пруд пруди, но ни одна не смогла его первую любовь перебороть. Однако заболтался я с вами, а у меня скоро репетиция. Бармалей я, знаете ли, злобный, буду Деду Морозу всякие козни строить, чтобы ребята малые на меня свои кулачки сжимали. А это, скажу я вам, еще то искусство. Тем более что наш Дед Мороз, хоть статью и вышел, но алкаш, каких поискать надо, и нос у него не покрашенный, а от его природы пропитой такой иссиня-красный...

Актер ушел, а в ушах Маргариты все еще звучал его бас: «Первая любовь, лекарства, деньги». Ох, как все непросто, и почему Ким молчит, ничего не рассказывает, зачем деньги в Судак переводит, словом, одни загадки. Надо бы Силуянову про адвоката напомнить, но если он упрется, то никаким трактором его с места уже не сдвинешь.

Марго добралась до дивана, взяла трубку и нажала кнопку быстрого набора. Закончив разговор, достала свой планшетник и долго рылась в недрах Интернета. Все более-менее интересное она копировала и складывала в созданную папку «Ким. Спасение». Материала было не очень много, но и то, что удалось нарыть, было чрезвычайно любопытным.

Боль незаметно уползла куда-то за спину, и она, незаметно для себя, задремала. Ей снились картины художника Монро, какие-то цифры и даты из его биографии, красивая девушка Люба, избитая до полусмерти румынскими солдатами, плакаты и афиши послевоенных лет...

Тихо подошла дочка, накрыла мать пледом, выключила свет и забрала планшетник.

— Никитича привела? — сквозь сон пробормотала Марго.

— Нет, у него клиент важный, — ответила Лиля. — Он портрет рисует, оторваться не может, обещал, что вечером обязательно будет.

Глава 5

Почти одновременно с Никитичем прибыл Силуянов, и не один, а с импозантным мужчиной в добротном двубортном костюме.

— Андрей Андреевич Красин, адвокат, — представился он. — По дороге к вам господин Силуянов уже ввел меня в курс дела. Скажу прямо, обычно я за такие дела не берусь. Как правило, они проигрышные изначально, а это плохо сказывается на репутации адвоката. Но я сделал пару предварительных звонков и смею заверить, что через день-два ваш подопечный, скорее всего, будет отпущен до суда под подписку о невыезде.

Сказать, что Марго была ошеломлена такой новостью, не сказать ничего.

Чтобы Ивашев отпустил под подписку, это абсолютный нонсенс. В какие сферы звонил этот человек в двубортном костюме, и на что он способен? «Ну, Сила, ну, молодец», подумала Маргарита, а вслух сказала:

— Ну что ж, хорошая новость. Теперь я хочу задать несколько вопросов нашему художнику, если вы не возражаете. Никитич, расскажите, пожалуйста, всем нам, что вы знаете о девушке Любе и вообще о делах вашего друга во время войны.

— Я уже говорил вам, что меня сразу призвали в армию, как только началась война. Но про Любашу я знаю, у них с Кимом еще до войны дела амурные были. Только погибла она, вот Кимушка больше никого и не любил, так один свой век и коротает.

— А вы, часом, не знаете, кому он деньги в Крым переводит? Вы же друзья, от вас у него, наверное, тайн нет. — Марго пристально посмотрела старику в глаза.

— Мне говорили, что ты въедливая, но я не думал, что до такой степени, — заметил художник и продолжил: — Есть у Любаши младшая сестренка Лена, у них большая разница в возрасте, когда старшая умерла, младшая совсем крохой была. Ким ее тогда в Крым вывез, к каким-то добрым людям пристроил. Она там прижилась и сейчас обитает. Выросла давно, семья у нее, детишек куча. А Ким им как дедушка — только какая копейка появится, сразу туда. Да и навещивался раньше по два-три раза в год. Сейчас постарел, но все равно изредка навещает. Если еще что ко мне есть, спрашивайте. Что знаю, поделюсь, только скрытный он человек, Ким Тихонов, как говорится, себе на уме.

— А что вы знаете про картину Монро, откуда она у Тихонова взялась, он никогда не рассказывал? — спросил адвокат.

— Про то мне неизвестно, может, батя притащил, он же партийной шишкой был. Может, сам Ким где-то достал, у него же нюх антиквара, дай боже каждому. Только я вам вот что расскажу. Мне эту историю сам Ким поведал, как-то за бутылочкой «беленькой» разговорился, что с ним очень редко бывает.

Батя его с маткой были сильно против того, чтобы Ким художником стал. И били его, и кисти выкидывали. Очень им хотелось, что бы их сын видным партийцем стал, трибуном, так сказать. А сынок их упертый ни в какую, хотел даже из дома бежать, но тут его родителей в НКВД забрали. Да, видать, кое-какие связи остались, или, может, звезда у пацана в то время счастливая была, только его не тронули, он в школу художественную ходил, а на жизнь подрабатывал тем, что в скупочном магазине картины под старину рисовал. Раздобудет старую раму, намалюет натюрморт, табличку сварганит «Конец 19-го века, неизвестный художник». И цена той мазни сразу на пять порядков дорожает. Здорово у него получалось. Что греха таить, глядя на его художества, я и сам потихоньку рисовать начал. Тем ремеслом до сих пор и кормлюсь. А завмаг, скотина, те картины богатым клиентам подпольно сбывал, людям всегда надо было лишние деньги во что-то вечное пристраивать.

Глава 6

Как ни старался адвокат, как ни звонил высоким покровителям и тайным заказчикам художника, ничего не помогло. Следователь был неумолим — Тихонов будет сидеть до суда под замком, и точка. Но все же перевел его в одиночную камеру и разрешил-таки свидание с Никитичем, правда, только в присутствии адвоката.

После свидания Никитич сиял как медный пятак на солнце. Удивленной Маргарите он протянул маленькую скомканную бумажку и прошептал на ухо: «Вам передал, лично. Вот старик, вот подпольщик, а вы говорите...»

Записка состояла из одной строчки. «Судак, подвал, ключ под камнем. Серая папка».

В Крым вызвался съездить адвокат Красин, Лиля, которая, как всегда, была в курсе всего происходящего, упросила мать отпустить ее с Андреем Андреевичем.

— Ну, мама, ну, как ты не поймешь: подвал, тайная серая папка, старый художник — это же все жуть как интересно. Ну, мама, ну, пожалуйста. А я тебе крымских картин нарисую, сколько хочешь. Я буду стараться, честное-пречестное слово!

Проводив «крымскую команду», Марго позвонила Каверину:

— Ну что, Максим, как успехи, есть новости?

— Маргарита Сергеевна, кое-какие новости есть. Только вот Ивашев зашпынял, говорит, что не понимает, в какой роли я выступаю — как следователь или как адвокат. В общем, сейчас разгребу свои авгиевы конюшни и сразу к вам, вы уж потерпите там, пожалуйста.

В ожидании Максима Марго еще раз перечитала папку с собранными документами в своем планшетнике.

Художник Монро стал весьма популярен в начале 20-го века. Великие имена сыпались как из рога изобилия. Перед Первой мировой войной вся просвещенная Европа бросилась собирать картины и скульптуры. Дошла очередь и до Монро, умершего за несколько лет до начавшегося бума. Работ он написал немного, жил бедно, умер практически нищим.

В один миг его картины стали востребованы, а, следовательно, сильно подорожали. Его творчество стали изучать, восхищаясь самобытной манерой письма. В дореволюционной России было несколько картин в частных коллекциях. Вывезли их за границу эмигранты, или они до сих пор лежат в пыльных запасниках музеев или в частных домах, практически неизвестно.

Погрузившись в свои мысли, Маргарита не заметила, как наступил вечер, за окном заблестели холодные звезды, а дверной звонок известил ее о том, что следователь Каверин привел, наконец, свои «конюшни» в порядок и прибыл к ней с долгожданным докладом.

Максим поработал на славу. К уже известной информации о младшей сестре Лене, проживающей в настоящее время в Судаче, следователь каким-то образом раздобыл информацию о днях весьма далеких, но проливающих свет на нынешние события.

Выпускник художественной школы, окончивший это заведение с золотой медалью, имел право на организацию собственной персональной выставки. Ким Тихонов очень тщательно готовился к этому событию. Рисовал пейзажи и натюрморты, портреты и революционные плакаты. Однако в выставочном зале он долго бродил один, затем потянулись журналисты местных изданий и критики. Обычных посетителей не было совсем. Его никто ни о чем не спрашивал, только писаки что-то черкали в своих блокнотах. В конце дня на выставку забрела стайка скучающей молодежи. Они дружно хохотали, глядя на морские пейзажи и акварели. А местный критик Нилов разразился бурной тирадой о пагубном воздействии на социалистическое общество буржуазного искусства и посоветовал художнику быстренько переквалифицироваться в сталевары или, на худой конец, в пожарники. На следующий день вся местная пресса пестрела разгромными статьями о чуждой нашей стране магне и тлетворном влиянии Запада.

Тихонов после всего этого перестал рисовать и даже уехал из города, устроившись на работу в крымские реставрационные мастерские. Однако через некоторое время реставраторы понадобились и в нашем городе, и он вернулся в родные края. Здесь еще несколько раз встречался с Ниловым, споры между ними были жаркими, чудом не доходившими до рукоприкладства. Художник продолжал дружить и с завмагом комиссионного магазина, используя подсобки магазина как свою мастерскую. Но больше свои работы

он никому никогда не показывал. С приходом фашистов Нилов стал экспертом по культурным ценностям, и, вероятнее всего, именно он рассказал захватчикам о картине «Дождь в Тосканской долине». Но почему ее просто не забрали, а купили, так и оставалось загадкой. А спросить уже не у кого, после освобождения города предателя Нилова поймали, судили и повесили, как было принято в то военное время.

Глава 7

На следующее утро в квартире царила тишина, никто не звонил и не приходил. После бурных последних дней Марго оказалась полностью предоставлена сама себе.

«Хочешь — мороженое, хочешь — пирожное, хочешь — спи, а хочешь — пой. А чего, собственно, я хочу?» И тут в голове что-то щелкнуло. Она бросилась к планшетнику и быстро написала несколько писем. Затем оделась и вышла на улицу. Укутавшись по самые глаза, Марго побрела в свою бывшую контору.

Каверин был на выезде, Ивашев буркнул под нос « здрасьте» и быстренько засеменял в сторону своего кабинета. Раздосадованная Маргарита покинула контору и собралась, было, вернуться домой, как вдруг в конце улицы увидела вывеску местного детского театра. Ни колеблясь ни минуты, она решительным шагом направилась к зданию и купила в кассе билет на ближайший спектакль.

Бармалей был более чем убедительный, он по всем статьям переигрывал неповоротливого, огромного Деда Мороза и, если бы не расторопная Снегурочка в колготках с люрексом, зло однозначно одержало бы победу над добром.

После представления настроение несколько улучшилось.

«Ну, никак не мог плохой человек Тихонов иметь в друзьях такого хорошего Бармалея», подумала Марго и, пересилив себя, отправила эсэмэску дочке. Через минуту-другую телефон зазвонил, но мелодия была другая, не залихватская современная, которую установила ей Лиля, а несколько тревожная, классическая. Так телефон отзывался на входящий сигнал Силюянова.

— Королева, слушай сюда, — раздалось в трубке. — До меня тут дошли слухи, что твоего протеже решили успокоить навсегда. Высокие люди, портреты которых рисовал твой Тихонов, очень не хотят, чтобы их фамилии хоть как-то звучали на судебном процессе. А братве кокнуть бывшего фашистского прихвостня — это только благое дело. Ты плохо себе представляешь, чего мне стоило перевести его в одиночную камеру.

— Интересно, — ответила Марго. — А я, грешным делом, подумала, что это Ивашев так решил.

— Ивашеву наплевать, ему от этого дела избавиться, как подарок к празднику. Но сейчас не это главное. Давай форсируй события, иначе... сама понимаешь.

Маргарита услышала в телефоне посторонние голоса, вероятно, к Силе кто-то зашел, и он, не попрощавшись, отключился.

Трубка пискнула пришедшей эсэмэской. «Мама, скоро будем, инфы — море, ты обалдеешь. Обещаю», — писала дочка.

Лучшее время скоротать ожидание — это стирка, уборка, глажка, готовка.

За всем этим остаток дня пролетел незаметно. А на следующий день прямо с утра прорвало. Приехали Лиля с адвокатом Красиным и заветной серой папкой. Следом появился Максим. Не успев раздеться, он с ходу заявил, что ночью у подследственного был сердечный приступ, и его срочно перевели в тюремную больницу.

Тут включенный планшетник замигал поступившей почтой. Все собрались в гостиной и сосредоточились на рассказе Андрея Андреевича.

— В подвале дома оборудована художественная мастерская. Там старинные кисти из барсучьего меха, сейчас такие нигде в мире не производят. Смывы с холстов старых картин. В общем, полный набор заядлого копииста. В серой папке огромное количество набросков с картин Монро. Больше всего их на тему «Дождь в Тосканской долине». Наброски, по всему, делались не один месяц, а может быть, и год. Художник в деталях изучал манеру мастера. Мы нашли в подвале целую библиотеку о творчестве Монро. Но самое главное — мы нашли дневник, вернее, не дневник, а листки с записями и пометками. Но все они без указания дат. Однако читаются как приключенческий роман. Да что я вам рассказываю, сами смотрите». — Адвокат раскрыл папку и выложил на стол несколько пожелтевших листов, вырванных из старых ученических тетрадей.

«Завмаг в благодарность за мою работу подарил мне несколько картин неизвестных мастеров конца 19-го века. Написаны отвратительно, у нас в художественной школе сопливые пацаны лучше рисуют. Но рамы, гвозди и холсты мне вполне сгодятся».

«Какая же сволочь, этот Нилов, из-за таких, как он, у творческих людей опускаются руки. Ну, да ничего, я ему еще покажу, где раки зимуют. Мне очень импонирует манера Монро, вот пусть он этим Монро и любитесь».

«Работаю реставратором, работа увлекательная и достаточно денежная. Показал старикам-реставраторам наброски под Монро, они смеялись до упаду, но не злобно, а по-дружески. Сказали, что даже у нас в Советском Союзе эксперты прекрасно знают, что такое «синяя акварель». Рецепт ее изготовления был утерян в начале 20-го века, и, если она отсутствует в картинах того времени, значит, это однозначно подделка».

«Ура! Сегодня узнал, что в Москве, в Академии художеств на складе лежит немного «синей акварели». Досталась по наследству еще с царских времен. Ее используют исключительно в реставрационных целях. Ну а мы чем тут занимаемся? Выписал командировку, еду туда, за красками, кистями и про-

чим. Кстати, у них там еще со времен царя гороха сохранились кисти из барсучьего меха!!!»

«Второй месяц пытаюсь подделать подпись Монро, оказалось, что это не легче, чем нарисовать самого Монро. Странное дело, никто толком не знает, сколько картин нарисовал этот художник. Его картины когда-то почти никто не покупал. Он рисовал их в стол или не рисовал совсем. В Москве видел его картину в музее, уговорил, разрешили мне посмотреть обратную сторону. Гвозди почти такие же, как на той мазне, что подарил мне завмаг, да и рама похожая. Монро жил бедно и дорогих рам для своих картин не заказывал».

«Интересно, Монро был католиком, а картин на библейские сюжеты у него нет. Или они есть, но мы о них ничего не знаем. Если бы я верил в бога, я обязательно нарисовал бы картину о жизни Иисуса. Но я в бога не верю, или верю, но боюсь признаться даже себе».

«У меня сегодня триумф, показал «Дождь» Нилову. «Великий знаток и эксперт» в диком восторге. Битый час рассказывал мне, чем отличается работа великого мастера от моей мазни. И что мне еще много надо учиться, чтобы хотя отдаленно приблизиться к мастерам прошлого. Деваться некуда, пришлось слушать».

«Руки чешутся написать еще что-то из Монро. Холсты есть, немного «синей акварели» тоже. Гвозди и рамы — присутствуют. Но в СССР их практически не продать, разве что передать в музей. И совсем неважно, что вместо подписи «Тихонов» будет написано «Монро». Писал-то их я, и все будут восхищаться моей работой».

«Надо спасать Любаню, ей срочно нужны лекарства. Конечно, лучше всего ее переправить к нашим, но она не выдержит, да и фронт далеко. Эх, подпольщица ты моя, как же тебя угораздило!»

«Эта гадина, Нилов, работает на фрицев, рассказал им о моем Монро. Они затевают какую-то пакость. Надо бы срочно уехать, но ведь здесь Любаня, а еще ее маленькая сестренка. Они же без меня точно пропадут».

«Сегодня подписывал купчую на картину. Фрицев полный дом, все крутятся, снуют, фотографируют. Сволочь Нилов заподозрил неладное, мои буквы на подписи чем-то похожи на Монро. Когда тысячу раз тренируешься, обязательно заразишься почерком великого мастера. Думал, расстреляют прямо здесь, у дома. Но Нилов промолчал, я так думаю, что, узнай немцы правду, его тоже бы шлепнули рядом со мной или повесили, чтобы на эту гадину пулю не тратить».

«Сегодня Любаня моя умерла, хотел убить пару фашистов, чтобы и меня расстреляли. Зачем жить без нее...»

«Пришла бабка Фрося, малая Ленка у нее была. Говорит, кормить нечем, помрет дите, жалко. А ты богатый, тебя немцы не тронут, вот и спасай божью душу, тебе на том свете зачтется. Буду спасать. У Ленки глазенки точь-в-точь, как у Любани. Пусть растет, и мне память будет».

Глава 8

Все сидели молча, в комнате слышался только шелест переворачиваемых листов с эскизами к картине «Дождь в Тосканской долине».

Маргарита смахнула невольную слезу и с каким-то надрывом произнесла:
— Все! Срочно к Ивашеву! У меня тоже есть, что ему показать.

Следователь с явной неохотой согласился их выслушать, параллельно внимательно рассматривая эскизы и листки импровизированного дневника. Наконец он поднялся со своего кресла, походил взад-вперед по кабинету и, повернувшись к пришедшим, произнес:

— Тихонова обвиняют в продаже немцам картины, это установленный факт. Даже если вы правы, и он «втюрил» фашистам подделку, то «втюрил» ее за деньги, за большие деньги. Согласен, это не измена родине в форме продажи картины, имеющей статус национального достояния. Но это мошенничество. Стоп! А мошенничество с врагом — это уже не уголовное преступление. Вы меня запутали, причем намеренно. Давайте еще раз. Вы утверждаете, что картина художника Монро — это подделка, которую Тихонов продал фашистам. Но есть заключение Дрезденской галереи, надеюсь, в ее компетенции вы не сомневаетесь. И главное, — повысил голос Ивашев, — подследственный картину продал. И это тоже доказанный факт, подтвержденный самим обвиняемым.

Марго молча встала и протянула следователю флешку:

— Не считите за труд, посмотрите, пожалуйста. — В ее глазах опять заблестели слезы. — Это мне из Германии друзья прислали. Если закадровый текст будет непонятен, я постараюсь перевести.

С экрана монитора полилась бравурная мелодия немецкой военной кинохроники «Wochenschau». Старые кадры демонстрировали гуманность оккупационных властей к мирному населению. Камера наехала на сидящих за столом людей, а диктор бодрым голосом вещал, что сейчас подписывается акт купли-продажи картины художника Монро «Дождь в Тосканской долине», которую за справедливую цену немецкое командование приобретает для Дрезденского музея изящных искусств.

Когда экран погас, Марго обвела всех пристальным взглядом и заговорила:

— Теперь вам понятно, почему немцы просто не отобрали эту картину? В этот момент им нужны были кадры для пропаганды идей доктора Геббельса. Редчайший случай. Но в тот день в городе работала съемочная группа «Wochenschau». Скорее всего, через какое-то время фашисты просто убили бы Кима, предварительно отобрав деньги, но он успел исчезнуть из города вместе с маленькой девочкой...

Ивашев, продолжая расхаживать по кабинету, недовольно произнес:

— Все было предельно ясно, у меня в ящике стола лежит почти готовое обвинительное заключение для суда. И тут являетесь вы и все ставите с ног на голову. И что теперь мне докладывать начальству, а тому писать в фонд этого как его, Визинталя?

— Уважаемый, — вмешался адвокат Красин, — мы могли бы всю эту информацию огласить непосредственно на суде. И тогда, как минимум, суд отправил бы дело на следствие, а, скорее всего, зарыл бы его за недостаточностью улик. Согласитесь, мы поступили весьма благородно, открыв перед обвинением наши карты. Так сказать, спасли честь вашего мундира.

— Да уж, спасибо, — огрызнулся Ивашев, — премного благодарен. Значит, так, уважаемые господа и дама. Вот мое слово. Я назначаю художественную экспертизу. Пусть ваш любимый художник нарисует еще одну копию в стиле Монро. И если экспертиза признает, что... В общем, если экспертиза согласится, то я перекалфицирую обвинение или вообще сниму все обвинения. Но не раньше.

— Но ведь он глубокий старик! — с негодованием выкрикнула Маргарита. — Одно дело, когда большого мастера подделывает юноша в полном расцвете сил, и совсем другое — когда человек, которому далеко за 80. И еще, специальные кисти и наблюдатели. Он ведь в одиночестве, в подвале рисовал, причем рисовал очень долго. А сейчас есть камера и ваши эксперты, которые заранее знают, чем он занимается, и что от них хотят. Какая же это независимая экспертиза? Побойтесь бога! Да и где вы возьмете в наших краях таких великих знатоков творчества Монро? — Она с вызовом посмотрела прямо в глаза следователю.

— Все, уважаемые товарищи адвокаты. — сделав ударение на слове «товарищи», произнес Ивашев. — Все присутствующие свободны. Я назначаю экспертизу. Сотрудники местного музея подготовят для обвиняемого по возможности все необходимое.

Эпилог

Утром следующего дня Маргариту поднял с постели телефонный звонок.

Максим Каверин дрожащим голосом сообщил, что дело о старом антикваре сегодня будет прекращено в связи со смертью обвиняемого. Антиквар умер ночью в тюремной больнице вследствие обширного инфаркта.

Спустя несколько дней Лиля, вереща во весь голос, позвала мать в соседнюю комнату, где работал телевизор и передавали новости CNN.

С экрана диктор сообщал, что на аукцион Sotheby's выставлена картина известного художника Монро «Иисус в Копернауме». Мать и дочь только молча переглянулись... □

Юрий Прокопчук

ОТМЕНЕННОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ

В липецкой глубинке, старинном городе Ораниенбурге, носящем с середины прошлого столетия название Чаплыгин, стоит единственный в мире памятник русской Железной Маске. Не состоявшемуся правителю России и не успевшему вкусить аромат власти младенцу-императору Иоанну Антоновичу, ребенку царской крови с необычайно печальной судьбой.

ЗЛОВЕЩИЙ ГОРОСКОП

Иоанн Антонович или Иван VI (1740-1764) в русской истории — фигура трагическая и загадочная одновременно. Видно, этот ребенок царской крови, будущее которого, согласно всем законам логики, должно было быть невероятно счастливым и радужным, родился под несчастливой звездой...

Иоанн Антонович, племянник императрицы Анны Иоанновны, родился в стольном граде Санкт-Петербурге 12 августа 1740 года. Сразу же после его появления на свет правительница России, не на шутку увлекавшаяся астрологией, заказала в Академии наук для будущего наследника престола его натальную карту. Да-да, в Академию наук в веке восемнадцатом нередко поступали высочайшие заказы именно такого рода. Ответственным за составление гороскопа был назначен выдающийся математик и астроном Леонард Эйлер, «ученый номер один» Академии наук (студиоуз Михайло Ломоносов в то время еще грыз гранит науки в Германии).

Со свойственной ученому немцу практичностью и педантичностью Эйлер принялся за работу. Однако полученный вскоре результат ужаснул не только его самого, но и других именитых академиков. В это практически невозможно было поверить, но... звезды однозначно и безапелляционно сулили царственному младенцу ужасные несчастья по жизни и, вдобавок, жуткую смерть в юном возрасте.

Стоит ли говорить, перед каким непростым выбором оказались ученые мужи? Показать такой гороскоп Анне Иоанновне означало не просто навлечь на себя монарший гнев: племянница Петра Великого унаследовала от своего царственного дяди не только гренадерский рост (190 см), но и весьма крутой, скорый на расправу нрав. Картина жуткой казни всего лишь несколькими месяцами ранее в самом центре российской столицы бывшего кабинет-министра императрицы, некогда всемогущего Артемия Петровича Волынского, отчетливо врезалась всем в память. И тогда, дабы сохранить не столько свои должности и положение в Ака-

демии и обществе, сколько свободу и жизнь, ученые мужи решили гороскоп для Иоанна Антоновича немного, так сказать... скорректировать. И поднесли российской императрице вполне благополучную и счастливую картину будущего ее драгоценного племянника. Подложным гороскопом Анна Иоанновна осталась весьма довольна. А спустя всего два месяца племянница Петра Великого отошла в мир иной, и правителем России был провозглашен ее царственный племянник.

Править страной младенец, понятное дело, не мог, а потому регентом при нем стал сначала курляндский герцог Эрнст Бирон. Однако в таком качестве он пробыл... всего лишь две недели: фельдмаршал Бурхард Миних произвел дворцовый переворот, арестовав и отстранив бывшего фаворита Анны Иоанновны от власти. Вместо Бирона регентом при младенце-императоре стала его мать Анна Леопольдовна. Однако спустя год повзрослевшая дочь Петра Великого как по нотам разыграла свою собственную партию: в ходе очередного дворцового переворота в конце ноября 1741 года брауншвейгское семейство (Анна Леопольдовна была супругою Антона Ульриха, герцога небольшого немецкого княжества Брауншвейг-Люнебургского) было свергнуто, полностью отстранено от власти и изолировано. Началось двадцатилетнее правление Елизаветы Петровны.

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ

Первоначально петровская дочь намеревалась выслать из российских пределов все брауншвейское семейство, но вовремя одумалась, осознав, что царственный младенец может стать опасным соперником ее правлению.

Всю свою дальнейшую недолгую жизнь Иоанн Антонович провел в одиночном заключении: власть держащие переводили несчастного узника, ставшего заложником большой политики, из крепости в крепость. Фактически он так никогда и не увидел голубого неба и яркого солнца. Содержался особый арестант всегда в строжайшей тайне и под чужим именем некоего Григория, даже его настоящее имя его было запрещено произносить всуе. А охранявшей его страже строго-настрого было велено исключить всяческое общение с «безымянном арестантом». Обращались с ним грубо и бесцеремонно: сажали, словно собаку, на цепь, а при малейшем непослушании избивали.

Спустя всего месяц после восшествия на трон, царица Елизавета, в последний день уходящего 1741 года вознесшего ее на российский престол, издала указ об обязательной сдаче подданными всех монет с именем Иоанна Антоновича для последующей переплавки. Спустя непродолжительный период эти монеты перестали принимать по номиналу, а с 1745 года их хране-

Правительница России Анна Леопольдовна со своим сыном Иоанном Антоновичем

ние стало абсолютно противозаконным. Лица, у которых находили монеты, отчеканенные в год правления Иоанна Антоновича, подвергались жестоким пыткам и даже отсечению руки, с последующей ссылкой как закоренелых государственных преступников. (В настоящее время рубли царствования Иоанна VI сохранились в единичных экземплярах, чрезвычайно редки и представляют исключительную историческую, да и просто материальную ценность.)

Кроме того, было отдано распоряжение об уничтожении всех портре-

тов с изображением Иоанна Антоновича, а также о полном изъятии и замене всего массива деловых бумаг, паспортов, церковных книг и прочих документов с именем императора Иоанна Антоновича на новые. Часть этих документов сжигалась, а часть хранилась в архивах за семью печатями, доступ в которые для подавляющего большинства даже грамотных и сведущих что к чему людей был невозможен по определению.

Изъятию и уничтожению подвергались и все пропагандистские материалы, например, опубликованные проповеди с упоминанием имени Ио-

анна, оды Михайлы Ломоносова в честь младенца-императора и прочие подобные артефакты. Культура отмены заработала на полную катушку. Процесс «забывания», стирания из исторической памяти и материальной культуры любых свидетельств и даже упоминаний об Иоанне Антоновиче продолжался все 20 лет царствования Елизаветы Петровны и был приостановлен только после вступления на престол Екатерины II. Те, кто знал, помнил и видел события, связанные с браунгшвейгским семейством, благополучно держали язык за зубами — от греха подальше и во избежание ненужных эксцессов и последствий. Даже полтора с лишним века спустя, в начале XX столетия, в ходе масштабных и помпезных юбилейных торжеств и мероприятий, посвященных 300-летию дома Романовых, имя младенца-императора не было упомянуто на Романовском обелиске в Александровском саду Первопрестольной, а его портрет «забыли» разместить на роскошном пасхальном яйце Карла Фаберже «Трехсотлетие дома Романовых».

ЦАРСТВЕННЫЕ МЫТАРСТВА

При восшествии на престол Елизавета Петровна поклялась не пролить ни капли крови и не казнить за время ее правления ни одного человека: слово свое императрица сдержала. Но судьба царственных узников, и, в первую очередь, Иоанна Антоновича, была более чем печальной.

В 1742 году браунгшвейское семейство разместилось в предместье Риги — крепости Дюнамюнде. Однако в середине следующего года правительство раскрыло «бабий заговор». Наталья Лопухина, племянница Анны Монс (первой любви Петра Великого), статс-дама Анны Иоанновны, а затем и Елизаветы Петровны, решила вести свою игру, предприняв хитроумную многоходовую комбинацию, целью которой было освобождение при помощи Пруссии ребенка царской крови. Вскоре, от греха подальше, все браунгшвейгское семейство перевели в глубь российских пределов, в крепость Ораниенбург, или Раненбург, как его стали называть в просторечье и обиходе окрестные обыватели.

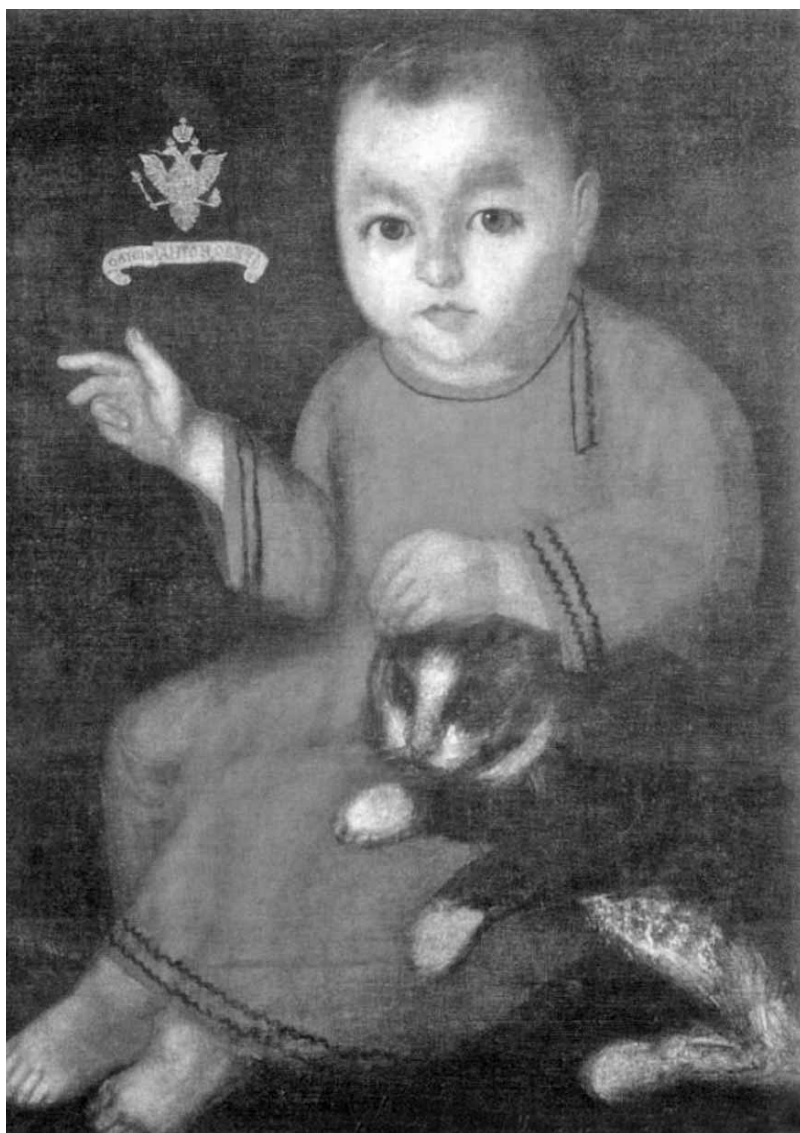
Царственные узники были далеко не первыми именитыми заключенными образованной еще в 1702 году самим Петром I по новейшему на тот период голландскому фортификационному искусству Ораниенбургской крепости. Кстати, именно эта крепость стала своего рода испытательным учебным полигоном: полученные при ее сооружении практические знания и опыт пригодились уже в следующем году при строительстве на Заячьем острове в дельте Невы будущей столицы России, величественного Санкт-Петербурга.

Сподвижник первого русского императора, некогда «полудержавный властелин» Александр Данилович Меншиков вскоре после свое-

го стремительного падения в 1727 году провел в заточении в крепости Ораниенбург несколько томительных месяцев вместе со своим семейством (ноябрь 1727 — апрель 1728) перед отправкой к окончательному месту ссылки в сибирский Березов.

Следующим заключенным в крепости Ораниенбург стал некогда видный русский дипломат князь Сергей Долгоруков, сосланный сюда Анной Иоанновной в 1730 году. В заточении Долгоруков провел долгих пять лет, пока благодаря заступничеству своего влиятельного тестя, дипломата Петра Шафирова, его участь не была смягчена.

Наконец в 1744 году Ораниенбург вновь посетили, правда, совсем не по своей воле, представители династии Романовых. Малолетний император Иван VI и его родители — бывшая регентша Анна Леопольдовна и ее супруг, отец ребенка-императора, принц Антон-Ульрих Брауншвейгский были сосланы сюда свергнув-

Иван VI в детстве

шей их Елизаветой Петровной. Вскоре все семейство перевели подальше из центра страны, на север, в Холмогоры. Здесь ребенка окончательно разлучили с родителями: пребывая в заточении в одном помещении архиерейского дома, они даже не подозревали о существовании друг друга буквально через стенку.

Елизавета Петровна рассчитывала, что ребенок не вынесет столь сурового многолетнего одиночного заточения и отдаст Богу душу. И даже составила на сей случай распоряжение: «Если по воле Божией случится смерть принцу Иоанну, то, учиня над умершим телом анатомию и положи-

*Мирович
перед телом
Ивана VI.
Художник
Иван
Творожников,
1884*

в спирт, тотчас то смертное тело прислать в Петербург с нарочным офицером». Вышло, однако, иначе: находившийся в поистине нечеловеческих условиях «известный арестант» пережил ушедшую в мир иной в конце 1761 года «веселую царицу Елисавет». Правда, всего лишь на несколько лет.

MEMENTO MORI

Судьба несостоявшегося императора Иоанна Антоновича трагически оборвалась уже в правление Екатерины Великой, в 1764 году. К этому времени «безымянный узник» или «известный арестант» (так именовался Иоанн VI в официальной переписке) пребывал в Шлиссельбургской крепости: из-за полной изоляции от людей и

многолетнего пребывания в заключении у молодого человека стали проявляться признаки психического расстройства и помешательства.

Даже уборщики Шлиссельбургской крепости не имели права видеть хоть мельком таинственного заключенного. Служебная инструкция строго-настрого гласила: «Когда же для уборания в казарме всякой нечистоты кто впущен будет, то тогда арестанту быть за ширмами, чтоб его видеть не могли...» Всем из посетителей тюрьмы, «хотя б генерал или фельдмаршал приехал», посещать секретного арестанта было запрещено, даже сказать что-то об его состоянии означало верную гибель.

Хотя нельзя сбрасывать полностью со счетов версию, что сер-

добольные охранники, служба которых по охране загадочного арестанта была невероятно монотонна, скучна и однообразна, все-таки учили его читать и писать. И весьма вероятно, что посетившая в 1762 году Иоанна VI после своего восшествия на престол Екатерина II стала свидетельницей просто искусно разыгранной таинственным заключенным симуляции сумасшествия.

Спустя два года, при попытке освобождения Иоанна VI начальником караульной службы Шлиссельбургского гарнизона подпоручиком Василием Мировичем (намеревавшемся с помощью особы царской крови свергнуть Екатерину II с престола), загадочный арестант был заколот охранявшими его стражниками, капитаном Власьевым и поручиком Чекиным, которые действовали строго в соответствии с секретной инструкцией. Сам организатор заговора подпоручик Мирович был арестован и вскоре четвертован в Петербурге

как государственный преступник. Согласно конспирологической версии, заговор Мировича спровоцировала сама Екатерина II, дабы раз и навсегда избавиться себя от весьма вероятной угрозы своему благополучному правлению.

Математик и астроном Леонард Эйлер поспешно выехал с семьей из России в Германию спустя всего лишь несколько месяцев после смерти Анны Иоанновны. И, несмотря на неоднократные уговоры и призывы сначала Елизаветы Петровны, а затем и сменившей ее на троне Екатерины II вернуться в Россию, вновь прибыл в нашу страну лишь после того, как Иоанна Антоновича не стало на белом свете.

...Памятник несчастному узнику Ораниенбургской крепости, Иоанну VI, точного места захоронения которого так никто и не знает, был открыт в самом центре Чаплыгина в 2016 году. □

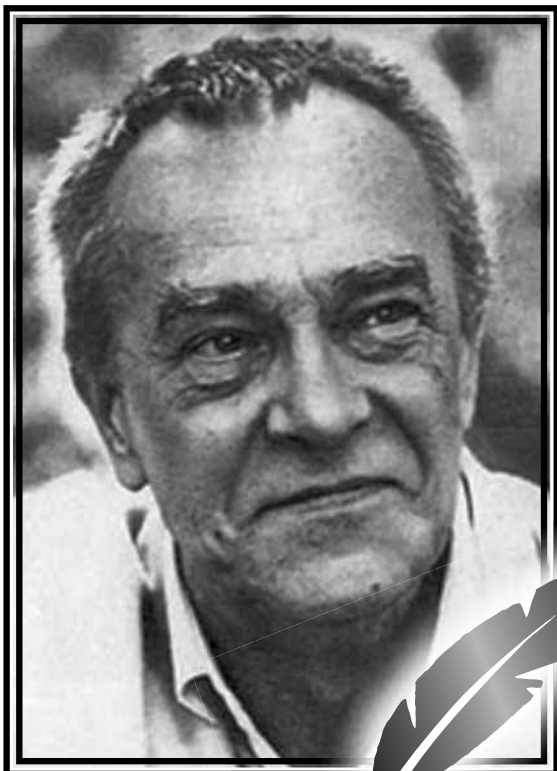

Фото из личного архива

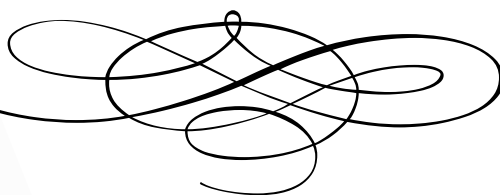

МОИ ВСТРЕЧИ С ПИКУЛЕМ

С семьей писателя В.С. Пикуля и с ним самим я познакомился совершенно случайно. Я тогда служил в Риге. Не скрываю, что мне очень хотелось познакомиться с писателем, тем более что он жил в соседнем доме. Знал я также, что он фактически живет затворником и попасть к нему чрезвычайно сложно. Но эту задачу разрешил начальник рижского Дома офицеров Борис Волдырев, который организовал встречу.

Прошло много лет с тех пор и после кончины Валентина Саввича. И вдруг совершенно неожиданный звонок из Риги. Сразу узнал голос Антонины Ильиничны Пикуль. Я опешил

от такой приятной неожиданности.

— Евгений Николаевич. Готовится к изданию книга о Валентине Саввиче. Не могли бы вы написать статью? Книга будет называться «Наш Валентин».

Еще несколько общих фраз, и мы завершили переговоры. Какой может быть вопрос? Конечно. Только позже пришла мысль: смогу ли я быть на должном уровне требований? Писать о человеке такого масштаба — это надо иметь или журналистский талант, или безрассудную смелость.

Начал вспоминать и набрасывать на листочке запомнившиеся эпизо-

ды. За годы работы в Риге кое-что сохранилось в личном архиве. Вырисовывались наши встречи. Отчетливо помню первый визит в семью Пикуля. Так вышло, что квартиру я получил в соседнем с ними доме на улице Весетас. Пикуль в те годы был, не побоюсь этих слов, одним из известнейших и любимых, но в то же время из плеяды писателей-изгоев. Мнение о нем было неоднозначным. Любили его миллионы, каждая новая книга моментально расхватывалась с прилавков. Его произведениями зачитывались, читательские конференции с участием писателя или встречи с ним (к сожалению, редкие) были событием. Но при этом недругов и хулителей, особенно из номенклатурной партийной среды, тоже было немало. В ЦК КПСС его не жаловали. Он даже не был членом Союза писателей СССР. Как говорил Валентин Саввич, его приютила только Рига, в Ленинграде ему даже не удосужились дать жилье. Вполне вероятно потому, что Пикуль не обслуживал своим талантом руководство страны, не писал хвалебные оды их деяниям. Любимыми персонажами его были те, кто за процветание и мощь России готов был сложить голову. И он был достойным биографом истинных патриотов Земли Русской. В большинстве своих монументальных работ писатель Пикуль раскрывал преимущественно героические страницы из истории государства Российского дореволю-

ционного периода, героики русской армии и российско-го флота. Мое мнение — он стоит в одном ряду с признанными историками России С.М. Соловьевым, Н.М. Карамзиным. Художественным словом он привлекал читателя, а к подлинности излагаемых им фактов не притрещься.

Что бы не писали о Пикуле, в нашей семье сложилось собственное мнение. Мы просто боготворили писателя и его книги. Покупали все пикулевское, что попадалось на глаза. В те годы эти возможности были не большие, так как книги писателя разбирали моментально и, прежде всего, те, кто имел доступ к дефициту. Зато наша библиотека значительно пополнилась благодаря подарочным жестам со стороны Валентина Саввича.

Я уже упомянул, что близко познакомил меня с этой уникальной семьей тогдашний начальник рижского Дома офицеров Волдырев Борис Петрович. Талантливый политработник, врожденный работник культуры. Он был вхож в эту семью, и это он договорился о нашей встрече. Вспоминаю, с каким трепетом я шел в квартиру писателя в первый раз. В руках были только цветы для его очаровательной супруги Антонины Ильиничны. Иду впервые, и неизвестно, как будет воспринят мой визит. На четвертый этаж поднимался с сердцебиением в груди. Очень волновался, отдавая себе от-

чет о значимости встречи с Валентином Пикулем.

Открыла дверь Антонина Ильинична. Она была в нарядном платье, очень ей идущем, и я подумал, что это к моему визиту, но в дальнейшем убедился, что она всегда одевалась элегантно, со вкусом. За ее спиной стоял Валентин Саввич. Я представился и, вместе с тем, пытался рассмотреть его, ибо первое впечатление, как правило, запоминается надолго.

Еще бы! Сам Пикуль! Невысокого роста. Крепыш. Большая, стриженная голова. В красиво расшитой рубашке — по-моему, ради такого случая, ибо в последующем он встречал меня по-домашнему, в удобной для работы одежде. Почему-то из всего, что носил Валентин Саввич, запомнилась тельняшка, как непременный атрибут его одежды, и брюки в клетку.

При взаимном крепком рукопожатии я не отрывал взгляда от человека, с которым давно хотел встретиться. Показалось, что на лице явная настороженность. Даже угрюмость. Еще бы, заявился очередной экскурсант, номенклатурный военный чин, значит, опять последуют набитые оскомину вопросы. Как он поведет себя со мной? То, что я слышал о нем, заранее вызывало внутренний холодок. Знал, что для него авторитетов, чинов не существует. Малейшая моя оплошность, и... до свидания. Все это промелькнуло у

меня в мыслях. Почему-то не хотелось, чтобы это посещение превратилось в формальное одноразовое мероприятие.

По долгу службы мне приходилось часто бывать в рижском Доме офицеров, в библиотеке которого работала Антонина Ильинична. Вот такое стечение обстоятельств и ускорило нашу встречу. Но приглашения на дом удаивались не все, некоторые об этом только мечтали. Знаю, что только военные моряки пользовались «льготами», ибо Валентин Саввич войну прошел юнгой на Севере.

Я был наслышан о нем был по-разному, пока не узнал его ближе и со временем сам не разобрался, где здесь домыслы, а где правда. Дескать, нелюдим. Никого не принимает. Живет затворником. Нигде не появляется публично. В разговорах жесткий и злой. Может сказать человеку все, что о нем думает. Это меня и заставило при первой встрече быть в напряжении, следить за речью, не вступать в дебаты.

Пригласили на кухню. Разместились уютно перед маленьким угловым столиком с довольно изысканной закуской. Пока Антонина Ильинична, как хозяйка, завершала необходимые в таких случаях хлопоты, Валентин Саввич пригласил меня осмотреть его «богатство» и начал экскурсию по своему жилищу. Он водил меня из комнаты в комнату, от одного шкафа к другому. Я был потрясен увиденным. Все, что только

можно было использовать в этой крохотной квартирке, было заставлено шкафами с картотекой, стеллажами с книгами и папками. Пикуль раскрывал некоторые из стоявших рядами папки, выдвигал ящички, на полках показывал уникальные книги, делая это нежно, с теплотой, было ощущение, что он даже поглаживал их. И я понял. Здесь, на этих полочках, в этих картонках, в этих ящичках — его труд, его жизнь, его стихия.

После небольшой трапезы я постарался не задерживать гостепри-

или по делу, или интересные собеседники, или соратники по писательскому труду. Просто любопытным в этот дом путь был заказан и, прежде всего, ввиду загруженности писателя. В рекламе Пикуль не нуждался, а вот желающих заглянуть за шторы квартиры — хоть отбавляй. Я был очень благодарен им обоим за нашу встречу, правда, на большее, то есть на последующие визиты, уже не надеялся.

А через какое-то время я случайно встретился с Антониной Ильинич-

---

Любили его миллионы, каждая новая книга моментально расхватывалась с книжных прилавков. Его произведениями зачитывались, читательские конференции и встречи с читателями (к сожалению, редкие) были событием. Но при этом недругов и хулителей тоже было немало. Он даже не был членом Союза писателей СССР

имных хозяев. Попрощались. Естественно, рассыпался в благодарностях. Понимал, что так они принимают всех, кто удостоен чести быть в этом доме. Для них мой визит был как бы стандартной экскурсией нового человека в дом писателя. Но они создали какую-то атмосферу неофициальности, непринужденности, раскованности, словно я был завсегдаем этого дома. Валентин Саввич, а особенно Антонина Ильинична, очень строго подходили к отбору посетителей. К ним приходили

ной, и она спросила, почему я не захожу к ним. Это меня приятно поразило. Чем я заслужил такое доверие? Она сказала, что я произвел на Валентина Саввича благоприятное впечатление, и он спрашивал обо мне. Конечно, я не мог не принять очередного приглашения.

Теперь я уже почувствовал большую расположенность ко мне, и при очередном визите познакомил Валентина Саввича и Антонину Ильиничну со своей женой и дочерью.

Как я убедился потом, не каждый

получал вторичное приглашение. Друзья, сослуживцы были вне конкуренции. Валентин Саввич очень много работал, дорожил каждой минутой, а супруга охраняла его от любопытных визитеров. Когда некоторые узнали, что я близок с этой семьей, ко мне начали обращаться многие приезжие начальники из Москвы. Приходилось выкручиваться и тактично отказывать. За годы работы в Риге я попросил Пикуля принять только двух генералов: начальника ГлавПУРа генерала армии Лизичева А.Д. и генерал-полковника Уткина Б.П.

У Пикуля была просто потрясающая работоспособность. Он мне поведал, что работает одновременно над тремя разноплановыми произведениями. Когда устаёт по теме, переходит на другой роман. Такая сложилась у него манера отдыхать. В то время он писал сразу два романа (?) из дореволюционной эпохи и один о Сталинграде. Как он пояснил, последний — в память об отце, участнике Сталинградской битвы. И ему будет посвящен. Кстати, во время работы над этим романом на столе у него лежали атрибуты немецкой армии: немецкие каска, кортик, на стене фотография Гудериана. Как он мне объяснил, это помогает ему переключиться с одного романа на другой и быстрее войти в атмосферу и время, о котором он пишет.

Не скажу, что в последующем мы встречались очень часто. Но я по-

чувствовал душой, что он рад моим визитам. Наверное, ему кроме работы нужно было что-то еще для разрядки. Встречи наши затягивались по времени. Разговоры касались разного. Меня, естественно, многое интересовало. Особенно об источниках фактического материала. Как-то я спросил:

— Валентин Саввич! Вот вы описываете похождения Распутина с такой детализацией, вплоть до указания конкретных часов его нахождения в каких-то местах. Откуда это?

— Из документов жандармского управления и царской охраны, которыми я владею, — ответил он и, достав какой-то журнал, зачитал выдержки докладов фискалов о точном, поминутном, времени посещения Григорием Распутиным значных мест. Точно так же рассказал о подборке материала по биографии «Соньки — Золотой Ручки». Показал уникальную книжку с фотографией Соньки, прикованной кандалами к тачке, и с гордостью сказал: — Было издано всего 500 экземпляров этой книги. Но когда власти узнали о ней, было дано распоряжение изъять тираж, найти купленные и уничтожить. Единственный сохранившийся экземпляр у меня.

Валентин Саввич был собирателем уникальных раритетов. Как-то я пришел к нему, и он сразу же с порога повел меня в кабинет показать

недавно приобретенную книгу. Кажется, это было очень дорогое издание репродукций Дали. Он не жалел денег на нужные книги, сколько бы они не стоили. Хотя лишних денег, видимо, в семье не было. Писатель сам как-то сказал, что однажды на книжном развале оставил почти весь гонорар.

Но самое главное его богатство и гордость — это картотека. Я уже упомянул, что коридоры, спальня, даже кухня были заполнены шкафами с библиографическими карточками. Одна комната полностью оборудована стеллажами с папками. Папки аккуратно, с любовью оформлены, материалы профессионально рассортированы. Без пояснений мне стало ясно, что в этом источник его вдохновения и титанического труда. Валентин Саввич кратко пояснял, показывал собранные биографические материалы на тех, чьи фамилии встретились ему в каком-либо печатном издании. А далее заводил для этой фамилии отдельную папку и уже целенаправленно искал, что может пополнить его познания.

— Деятели советского периода я не интересуюсь. Собираю по крохам биографии интересных людей дореволюционного периода, — объяснил он.

Причем фамилии собирались не обязательно именитые и родовитые, были и простые люди. Но чем-то, видимо, своей неординарностью, они

привлекали внимание писателя и получали постоянную прописку в его богатейшем архиве. В этом я получил подтверждение, когда полусутья попросил посмотреть, нет ли родовых корней моей фамилии? Пиккуль к моим словам отнесся вполне серьезно. Подошел к одному из стеллажей, снял папку и... нашел моего однофамильца. Я был шокирован его памятью. В этой многотысячной картотеке он сразу нашел то, что надо. А в очередной мой приход он преподнес мне отпечатанный на машинке листок о Федоре Махове. Привожу отпечатанную для меня выдержку полностью, без каких-либо правок.

«Самый высокий человек в мире («НИВА», 1903, № 14, стр. 279)

Федор Махов — самый высокий человек в мире. Он уроженец Витебской губ., теперь ему 22 года. Вышина его роста 238 см. По сведениям Берлинского Антропологического общества, все демонстрировавшиеся до сих пор великаны достигали не более 227 см. Махов перерос всех на 11 см. В настоящее время он находится в Берлине, и профессор Лупиан, известный немецкий этнограф и антрополог, после демонстрации Махова засвидетельствовал, что он самый высокий человек, представляя выдающиеся явление природы. Федор Махов родом из староверческой семьи, предки которой переселились в Россию из дальних стран, а по семейным

преданиям — из Сирии! Родители его, а также две сестры и брат — обыкновенного, среднего роста. Только дед Федора Махова был очень высокий, но все же не великан.

Высоких сапог Федора Махова, доходящих ему до колен, хватило бы каждому из нас до пояса, а мальчуган лет двенадцати может целиком уместиться в таком сапоге. Сквозь перстень, который Махов носит на указательном пальце пра-

антрепренер, извлекший великана из деревенской глуши и прельстивший его крупным заработком. Теперь Махову обеспечено 5.000 рублей жалованья в год на всем готовом, то есть сверх жалованья он получает бесплатно стол, квартиру и платье».

Я храню этот драгоценный для меня листок, ибо он сделан рукой Валентина Пикуля. А все, что связано с его именем, для нас не имеет порога ценности.

Я

был слышан о нем по-разному, пока не узнал его ближе и сам не разобрался, где домыслы, а где правда. Дескать, нелюдим. Никого не принимает. Живет затворником. Нигде не появляется публично. В разговорах — жесткий и злой. Может прямо сказать человеку все, что о нем думает. Это и заставило меня при первой встрече быть в напряжении, следить за речью и не вступать в дебаты...

вой руки, свободно проходит серебряный рубль. Для этого великана пришлось соорудить особую кровать длиной в 4 аршина, особого устройства пружинный матрац сделан из толстого железа. А аппетиту Махова поразительный: за обедом он съедает по меньшей мере три фунта мяса и целую гору хлеба, картофеля и различной зелени. Федор Махов теперь привлекает всеобщее внимание в Берлинском музее «Пассаж — Паноптикум». Нашелся и хитроумный

Если первая наша встреча проходила на кухне, то все последующие организовывались в гостиной. Она одновременно служила и кабинетом, и местом отдыха Валентина Саввича. Назвать гостиной эту комнату можно условно. По существу, это место, где рождались творения великого мастера. Свободного пространства в комнате практически не было. Стены, перегородка-стеллаж заставлены опять же полками с книгами. Здесь стояли такие фолианты, которые вызвали неодолимое же-

вание хотя бы прикоснуться к ним. Жизнеописания царей в великолепном оформлении из желтой кожи с золотым тиснением. Редкие, но более скромные по оформлению другие издания.

Посредине комнаты стоял круглый стол, который занимал большую часть пространства. За ним писатель работал, и под рукой сосредоточено было только то, что необходимо для работы. Я про себя назвал это уютное помещение «литературной гостиной». Здесь была «литературная кухня», где «варились» бессмертные для истории произведения. Здесь мы вели свои разговоры. И здесь все дышало литературой, историей.

Посиделки в литературной гостиной Пикулей мне очень нравились. Все было как-то естественно, домашнему. Даже любимый пес по имени Гришка Распутин дополнял домашнюю атмосферу. Его не выпроваживали из комнаты, но почему-то он больше благоволил к дочери и предпочитал лежать у ее ног. Гришка был очень доволен, когда с ним занимался и сын Николай.

Уголок стола накрывался салфеточкой, и мы пили не только чай. И, конечно, разговоры, разговоры. Пикуль не относился к весельчакам, но порой и он вбрасывал какую-нибудь историю, и мы все смеялись. Кроме него. У него максимально можно было заметить только улыбку. Она была особая. Добрая. Улыб-

ка к нему очень шла, в этом можно убедиться по фотографиям. Но заразительного смеха я не помню.

Если он начинал рассказывать, главным было — не перебивать его. Легонько подбрасывать наводящие вопросы поострее, а дальше только слушать. Рассказчик он был великолепный. Я сознаюсь, что иногда провоцировал Валентина Саввича на какую-нибудь интересную историческую проблему, на неизвестные широкой публике эпизоды из жизни знаменитостей. И тогда можно было услышать конкретные факты, фамилии, годы жизни, курьезы и прочее, иногда такое, что не прочитаешь ни в одной книге. Познания у Пикуля были энциклопедические, а память — дай бог каждому.

Наши личные отношения крепили. Кажется, они с Антониной Ильиничной приняли не только меня, но и всю семью в свое окружение. Порой мне казалось, что я ему докучаю, отрываю от работы. Но Антонина Ильинична уверяла в обратном: мол, ему нужна разрядка, нужен собеседник. Я, видимо, подходил к такому амплуа, что для меня было приятным.

Он радушно принимал наше семейство в полном составе. Однажды сидели, говорили о разном, и тут Валентин Саввич радостно сообщил, что у него приняли к публикации «Фаворита». Потом рассказал о мытарствах, прохладном отноше-

нии некоторых чиновников к очередному «пасквилю». Но сейчас все позади, и роман скоро выйдет. К нашей радости, Пикуль дал нам (с оговоркой: на 3 дня!) почитать копию рукописи этого романа. Достал и вручил нам толстенную пачку отпечатанных под синюю копирку листов:

— Вот! Почитайте. Потом скажете свое мнение.

До этого он многократно и всегда с воодушевлением рассказывал о будущем романа. К тому же информация просочилась в прессу. Там уже восприняли новое произведение, и опять по-разному. Естественно, это подогревало общественное мнение, и «Фаворита» все ожидали с нетерпением. А мы особенно.

Сейчас трудно вспомнить побуждающий момент, почему Пикуль вдруг разрешил нам взять домой копию рукописи. Наверное, мои молящие и безмолвно просящие глаза. Невероятно! Мы несли ее как сакво-яж с драгоценностями. Эти три отведенных мне дня выпали на воскресные, и мы всей семьей были на даче. В эти дни практически ничем не занимались, все отложили на потом и читали «Фаворита». Я читал первый, потом передавал лист супруге, она — дочери, и так по кругу (к нам в гости приехали друзья). За отведенные трое суток мы осилили 800 страниц. Вот так мы познакомились с очередным фолиантом. Пикуль потом интересовался, какое

на нас произвел впечатление роман. Ответ был однозначным. Но он допытывался до деталей. Полагаю, что кроме официальных литературных критиков, наверное, наша семья была первой, представляющей многомиллионную читающую аудиторию, и чьим мнением дорожил Пикуль. Комментарии по прочитанному, как помню, квалифицированное всех и с особым восхищением делала моя супруга Инна. Мы все в семье были влюблены в писателя, но она была особой ценительницей его произведений. Некоторые романы, к примеру, «Три возраста Окини — Сан» она читала со слезами на глазах.

Особенно задушевные разговоры у Валентина Саввича бывали с моей дочерью. Римма была в таком возрасте, когда любознательность бьет фонтаном. И почему-то Валентин Саввич не только терпел ее постоянное «а как это было?», но и нас отстранял от беседы. Иногда, чтобы мы не вмешивались в их дебаты, он уводил ее в ту комнату с папками, где делал занимательную экскурсию по истории, зачитывал выдержки. Римму он любил и подписывал персонально ей свои книги.

Памятным для нас был новогодний праздник 1984 года. Пикуль совершил, можно сказать, невероятное: дал согласие на выход из собственной квартиры и встречу Нового года в нашей семье. Конечно, пришлось немного уговаривать, так

как он хотел даже в этот праздник поработать над рукописью, но все же под нашим напором сломался. Вот как описывает это событие Антонина Ильинична:

«А новогодний праздник мы втроем (включая редактора Инну Слободжан) отправились встречать к Маховым. Вернувшись домой, Пикуль обнаружил потерю — в гостях забыл пиджак. Евгений Николаевич

ки. А здесь вдруг согласился. Я хорошо помню тот Новый год. Нам всем было весело. Мы просто пили и дурили... И этим Валентин Саввич еще раз показал, что он нормальный, обыкновенный человек, понимающий шутки и умеющий поддержать компанию.

Мне нравилась его непосредственность и неподдельная простота. Не знаю, как с другими, но со

Валентин Савич был собирателем уникальных раритетов. Он не жалел денег на нужные книги, сколь бы они не стоили. Хотя лишних денег в семье не было. Он сам как-то сказал, что однажды на книжном развале оставил почти весь свой гонорар. Но самым главным его богатством и гордостью была картотека. Коридоры, спальня, даже кухня в квартире были заполнены шкафами с библиографическими карточками, а одна комната полностью оборудована стеллажами с папками. В этом был источник его вдохновения и титанического труда

полушутя признался позже, что видел, но промолчал по поводу забывчивости Валентина Саввича, желая оставить эту «реликвию» себе на память.

Это был первый на моих глазах Новый год, который Пикуль встречал не за своим рабочим столом...»

Да, действительно. Вывести Валентина Саввича в гости, тем более оторвать от любимого дела было нереальным даже в праздни-

мною он чувствовал себя совершенно раскованно. Перед теми двумя генералами, с кем я приходил к нему, он тоже не позировал, не старался понравиться. Бывало, кое-кто «пыжился», пытался показать свои познания в литературе. Но Пикуль оставался Пикулем. Он не приспособивался к собеседнику, какого бы ранга тот ни был, всегда говорил, что думает, в чем уверен. Порой резко, смело. Простота его проявля-

лась даже в поведении. В ожидании «высоких» гостей иногда не желал сменить удобную для дома и работы одежду. В таких случаях Антонина Ильинична говорила:

— Валя! Переоденься!

Валентин Саввич что-то отвечал, но не всегда подчинялся. Мне лично это очень нравилось. Пикуль как бы говорил — принимай меня таким, как я есть. По-моему, это было его кредо — бросать вызов всему, что не укладывалось в его понимание. Всему косному, наносному, подхалимскому, приспособленческому. Конечно, ему не было безразлично, что о нем говорят, но он не вздыхал и не показывал свои переживания.

Прошло уже много лет, как не стало Валентина Пикуля. Но, перечитывая его книги, особенно остро осознаешь, что нет более такого масштаба русского писателя и патриота Земли Русской, каким был Валентин Саввич. Переворачивая много раз прочитанные страницы, я вновь встречаюсь с Пикулем. Вспоминаю наши встречи. Сожалею, что их было так мало (дай бог каждому столько раз встречаться, сколько выпало на мою долю). Он, точнее его творения, у нас в доме на видном месте.

Самый первый подарок от него был его «первенец» «Мальчики с бантиками». Потом пикулевская библиотека пополнялась с каждой нашей встречей. И не только. Я получал от него книги даже через друзей.

С большим удовольствием прочитал «Моонзунд» (тоже с дарственной надписью). А потом удалось побывать на месте, где снимался фильм по этому произведению. На песчаном берегу еще остались ржавые остовы декоративных оружейных батарей. Море, песок, сосны. Смотрел, и было такое ощущение, что я уже знал об этом месте. Это описано у Пикуля, причем очень реалистично, под статью Айвазовскому в отображении морской стихии. И в этом амплуа Валентин Саввич показал себя мастером.

Как приятно снова перечитывать сделанные его рукой надписи на его книгах: *«Авторский. Дорогим друзьям и соседям — Инне Васильевне и Евгению Николаевичу Маховым — с нежностью! В. Пикуль»*. Или еще: *«Супружеской чете Маховых — Инне Васильевне и Евгению Николаевичу — моим добрым друзьям дружески!!! В. Пикуль. XX век. Riga»*

Он почему-то на своих книгах всегда так подписывался: «Пикуль, XX век». Когда я упросил все-таки конкретизировать день дарения он, улыбнувшись, дописал на книге «Слово и дело»: *«Заставили поставить точную дату — 12.06.88. Получите!»* На некоторых книгах только пожелание: *«Супругам Маховым на добрую память»*.

Да! Время течет быстро. Кое-что из мелочей забывается, стирается из памяти. Не забываются только

хорошие люди, их дела. Как бы хотелось опять перенестись в те времена. Заглянуть в эту милую квартирку, где у порога тебя встретят милая Антонина Ильинична и по-своему оригинальный Валентин Саввич. Потом он поведет в свою комнату... К сожалению, этого уже никогда не вернешь...

Мне позвонила Антонина Ильинична и попросила, если возможно, написать в издающуюся книгу о Пикуле свои воспоминания. Я отправил ей письмо:

«Многоуважаемая Антонина Ильинична!

Очень был рад вашему звонку. Более того, рад просто услышать ваш такой знакомый-знакомый голос. Я остолбенел, даже не сразу сообразил, что сморозил, когда, не раздумывая, дал согласие на материал о Валентине Саввиче. Потом дошло — разве тебе по силам писать о таком человеке? Несколько дней ходил в раздумье. Не сразу, но постепенно начали проявляться какие-то эпизоды из наших встреч.

Очень прошу не судить строго, ведь я не писатель и не журналист. Но для меня очень большая честь участвовать в такой книге.

Пока не нравится название. Очень банально. Не получается концовка. Помогите. А как в целом получилось — судить вам.

Очень хотел бы вас увидеть. Приезд нас в Ригу пока исключен. Будете

в Москве, и будет возможность — позвоните.

Всего доброго вам, милая Антонина Ильинична, от всей нашей семьи!

Ваши Инна Васильевна и Евгений Николаевич Маховы».

Сейчас реже стали общаться. Но когда Антонина Ильинична приезжает в Москву, не было случая, чтобы она не сообщила об этом. А я и Римма звоним ей в Ригу и поздравляем с днем рождения. Она очень рада нашим звонкам.

Книги, книги, книги Пикуля! Они учат нас патриотизму и назидают будущим потомкам: Любите Россию! Любите так, как любил ее Валентин Пикуль! □

Евгения Гордиенко

Александр Бородин

Ученый и композитор

Человек необычной судьбы часто бывает виден не сразу, по началу он обычно производит весьма ординарное впечатление. Как и вся история его рождения и становления. Но герой нашего сегодняшнего рассказа совсем не таков. Уже его появление на свет было окутано если не тайной, то интригой. А вся последующая жизнь только и делала, что подтверждала, — человек перед нами весьма и весьма оригинальный.

Будущий ученый и композитор Александр Бородин родился 12 ноября 1833 года в Петербурге. Отцом его был князь Лука Степанович Гедиянов (Гедеванишвили), происходивший из знатного и богатого грузинского рода. Брак его оказался неудачным, и через несколько лет после женитьбы князь разъехался с супругой. В столице на балу он позна-

комился с Авдотьей Константиновной Антоновой — дочерью военного из Нарвы, влюбился в нее, и вскоре у пары родился сын. Жениться на девушке столь «низкого» происхождения князь не мог, поэтому ребенок записал сыном своего слуги Порфирия Бородина и его жены Татьяны. Так Александр с раннего возраста считался крепостным собствен-

ного отца, а мать при посторонних называл «тетушкой».

Авдотья Константиновна любила сына без памяти и решительно отказалась от любых пансионов, предпочтя домашнее образование для своего «сторублевого котика». Так она, обожавшая животных, называла Сашу. У него были преподаватели по французскому и немецкому языкам, более простым — счету и письму — мать учила его сама.

Когда в 1839 году у Гедианова начались проблемы со здоровьем, он постарался позаботиться о возлюбленной и выдал Авдотью замуж — фиктивно — за военного врача Ханса Клейке. А через некоторое время передал ей во владение четырехэтажный особняк возле Семеновского плаца, куда Саша с матерью переехали. Из окон Бородин мог слышать военный оркестр — на плацу тренировались военные. Вскоре он стал на слух подбирать марши на домашнем фортепиано.

Чтобы развивать проявившийся у сына талант, мать наняла учителей по музыке: сначала мальчик играл на флейте, затем добавились фортепиано и виолончель. Первое музыкальное произведение Бородин написал в девятилетнем возрасте. Это была полька под названием «Элен», посвященная некой Елене, подруге матери.

Незадолго до своей смерти, в 1843 году, Лука Гедианов дал сыну вольную грамоту. Авдотья Константиновна оставалась одна недолго:

вскоре она стала жить с учителем немецкого языка Федором Федоровым. Он заботился о сыне возлюбленной, продолжая его образование. Учили Александра не хуже, чем в Царскосельском лицее: помимо языков, истории, географии, математики, рисования и черчения обучали мальчика танцам и музыке.

Другом по домашнему обучению Бородина был Михаил Щиглев — будущий композитор и дирижер. Мальчиков учили вместе, чтобы делить плату за учителей. Впоследствии Щиглев вспоминал: «Мы оба бойко играли, свободно читали ноты и на первый же год переиграли в четыре руки, зная чуть не наизусть все симфонии Бетховена и Гайдна, но в особенности заигрывались Мендельсоном. Рано начали мы с Бородиным наслаждаться оркестровой музыкой. Мы слушали оркестр в Павловске, где играл тогда Иоганн Гунгль. Вскоре начались симфонические концерты в университете, под управлением Карла Шуберта. Мы не пропускали ни одного из этих концертов».

Первый концерт для флейты и фортепиано Александр написал в 13 лет. Затем последовали трио для двух скрипок и виолончели. Любящая мать тут же издала пьесы сына, предварив издание нежным и хвалебным предисловием.

Уже в детстве стало ясно, что одарен ребенок не в одном лишь музыкальном направлении. В его комнате на подоконниках стояли банки с растворами, на столе — колбы,

трубки и горелка. Легко было принять жилище за химическую лабораторию. Наряду с музицированием Саша читал книги по химии, смешивал краски (не для живописи, а как эксперимент) и устраивал фейерверки. Авдотья Константиновна комнаты сына боялась, но запрещать ничего не запрещала.

Увлечение химией переросло в профессию: в 1850 году Бородин по-

раторией в любое время. Это был своеобразный клуб, где, помимо собственно химических реакций, возникали споры, дискуссии и — дружеские отношения на всю жизнь.

Но и музыка не была забыта. Вместе с Щиглевым Александр по выходным посещал вечера Ивана Гаврушкевича. Там уже собирались не химики, а музыканты. Щиглев вспоминал: «Мы не упускали никакого

Первый концерт для флейты и фортепиано Александр написал в 13 лет, за этим последовало трио для двух скрипок и виолончели. Любящая мать тут же издала пьесы сына. Но ребенок был одарен не только музыкальным талантом. В его комнате на подоконниках стояли банки с растворами, на столе — колбы, трубки, горелка. Увлечение химией переросло в профессию: Бородин поступил на медицинский факультет Медико-хирургической академии

ступил на медицинский факультет Медико-хирургической академии. Чтобы сделать это, пришлось немного «похимичить» с законами, ведь крепостные, даже бывшие, получать высшее образование права не имели. За солидную мзду чиновник Тверской губернии приписал Александра к купечеству третьей гильдии, что позволило ему учиться дальше. Все экзамены им, разумеется, были сданы на отлично.

Бородин учился самозабвенно. На третьем курсе он стал заниматься у знаменитого химика Николая Николаевича Зинина, который разрешал студентам пользоваться своей лабо-

случая поиграть трио или квартет где бы то ни было и с кем бы то ни было. Ни непогода, ни дождь, ни слякоть — ничто нас не удерживало, и я, со скрипкой подмышкой, а Бородин с виолончелью в байковом мешке на спине делали иногда громадные концы пешком». Зинин не был доволен этим фактом биографии одного из лучших своих учеников — он рассчитывал, что Бородин займется химической карьерой, и не одобрял «писания романсов».

В 1856 году Александр Порфирьевич окончил Медико-хирургическую академию и был назначен ординатором во Второй военно-

сухопутный госпиталь, где быстро понял, что врачом ему не стать. Порой он мог упасть в обморок при виде тяжелобольных, а однажды во время операции сломал скальпель в горле пациента. Все, к счастью, обошлось, но рисковать Бородин больше не желал.

В том же году Зинин взял бывшего студента в ассистенты и позволил вести семинары у студентов академии. Поняв, что с врачебной практикой не получилось, Бородин решил заняться наукой и начал писать диссертацию «Об аналогии мышьяковой кислоты с фосфорной в их действии на человеческий организм». Защитившись через 2 года, он стал доктором медицины. Его докторская диссертация стала первой подобной работой на русском языке. До этого как защитная речь, так и сам текст диссертаций традиционно писались на латинском языке. Вскоре академия отправила Боро-

дина в Германию, в лабораторию знаменитого химика Эрленмейера. Она располагалась в университетском городе Гейдельберге, где в это время жили физиолог Иван Сеченов, химик Дмитрий Менделеев, врач Сергей Боткин. Все они были знакомы между собой и часто собирались вместе. Александр Порфирьевич легко вписался в этот «Гейдельбергский кружок», «островок вольнодумства», где обсуждались не только научные, но и общественно-политические события, поддерживались идеи Чернышевского и Белинского. О своих музыкальных увлечениях в этом обществе Бородин предпочитал умалчивать, но за его пределами с удовольствием играл в дуэтах, квартетах и квинтетах с зарубежными музыкантами.

Здесь же, в Германии, он познакомился с пианисткой Екатериной Протопоповой, которая при-

ехала в Гейдельберг на лечение, — девушка страдала хронической астмой. Впоследствии Екатерина, ставшая женой композитора, вспоминала об этом времени: «День его устраивался так: с 5-ти утра и до 5-ти вечера — химическая лаборатория; с 5-ти до 8-ми — наши с ним прогулки по горам. Какие хорошие это были прогулки, чего только мы с ним не переговорили тогда. С 8-ми или 9-ти часов вечера до 12-ти — музыка в зале Гофманского пансиона».

В 1861 году Бородин описал реакцию серебряных солей карбоновых кислот с галогенами. Этот процесс превращения химических элементов назвали в его честь. Когда обучение закончилось, Александр вместе с Екатериной вернулись в Россию, где пара и поженилась.

Екатерина была талантливой пианисткой с абсолютным слухом. Она вспоминала: «Как, — говорю я, — хорош здесь переход из такой-то тональности в такую-то». Я видела, как изумился Бородин. «Как, вы так слышите абсолютную тональность? Да ведь это такая редкость!» — воскликнул он и погрузился в какие-то думы... Как мне потом рассказывал Александр, в тот самый вечер, именно после моих слов для него стало несомненно, что он меня бесповоротно, крепко и на всю жизнь любит». Ученица чешского пианиста Эрвина Шульгофа, она с уважением относилась к творчеству Шумана и Шопена и нередко устраивала домашние концерты камерной романтической му-

зыки. Благодаря тем направлениям, которыми увлекалась жена, Александр привнес нечто новое и в свою музыку: он написал виолончельную сонату на тему Иоганна-Себастьяна Баха, трио и секстет для струнных, фортепианное скерцо.

По возвращении в Россию Бородин вскоре оказался вхож в кружок композиторов, позже ставший известным как «Могучая кучка». Туда входили Модест Мусоргский, Цезарь Кюи и Николай Римский-Корсаков. Собирались они у Милия Балакирева, где исполняли и обсуждали сочиненные ими произведения.

Теперь обе стези, выбранные Александром Порфирьевичем, шли параллельно. В 1863 году он возглавил новую химическую лабораторию в Медико-хирургической академии. Ему выделили квартиру тут же, и он часто приглашал в гости студентов — на завтрак, обед, ужин или просто для беседы. Вскоре Бородин стал самым популярным преподавателем.

Музыка шла медленнее, скорее всего, потому, что время на нее композитор «отрывал» от преподавания и науки. Первую симфонию он закончил только через пять лет. Дирижировал ею на премьере в Русском музыкальном обществе Милий Балакирев. Симфония имела успех, ее даже хвалил Ференц Лист. После премьеры Бородин занялся более «мелкими» произведениями — романсами «Спящая княжна», «Старая песня», «Фальшивая нота», «Морская царевна».

Следующим этапом в музыке стало написание оперы «Князь Игорь». Перед тем как начать писать, Бородин изучал летописи и исторические документы, даже съездил в Путивль, откуда начал свой поход на половцев князь Игорь. Либретто он тоже написал сам. Но дело шло медленно. В итоге опера писалась на протяжении 18 лет и закончена автором так и не была. Но об этом несколько позже.

Попутно Александр Порфирьевич работал над второй симфонией, воспевающей былинную силу русского народа. Она перекликается с «Князем Игорем». Поскольку все произведения создавались композитором параллельно, часто материалы, предназначенные для одного сочинения, становились частью другого. Симфония была закончена в 1876 году, а через год в Русском музыкальном обществе Петербурга состоялась ее премьера. Она получила название «Богатырская» — с подачи критика Владимира Стасова.

Много времени у Бородина отнимали лаборатория, преподавание на Высших медицинских курсах (бывших аналогом высшего образования для женщин), а также — болезнь жены. Чтобы не беспокоить ее во время отдыха, он практически перестал играть на фортепиано.

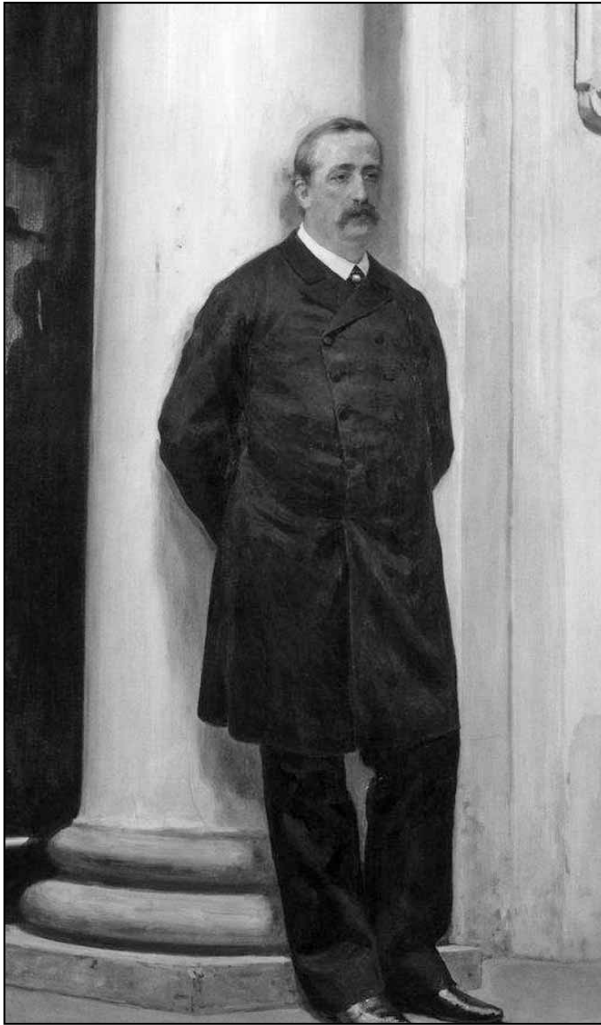
По воспоминаниям друзей, Александр Порфирьевич старался с юмором относиться к тому, что жизнь идет своим чередом и не дает ему возможности много заниматься му-

зыкой: «Спросишь его: «Александр Порфирьевич, написали ли вы?» Он отвечает: «Написал». Но оказывается, что он написал множество писем. «Александр Порфирьевич, переложили ли вы, наконец, такой-то номер?» — «Переложил», — отвечает он серьезно. — «Ну, слава богу, наконец-то!» — «Я переложил его с фортепиано на стол», — продолжает он так же серьезно и спокойно».

Чаще всего работать получалось... во время болезни. В одном

из писем Бородин писал: «Работать на музыкальном поприще мне почти не приходится. Если и есть иногда физический досуг, то недостает нравственного досуга — спокойствия, необходимого для того, чтобы настроиться музыкально. Голова не тем занята. Когда я болен настолько, что сижу дома, ничего «дельного» делать не могу, голова трещит, глаза слезят, через каждые две минуты приходится лазить в карман за плат-

А.П. Бородин. Портрет работы И.Е. Репина

ком — я сочиняю музыку. Нынче я два раза в году был болен подобным образом, и оба раза болезнь разрешилась появлением новых кирпичиков для здания будущей оперы. Написал большой марш «Половецкий», выходную арию Ярославны, «Плач Ярославны», женский хорик в Половцком лагере, кое-что для танцев (восточных, так как половцы все-таки восточный народ). У меня накопилось немало материалов и даже готовых номеров, оконченных и закругленных (например, хоры, ария

Кончаковны и проч.). Но когда мне удастся все это завершить?..»

Екатерина Бородина вспоминала: «Свою химию он любил выше всего, и когда мне хотелось ускорить окончание его музыкальной вещи, я его просила заняться ею серьезно, а он вместо ответа спрашивал: «Видели ли вы на Литейной, близ Невского, магазин игрушек, на вывеске которого написано: «Забава и дело»? На мое замечание: «К чему это?» — «А вот, видите ли, для меня музыка — забава, а химия — дело».

Из-за хронических проблем со здоровьем Екатерина Сергеевна не могла подолгу оставаться в Петербурге. Часто она уезжала в Москву, в дом матери, что огорчало Бородина чрезвычайно. Многие факты биографии ученого и композитора были почерпнуты из писем, которыми обменивались супруги во время разлуки. Из-за тех же проблем со здоровьем у пары не было детей, однако они взяли на себя заботы о нескольких воспитанницах, которых считали родными дочерьми.

О рассеянности Бородина ходили легенды. И неудивительно: иметь одновременно столько занятий, и не быть при этом погруженным в самого себя было бы странно.

Однажды вечером у Бородиных были гости. Играли произведения Александра Порфирьевича, ужинали, беседовали. Неожиданно композитор посмотрел на часы и, ахнув, зашпешил. Поднялся из-за стола, вышел в прихожую, надел пальто и при-

нялся дружески со всеми прощаться. Когда его спросили, куда же он торопится, тот ответил: «Будьте здоровы, милые мои, а мне уже и домой пора, засиделся я с вами, а ведь у меня завтра лекция...» И долго не мог понять, почему все смеются.

В другой раз, уходя из дома и опасаясь, что во время его отсутствия

Александра Порфирьевича похоронили в некрополе мастеров искусств Александрово-Невской Лавры. На могиле установлен памятник с портретом, вокруг которого — нотные фрагменты произведений в обрамлении молекулярных формул.

P.S. Так вышло, что ни третью симфонию, которую он писал, ни опе-

А

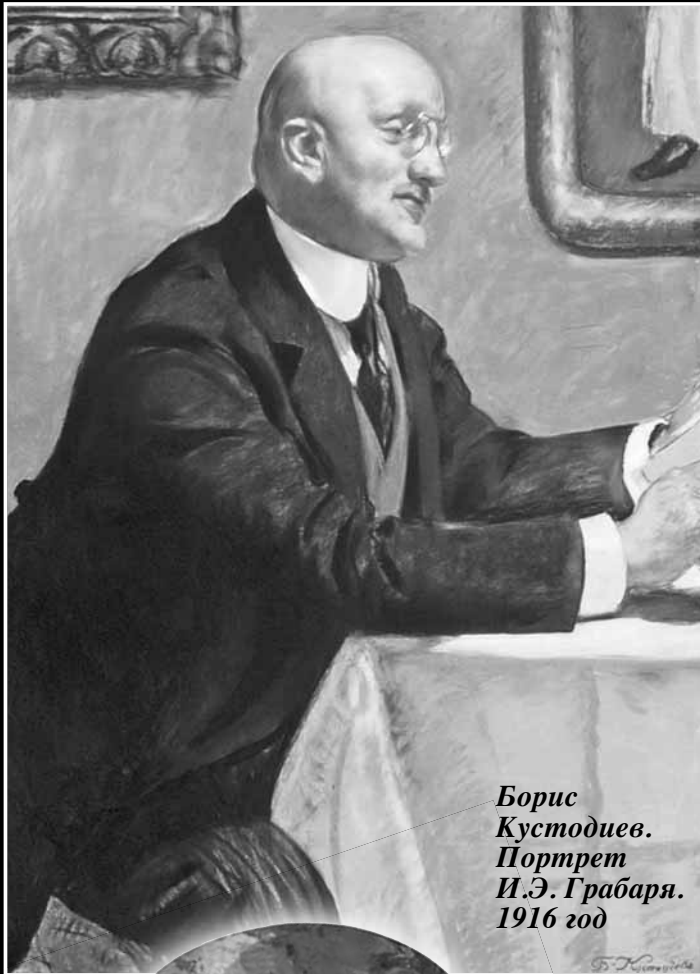
кадемия отправила Бородин в Германию, в лабораторию знаменитого химика Эрленмейера, которая располагалась в университетском городке Гейдельберге, где в то время жили физиолог Иван Сеченов, химик Дмитрий Менделеев, врач Сергей Боткин. Александр легко вписался в этот «Гейдельбергский кружок», «островок вольнодумства», где обсуждались не только научные, но и общественно-политические события. О своих музыкальных увлечениях Бородин в этом обществе предпочитал умалчивать, но за его пределами с удовольствием играл в дуэтах, квартетах и квинтетах с местными музыкантами

к нему может прийти кто-либо из друзей, он приколот к входной двери записку: «Буду через час». Вернувшись через некоторое время и увидев записку, он огорчился: «Какая досада! Впрочем, ничего не поделаешь — придется подождать...» И стал ждать... сам себя.

27 февраля 1887 года Александр Бородин праздновал масленицу в окружении друзей и коллег. Он много танцевал, шутил. И вдруг, запнувшись на полуслове, замертво рухнул на пол. Разрыв сердца остановил его жизнь в один момент.

ру закончить композитор не успел. Его друзья, Николай Римский-Корсаков и Александр Глазунов, разобрали бумаги Бородина и закончили его оперу «Князь Игорь». Римский-Корсаков вспоминал: «Некоторые номера его были окончены и оркестрованы автором <...> прочее же было лишь в отрывочных набросках, а многое и вовсе не существовало <...> Содержание этих действий я твердо знал из бесед и совместных обсуждений с Бородиным». С тех пор во многих театрах мира опера ставится в этой, «дописанной» редакции. □

Чудесный запах свежей краски

*Борис
Кустодиев.
Портрет
И.Э. Грабаря.
1916 год*

Минуло полтора века со дня появления на свет Игоря Эммануиловича Грабаря. Имя это, безусловно, знакомо каждому: будучи школьниками, мы все писали сочинение по его необыкновенной картине «Февральская лазурь». Однако был он не просто талантливым живописцем, а поистине титаном XX столетия, ибо сделать для отечественной культуры и искусства сумел невероятно много. Художественный мир России на 150-летие Игоря Грабаря отреагировал масштабной выставкой его работ, собранных воедино как из музеев страны, так и из частных коллекций: в 2021 году посвященная Грабарю выставка пользовалась повышенным вниманием в Русском музее, а в середине осени 2022 года она будет представлена в Третьяковской галерее.

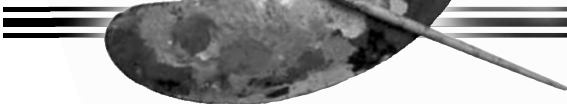

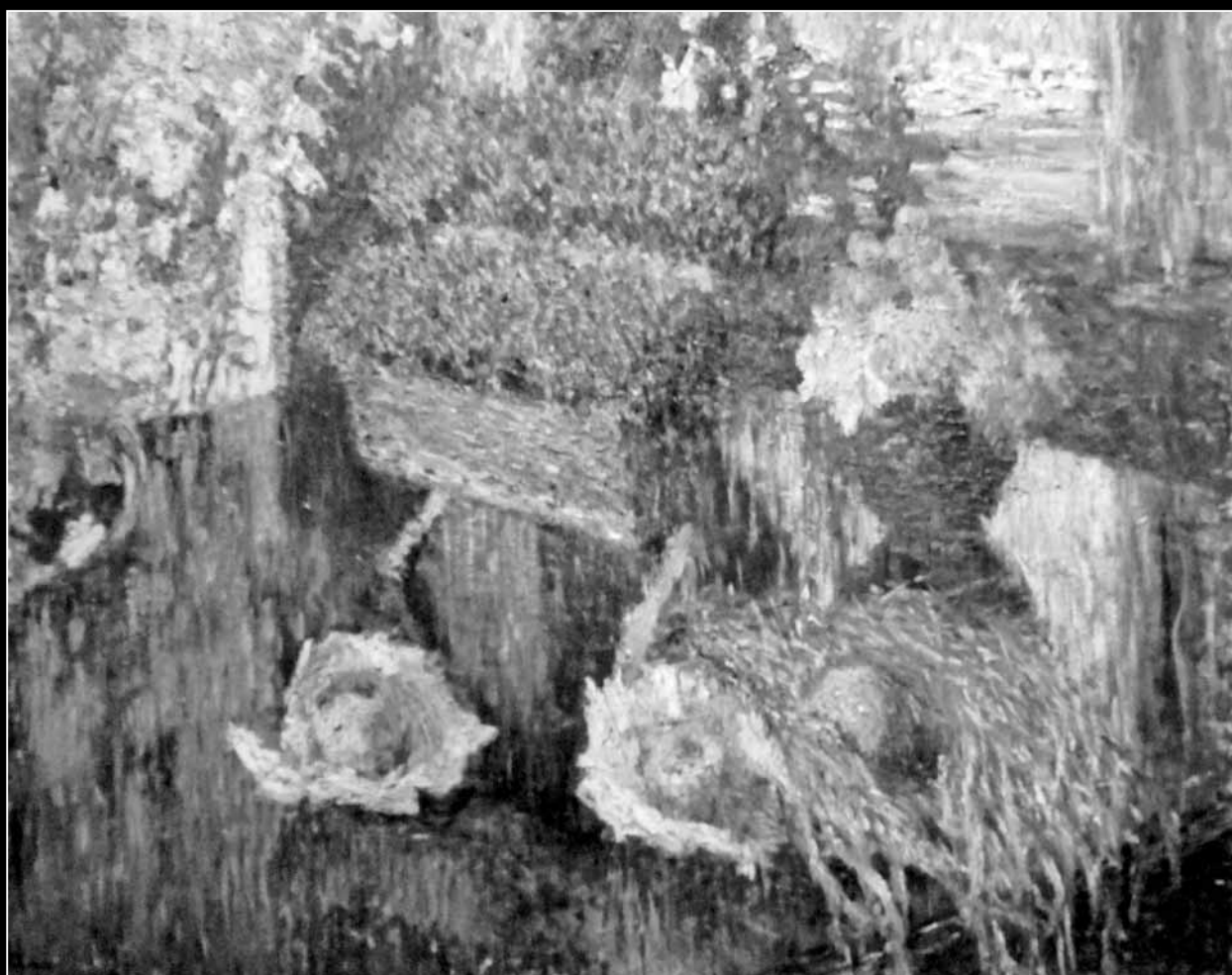
фото из личного архива автора

Игорь Грабарь родился 13 марта 1871 года в Будапеште, столице восточной части Австро-Венгерской империи, образованной всего лишь за несколько лет до его появления на свет. Его

отец, Эммануил Грабарь был видным общественным деятелем, представителем русинского движения и депутатом венгерского парламента; его политические взгляды четко и

последовательно ориентированы были на сближение с Россией и русским народом. Мать будущего художника, Ольга Грабарь (в девичестве Добрянская) также придерживалась схожих умонастроений и за-

лем и влиятельным общественным деятелем Карпатской (Угорской) Руси, сторонником духовного, языкового и культурного единения компактно проживавших на территории Австро-Венгрии русин с Россией.

«Цветы и фрукты на рояле», 1904

нималась активной просветительской деятельностью. Она происходила из очень старинного дворянского рода: ее отец, дед будущего художника по материнской линии, Адольф Добрянский был, в свою очередь, весьма известным писате-

В семье Грабарей связи с Россией и ее культурной элитой были невероятно тесными и прочными: достаточно упомянуть, что вскоре после рождения крестным Игоря Грабаря стал Константин Кустодиев, настоятель прихода русской православной церк-

ви в Иремечто близ Будапешта, где тогда жило семейство Грабарей. Между прочим, Кустодиев приходился родным дядей будущему известному русскому художнику Борису Кустодиеву, правда, племянник его никогда не видел, ибо родился в 1878 году, спустя два года после кончины

1803 годах храм-памятник был возведен на месте погребения великой княгини Александры, старшей дочери императора Павла I. В 1799 году, будучи еще совсем юной девушкой, она вышла замуж за венгерского палатина (вторая по значимости должность после короля в Венгрии до середины XIX

своего дядюшки. Став художником, Борис Кустодиев напишет портрет своего коллеги по цеху, Игоря Грабаря. Это случится много позже, за год до революции 1917 года.

Церковь, в которой крестили Игоря Грабаря, тоже была не простым русским храмом вне пределов отечества, а фактически придворным: в 1801–

века), эрцгерцога Иосифа Габсбурга, но через 17 месяцев после свадьбы скоропостижно скончалась после родов. Великие князья дома Романовых и представители высшего русского света неоднократно посещали это знаковое и памятное для них место.

Немудрено, что активная пророссийская позиция Эммануила Грабаря,

а также его многочисленные выступления по защите интересов своих соотечественников русин быстро снизили ему в Венгрии образ врага мадьярского народа: ввиду реальной опасности репрессий со стороны властей отец будущего художника в спешном порядке был вынужден эмигри-

Егорьевске Рязанской губернии преподавателем французского и немецкого языков в местной прогимназии. Обустроившись в России, он стал предпринимать деятельные усилия по воссоединению семьи: в 1879–1880 годах в империю Романовых переехал Владимир, его старший сын,

Слева:

*«В утренней
росе», 1907*

*«Морозный
день», 1907*

ровать в Италию. На Апеннинах он устроился домашним учителем к детям российского миллионера-горнопромышленника князя Павла Демидова Сан-Донато, собственника нижнетагильских заводов, а спустя три года последовал за ним в Париж. В 1876 году Эммануил Грабарь выехал в Россию и устроился в городе

а затем и жена Ольга с младшим Игорем. (Мать будущего художника последние несколько лет жила вместе со своими сыновьями в имении своего отца Адольфа Добрянского, располагавшегося в Карпатской Руси.) Здесь же, в Егорьевске, Игорь Грабарь и пошел в школу — ныне на здании бывшей прогимназии красу-

---

ется памятная мемориальная табличка о ее знаменитом ученике.

В Россию семейство Грабарей переехало очень вовремя: уже в 1882 году австро-венгерскими властями против лидеров карпато-русского движения в Галиции был инспирирован заказной политической «спектакль», получивший название «Процесс Ольги Грабарь». Поводом стал приезд матери будущего художника вместе со

своим знаменитым отцом во Львов на встречу с пророссийски настроенными русинскими активистами — местные власти быстро сфабриковали дело о мощной подпольной панславистской организации, заветной целью которой якобы являлось отделение от Австро-Венгрии Галиции, Угорской Руси и Буковины.

В результате следственных действий отец и дочь, а также другие ак-

тивисты были арестованы и брошены в тюрьму. Судебный процесс был полностью ангажированным — главных его фигурантов обвинили, ни много ни мало, в государственной измене, за что по закону полагалась смертная казнь. Однако благодаря грамотно

Стремление к рисованию, живописи у Игоря Грабаря проявилось довольно рано: в отличие от старшего брата Владимира, ставшего известным юристом, впечатлительный, душевно очень тонкий и мечтательный Игорь решил быть художником. Как вспоми-

Слева:

*«На даче»,
1954*

*«Старый
сарай
в морозный
день», 1933*

выстроенной защите нелепое обвинение рассыпалось в пух и прах: дед и мать будущего художника смогли избежать тюремного срока и даже были оправданы. Но стремясь ликвидировать огромное общественное влияние Адольфа Добрянского среди русин, власти империи вынудили его переехать в Австрию, а русофильское движение на Карпатах было ими фактически разгромлено.

нал потом о том далеком времени сам Грабарь: «Не помню себя не рисующим, не представляю себя без карандаша, резинки, без акварельных красок и кистей».

Мальчик рисовал по воображению и копировал портреты военных из журналов. В гимназии Егорьевска, где он учился, рисование преподавал местный художник, он то и заинтересовал Грабаря живописью. «Мне до

смерти хотелось как-нибудь к нему обратиться, чтобы собственными глазами увидеть, как пишут картины, и что это за масляные краски, о которых я знал только понаслышке. Я думал, что не выдержу от счастья, наполнявшего грудь, особенно когда почувствовал сладостный, чудесный запах свежей краски».

После гимназии Игорь продолжил обучение в престижном Московском императорском лицее на Остоженке, который окончил в 1889 году с золотой медалью. Уже тогда он посещал занятия Московского общества любителей художников. В том же 1889 году поступил сразу на два факультета Петербургского университета — юридический и историко-филологический. Невероятно, но факт: одаренный 18-летний юноша помимо блестящей учебы успевал составлять биографии художников-классиков, писать юмористические рассказы для популярного журнала «Нива», рисовать иллюстрации и выступать с критическими обзорами художественных выставок.

После университета молодой человек поступил в Императорскую академию художеств, а с 1885 года стал заниматься в мастерской самого Ильи Ефимовича Репина. Затем последовала поездка в Европу, и вот, в самом начале XX столетия, в Россию вернулся уже вполне сформировавшийся художник. Он неоднократно участвовал в выставках творческого объединения «Мир искусства», его пейзажи и натюрморты неоднократно выставлялись и получали признание публики.

Увлечшись модным тогда в Европе импрессионизмом, Грабарь творчески

переработал его в российских реалиях. Художника всегда огорчали невероятно быстрые, ускользающие изменения в природной среде и в освещении, поэтому именно в этом художественном направлении он нашел то, что позволило ему быстро запечатлеть происходящее. Работая над своими картинами, Игорь Эммануилович писал с огромным азартом и вдохновением, буквально «швыряя краски на холст, как в исступлении, не слишком раздумывая и взвешивая, стараясь только передать ослепительное впечатление жизнерадостной мажорной фанфары».

Помимо художественной деятельности Грабарь вел и огромную научную работу в сфере истории русской живописи. Так, за несколько лет, с 1908-го и до 1916 года он успел издать шесть увесистых томов своего монументального труда под названием «История русского искусства». К работе над этим изданием были привлечены самые известные и яркие деятели России начала XX века: художники, архитекторы, академики художественных искусств. Сам же Грабарь выступил не только редактором, но и автором многих статей. Всего было запланировано двенадцать томов, но полной реализации планов помешали трагические события 1917 года, перевернувшие все с ног на голову. Кстати, несмотря на прошедшие уже более чем сто лет с момента написания «Истории русского искусства», эта фундаментальная художественная эпопея не утратила своего научного значения и в наши дни.

В 1903 году Игорь Грабарь выбрал местом своего жительства Москву и вскоре близко сошелся с семьей ныне практически забытого художника Николая Мещерина, владельца подмосковной усадьбы Дугино. По словам самого же Игоря Грабаря, в Дугине у Мещерина перебивали практически «все московские художники», а он сам прожил там почти 13 лет! Позволить иметь себе в Подмосковье усадьбу мог весьма успешный, с коммерческой точки зрения, живописец. Впрочем, Николай Мещерин в известном смысле «родился с золотой ложкой во рту»: его дражайший батюшка, Василий Ефремович Мещерин, был основателем производившей текстиль Даниловской мануфактуры и оставил своему отпрыску внушительный капитал.

Примечательно, что сам Мещерин не получил систематического художественного образования, ограничившись лишь частными уроками живописи. Если сравнивать стилистики полотен Мещерина и раннего Грабаря, то, безусловно, можно найти какие-то едва заметные, неуловимо общие черты — сказалось влияние и увлечение обоими живописцами импрессионизмом.

Тринадцатилетний дугинский период для Грабаря был, по словам художника, одним из самых плодотворных и счастливых в его жизни: «Конечно, я застрял и на вторую зиму, на второй, третий, четвертый и на тринадцатый год, превратившись в одного из дугинских аборигенов. Эти тринадцать лет были самыми кипучими как в моей художественной деятельности, так и в деятельности литера-

турной, архитектурно-строительной, и в значительной степени в музейной».

Усадьба Дугино, расположенная в Ленинском районе Московской области, сохранилась, хотя и выглядит далеко не самым лучшим образом, пребывая в запустении. Но не только белоствольные березы и задушевные разговоры с коллегами по кистям и краскам влекли талантливого художника в Дугино. В усадьбе проживала племянница хозяина, Валентина, которая стала в 1913 году женою Игоря Грабаря.

Свою знаменитую березу из ставшей культовой для всех советских школьников картины «Февральская лазурь» Игорь Грабарь написал именно там, в усадьбе Дугино, в 1904 году. Зима всегда была самым любимым временем года художника, прочувствованная каждой фиброй его души, и Грабарь воспроизводил ее с большой любовью и особым трепетом. А когда мастер кисти и красок брался рисовать искрящийся на солнце иней, причем обязательно с натуры, то всегда жалел, что на его палитре не хватает нужных красок, чтобы передать на полотне неземную его красоту.

Именно иней настолько впечатлял Игоря Эммануиловича, что пробуждал в нем неумолимое желание писать зиму, причем, невзирая на то, что в сильные морозы масляные краски буквально примерзали к кисти и холсту. Сей факт совершенно не препятствовал талантливому живописцу в создании своих картин с натуры. Кстати, за это Грабаря вполне заслуженно называли «последним из пле-

нэристов России». Всего лишь за несколько лет он создал более сотни работ, посвященных инею, этому необыкновенному зимнему убранству уснувших деревьев, составивших в итоге потрясающую сюиту «День инея»: «Немного на свете таких потрясающих по красочной полифоничности моментов, как солнечный день инея, где цветовая гамма, ежеминутно меняясь, окрашивается в самые фантастические оттенки, для которых на палитре не хватает красок».

Художник писал свою «Февральскую лазурь» под непосредственным впечатлением от увиденного. Однажды он был просто-таки потрясен видом, открывшимся снизу на верхушки берез, и поспешил успеть запечатлеть его на холсте.

Игорь Эммануилович виртуозно запечатлел переход небесного цвета — от светло-зеленого оттенка снизу до темного ультрамарина вверху. «Праздник лазоревго неба, жемчужных берез, коралловых веток и сапфировых теней на сиреневом снегу», — так сам он описал лучезарное настроение природы в ожидании весеннего пробуждения: то состояние момента, которое ему хотелось передать в знаменитой картине, ставшей фактически визитной карточкой его творчества.

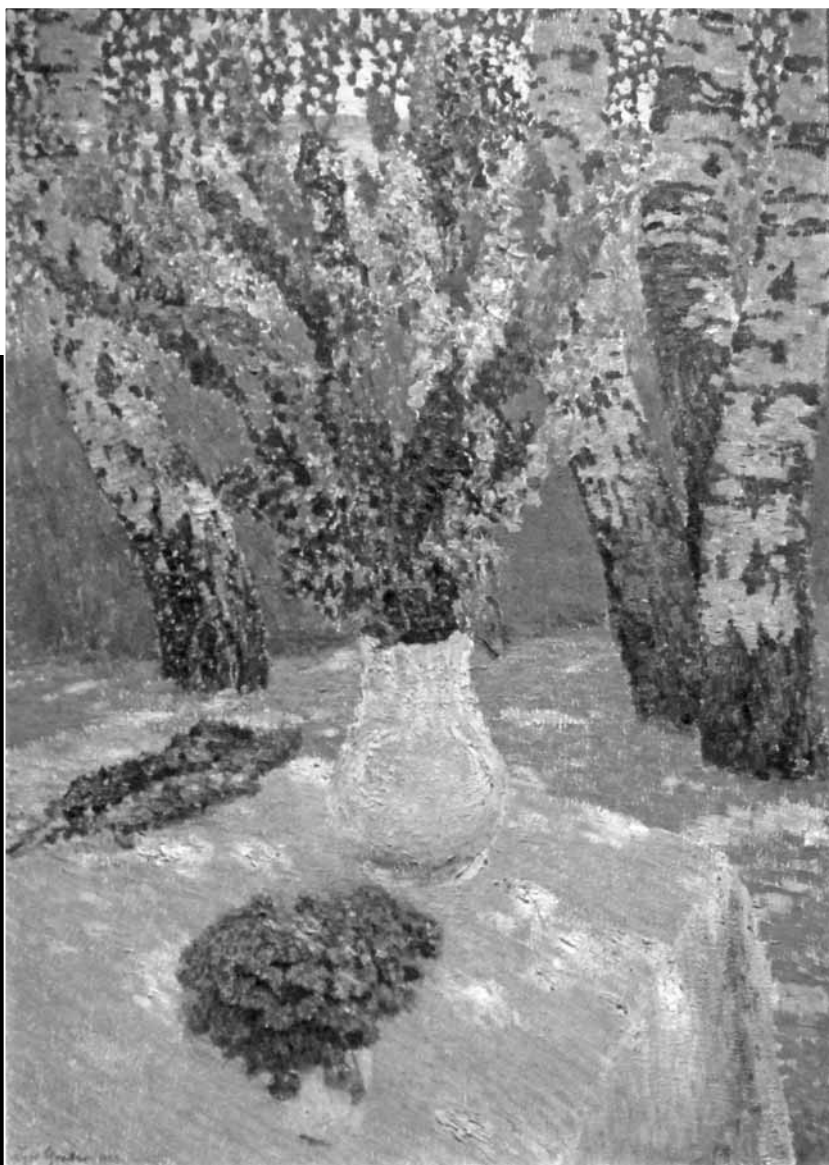
Грабарь написал «Февральскую лазурь» очень быстро, всего за пару недель. Трудился он практически без перерыва и сам считал эту свою картину важнейшим этапом. «Я чувствовал, что удалось создать самое значительное произведение из всех до сих пор мной написанных, наиболее свое, не заим-

ствованное, новое по концепции и по выполнению», — это все о ней, о «Февральской лазури».

В памятный для России 1913 год (300-летие правящей династии Романовых) Игорь Эммануилович Грабарь не только счастливо женился, но и фактически возглавил Третьяковскую галерею, став ее попечителем на долгие 12 лет. Как позже признавался сам художник, он согласился на эту должность, чтобы изучать искусство своих собратьев по ремеслу не через стекло, «а вплотную, на ощупь, с обстоятельным исследованием техники, подписи, всех особенностей». На этом посту Грабарь в полной мере проявил весь свой недюжинный талант организатора, свои архитектурные способности, проведя масштабную перепланировку экспозиции музея.

До его прихода стены в залах основанной Павлом Михайловичем галереи были сплошь, от пола до потолка, завешены разномастными картинами, причем без какой-либо, даже самой малейшей логики и здравого смысла — «крошечные этюдики ютились рядом с огромными холстами». Такая ситуация, естественно, вызывала у посетителей галереи зрительный диссонанс.

В основу новой экспозиции Игорь Эммануилович положил передовые для того времени принципы: монографический и исторический. Именно при нем и благодаря его исключительной энергии и организаторскому таланту большая и представительная, но абсолютно хаотичная частная

«Дельфиниум», 1908

коллекция живописи превратилась в передовой музей высочайшего, мирового уровня. Однако в самом начале своей работы в Третьяковке с таким подходом были согласны далеко не все, многих он откровенно шокировал: активная деятельность Грабаря по ре-экспозиции галереи вызвала тогда невероятно бурную реакцию в прессе, дискуссия выплеснулась даже на заседания Государственной Думы.

Сразу же после революции, уже в 1918 году, по инициативе Грабаря в Москве открыли Центральные реставрационные мастерские, которые ныне носят его имя. Мастер кисти стал идейным вдохновителем создания арт-кластера: городка художников на Верхней Масловке. Здесь разместились дома с мастерскими и квартирами живописцев, в том числе и мастерская самого Грабаря. Сейчас

это может показаться невероятным, даже невозможным, но еще в начале XX века реставрацию в России называли ремонтом, а у мастеров был соответствующий подход: перед реставрацией вообще не проводили научных исследований. Грабарь, уже ставший к тому времени известным и признан-

ственных живописцев. Почетное звание заслуженного деятеля искусств, учрежденное в СССР в 1928-м году, первым получил именно он, Игорь Эммануилович Грабарь. Это было более чем справедливое решение.

В годы Великой Отечественной войны Игорь Эммануилович оценивал

*«Косые лучи»,
1941*

Справа:
*«Дельфинумы»,
конец 1940-х*

ным художником, стремился поставить реставрацию на научную стезю. Для этого он привлекал к работам ученых — химиков, физиков и даже... микробиологов. Именно благодаря такому, прямо скажем, неординарному подходу результаты были ошеломительными. А в итоге удалось спасти и сохранить для последующих поколений весьма немало из уникального художественного наследия отече-

огромные потери отечественной культуры из-за разрушительных военных действий. Именно он в начале 1943 года выдвинул идею компенсации потерь советских музеев за счет конфискации произведений из музеев Германии и ее союзников, а потом возглавил Бюро экспертов, которое составляло списки лучших произведений из музеев Европы, готовил «трофейные бригады», отправлявшиеся

на фронт, принимал эшелоны с произведениями искусства из Европы. В том же году Грабарь стал директором Всероссийской академии художеств и Института живописи, скульптуры и архитектуры в Ленинграде. Он первым из именитых советских художников пожертвовал на помощь Красной армии немалую сумму в 70 000 рублей, как первый вклад в фонд создания бронетанковой ко-

лонны «Советские художники Красной армии».

А еще Грабарь реставрировал знаменитую «Троицу», был инициатором создания в стенах Спасо-Андроникова монастыря Музея древнерусского искусства Андрея Рублева, основал Институт истории искусства и охраны памятников архитектуры в Москве (ныне — Государственный институт искусствознания).

Активно занимаясь общественной деятельностью, Игорь Эммануилович не переставал писать. Весь его творческий путь как живописца составил более 60 лет.

Стоит упомянуть, что уже во второй половине XX века Институтом истории

ных изысканий в области русского изобразительного искусства и архитектуры.

На юбилейной выставке в 1951 году в честь 80-летия прославленного художника были продемонстрированы и его ранние произведения конца

искусств Академии наук СССР в Москве при активном участии Грабаря была издана обновленная «История русского искусства». Всего вышло 13 томов. Этот грандиозный труд вместил в себя более чем тысячелетний период русской истории (от искусства древних славян до искусства периода Великой Отечественной), стал обобщением новейших на тот период сведений археологии, искусствознания, реставрационной практики и архив-

XIX столетия, и работы середины XX века, на которые последние мазки были положены живописцем непосредственно перед самой экспозицией. Игорь Эммануилович никогда не мог просто созерцать окружающий мир: он всегда стремился запечатлеть его красоту в красках.

Илья Репин когда-то сказал: «Искусство я люблю больше добродетели... Люблю тайно, ревниво, как старый пьяница, — неизлечимо. Где бы я

Слева:
*«Дугино.
Восход»,
1904*

*«Березовая
аллея»,
1940*

ни был, чем бы ни развлекался, как бы ни восхищался, чем бы ни наслаждался, — оно всегда и везде в моей голове, в моих желаниях — лучших, сокровеннейших». Эти искренние и глубокие слова в полном смысле можно отнести и к его знаменитому ученику, Игорю Грабарю.

Он был редким счастливым человеком. И дело даже не в том, что ему постоянно везло. Просто всегда и везде Грабарь занимался любимым делом — твор-

чеством, искусством, живописью. Почти все 90 лет своей жизни.

Кончина застала народного художника СССР, лауреата Государственной премии СССР 16 мая 1960 года за работой над новым многотомным изданием «Истории русского искусства». «Надо считать счастьем для русского искусства, что такой человек действительно существовал», — сказал о нем народный художник СССР Сергей Васильевич Герасимов. □

Владимир Карпук

Фото
Аленксандра
Ласковенко

Яркий и талантливый, харизматичный и умный — таким запомнился мне Владимир Карпук во время обучения в ГИТИСе. Таким он и является по сию пору — актер, режиссер, организатор собственного театра и обладатель поэтического дара. Открытый, неунывающий, он начал свое образование в стенах Нижегородского университета механико-математического факультета и окончил в Академии Никиты Михалкова. О сложностях профессии, любви к искусству и многом другом он и рассказал нашему журналу.

Фото из личного архива

«Моя мечта — сделать самый лучший театр»

Когда ты понял, учась на механико-математическом факультете, что это не твое, и главное для тебя — служение Мельпомене?

— Я на мехмат и пошел, чтобы быть не просто актером, а актером с интеллектом.

Чтобы преуспеть в нашем деле, нужно быть отличным от других. Вы знаете артистов,

у кого есть фундаментальное инженерное образование? Я могу назвать одного — Михаил Задорнов. Уверен, что именно техническое образование позволило ему нестандартно мыслить и понимать события вокруг. В человеке мудрость подтверждается не просто умением

что мехмат — это шаг к постижению актерской профессии, чтобы возвести свои навыки в степень, научиться из минимума выдать максимум, аппроксимировать условность в театре, и в геометрической прогрессии учиться новому и развивать себя.

мыслить, а умением понимать глубинные вещи. А это прививают точные науки. Только они развивают мозг в плане логики и последовательности. А это основа актерской игры, как говорил Станиславский. Логика и последовательность. Так

— Как тебе пришла идея создания своего театра?

— Идея создания своего театра стара как мир. Идея такая же, как и у Ефремова создать «Современник», как у Табакова сделать «Табакерку», как у Беляковича —

Театр на Юго-Западе. А по идее и амбициям создание моего Нижегородского экспериментального театра близко к Роману Виктюку. Он тоже не оканчивал режиссерский факультет, и, тем не менее, создал уникальный театр. Новый театр рождается, когда твой творческий почерк перестает быть похожим на среднестатистический. И тебя начинает ломать, ты не можешь боль-

ше быть в обычной системе и создаешь свою новую, с хорошими традициями своих учителей, добавляя свою миссию и смысл жизни. Так система, имея мощный фундамент, приобретает новые функции, подходы и взгляды.

— Чем отличается твой театр от других?

— Нэкт — больше чем театр. У нас и Школа, и музыкальная группа, и Арт-команда, и основная труппа театра. Наблюдая, как меняются люди, занимаясь театральным ма-

стерством, как они раскрываются, понимаешь всю необходимость включения Театра в школьную и вузовскую программу. Потому что театр воспитывает и развивает, как модно сейчас говорить, Soft skills. Он помогает полноценно сформировать личность. По крайней мере, у нас в театре это основная миссия. Помочь создать себя, понять, чего ты хочешь в жизни, определиться и, конечно, укрепить культурный иммунитет человека, чтобы был фильтр отличать хорошее от плохого.

— После окончания ГИТИСа ты еще пробовал свои силы актерские в Академии Михалкова. Строгий ли мастер Никита Сергеевич?

— Это была юношеская мечта. Я всегда хотел либо учиться у Табакова, либо у Михалкова. Мне повезло! Хотя я фаталист и считаю, что

случайности не случайны, кто-то сверху мне помог оказаться в числе 15 счастливиц, которых Никита Сергеевич отобрал со всей России. Михалкова называют барином. И это так: он щедрый, добрый, суровый, но справедливый. Где в Москве, имея высшее образование, можно получить еще дополнительное бесплат-

но? Где в столице платят стипендию и дают бесплатное проживание людям, как уже говорил, с высшим образованием? Я таких мест кроме Академии Михалкова не встречал. Я рад, что мне довелось учиться у великого мастера, у уникального

ким тебе запомнился наш сатирик?

— Дядя Миша... да, за время репетиций он стал для всех каким-то особенно близким и родным. Я ничего не доказывал ему. Решение взять меня в фильм было сра-

художника. Академия не открывает Америку в театральном искусстве, она дает больше — делает тебя профессионалом. А профессионал, как сказал когда-то Брюс Ли, это не тот, кто знает сотни ударов, а тот, кто отточил в совершенстве один удар.

— Ты играл в фильме по сценарию Михаила Задорнова. Ка-

зу, с первой встречи. Благодаря творчеству Сергея Есенина, которое Задорнов, как оказалось, очень любил. Я просто сидел и целый час читал стихи. Задорнов читал первую строчку, а я продолжал. Вот такой у меня был кастинг.

— Расскажи пожалуйста, о своей учебе в ГИТИСе.

— Учеба в ГИТИСе дала фундамент, на котором я начал строить свой театр. Это мое самое интересное и трудное время. От восторга до разочарования. Был момент, когда я хотел все бросить. Но ангел-хранитель уберег меня

Ивановичу Яшину. Он смог превратить из моего тщеславия — гордость за себя, из агрессии — харизму, из надменности — интеллигентность. ГИТИС на всю жизнь воспитал во мне наполненную внутреннюю пустоту, потреб-

от этой затеи. Я пришел учиться, когда мне было уже 24 года, а весь курс состоял из молодняка, только что окончившего школу. У меня к тому времени было еще звание лейтенанта, а тут меня заставляют играть Собаку. Меня — офицера — заставляют бегать на четвереньках и лаять... Я рад, что попал в ГИТИС именно к Сергею

Ивановичу Яшину. Он смог превратить из моего тщеславия — гордость за себя, из агрессии — харизму, из надменности — интеллигентность. ГИТИС на всю жизнь воспитал во мне наполненную внутреннюю пустоту, потреб-

— Чем для тебя является сверхзадача в искусстве?

В силу уже своего опыта и практики сверхзадача в искусстве для меня совпадает с моим смыслом жизни, с ее главной целью — расшевелить совесть человека, оту-

чить от плохого, показать хорошее, чтобы жить во имя завтрашней радости. Учитывая нынешние реалии и то, что происходит с обществом, мы, артисты, обязаны творчеством исцелять народ. И никакой другой сверхзадачи быть не может.

— В чем для тебя разница специфики кино и театра?

— Я считаю, что любой актер обязан играть и в театре, и в кино. Разница в количестве и уровне энергии. Уметь дозировать — вот что ключевое. В театре ты широко, объемно играешь, в кино — более бытово. Потому что, если играть в кино как в театре, кроме возмущения и отторжения у зрителя ничего не возникнет. Энергия театра для камеры грубая. В кино нужно быть деликатным. Для себя я понял, что должна быть золотая середина. Чтобы было нечто среднее между театральной и киношной игрой, и тогда везде ты будешь интересен.

— Помимо работы над собой, ты еще увлекаешься поэзией. Можешь прочитать свои любимые стихи?

— Сложно назвать любимое стихотворение. Все зависит от настроения, от настроения, мыслей. Скорее лучше назвать любимого поэта, творчество которого созвучно с твоим внутренним миром. Это, конечно, Сергей Есенин. Также тянет к Пушкину и Твардовскому, нравятся стихи Валентина Гафта.

— А есть ли самое первое произведение из сферы искусства, которое тебя потрясло (неважно, литература, кино, живопись и т.д.)?

— Трилогия «Назад в будущее». После просмотра появилось желание тоже поучаствовать в подобном. Пробудились скрытые творческие инстинкты!

— Каким ты видишь себя лет через двадцать в профессии?

— Я бы хотел быть мастером в ГИТИСе. Вот, наверное, одна из целей.

— А мечта?

— Мечта — сделать самый лучший театр. А для этого очень нужна господдержка и своя крыша над головой. Вот об этом мечтаю.

— В каких проектах ты занят сейчас?

— Сейчас я уже полгода готовлю спектакль «План Даллеса». Не думал, что эта тема будет так актуальна, особенно сейчас, и все, что мы в театре делаем, окажется пророчески точным. Еще готовим нашу ежегодную кинотеатральную летнюю школу, куда могут приехать все желающие изучать театральное искусство. В мае у нас был день рождения театра — нам 5 лет. Вот так все насыщено. □

Беседовал **Дмитрий Соколов**

ЛЕГЕНДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФУТБОЛА

---

*Николай
Тищенко*

*Анатолий
Масленкин*

Фото из архива ФК «Спартак — Москва»

В прошлом году высокие спортивные и футбольные российские чиновники с оптимизмом в голосе и блеском в глазах докладывали Президенту страны о светлом будущем отечественного футбола. Однако не прокатило. В.В. Путин поинтересовался, сколько раз российские футболисты участвовали в финальных турнирах на Олимпийских играх. И сам же себе ответил — ни разу! В отличие от сборной СССР по футболу, которая дважды получала золотые медали Олимпиад и еще трижды становилась призером Олимпийских игр.

В этой связи следует напомнить, что сборная СССР впервые участвовала в Олимпийских играх 1952 года в Финляндии и заняла второе место в командном зачете (72 медали, из них 20 золотых). А в 1956 году на Олимпиаде в Австралии советские спорт-

смены стали самыми лучшими в мире (98 медалей, из них 37 золотых). В том числе и футболисты.

И, что самое интересное, из 18 человек в сборной СССР*, десять представляли московский «Спартак».

Все они вошли в историю мирового футбола и стали легендами отечественного спорта. Однако сегодня имена и фамилии некоторых из них мало что говорят не только читателям, но даже болельщикам.

Двое из них — Николай Тищенко и Анатолий Масленкин.

Почти вся их профессиональная жизнь связана с футбольным клубом «Спартак», оба не дожили до 60 лет, но все-таки судьбы разные — Анатолий Евстигнеевич Масленкин умер от тяжелой болезни, Николай Иванович Тищенко — на... футбольном поле.

Но лучше обо всем по порядку.

Николай Тищенко, будущий защитник «Спартака», родился 10 декабря 1926 года в деревне Ольховатка Россошанского уезда Воронежской губернии.

С 12 лет начал заниматься в футбольной секции на стадионе «Локомотив» в Люблино, тем самым связав свою судьбу с железной дорогой до 1951 года и поступив в московский техникум железнодорожного транспорта, где играл за ко-

манду техникума, а позже стал защитником в команде «Локомотив» (Люблино).

В 1951 году был приглашен в «Спартак», и дальше в его профессиональной жизни были только «Спартак» и сборная СССР.

Играл мощно и надежно, не щадя «живота своего».

Легенда «Спартака» Никита Павлович Симонян так вспоминает о нем: «Спартакскую оборону дер-

---

*Сборная СССР по футболу. Динамовцы: Лев Яшин, Борис Кузнецов и Владимир Рыжкин, Борис Разинский (ЦСКА), Анатолий Башакин и Иосиф Беца из ЦСК МО, московские торпедовцы Валентин Иванов, Эдуард Стрельцов, и десять спартаковцев: капитан команды Игорь Нетто, Николай Тищенко, Борис Татушин, Михаил Огоньков, Анатолий Масленкин, Алексей Парамонов, Анатолий Исаев, Никита Симонян, Сергей Сальников, Анатолий Ильин. Старший тренер Гавриил Качалин и тренер Николай Гуляев (старший тренер «Спартака»).

жали настоящие бойцы. Никогда не щадил себя Николай Тищенко, наш правый фланг. Честный, принципиальный, отличался редким упрямством, не уступал ни сопернику, ни товарищу...»

Ярким примером, вошедшим в историю мирового футбола, является игра Николая Тищенко на Олимпийских играх 1956 года в Мельбурне, точнее, в труднейшем для сборной СССР полуфинальном матче со сборной Болгарии.

Надо напомнить, что накануне в 1/4 финала болгары не просто выиграли матч у сборной Великобритании, но просто размазали родоначальников футбола со счетом 6:1. Поэтому заруба на поле была острой, в скоростном и жестком темпе. Сначала получил травму ноги Валентин Иванов (единственное, что он мог — отвлекать на себя болгарских защитников), а в конце второго тайма — Николай Тищенко. Замены же в то время были запрещены.

Вот как неоднократно об этом рассказывал Олег Маркович Белакровский — врач сборной СССР по футболу на Олимпиаде 1956 года:

«Подбегает он к бровке, я смотрю: а у него майка почти черная от крови на том месте, где произошел перелом, словно огнестрельную рану получил. Отворачиваю его лицо в сторону, чтобы не видел, что там у него происходит, разрезаю ножницами майку — жуткая картина: кожа — в клочья, все в крови, и клю-

чица торчит. У ребят на скамейке запасных глаза круглые. Все в шоке. Сейчас футболиста с такой травмой прямо со стадиона отвезли бы в реанимацию. Кому приходилось подобное испытать, знают, какая это боль. До сих пор перед глазами перекошенное болью лицо нашего крайнего защитника Коли Тищенко и его умоляющие глаза: "Олег Маркович, у меня плечо вылетело, вставьте его обратно, заморозьте — мне надо играть". Коля рвется на поле, торопит меня, и я понимаю, что нет такой силы, которая смогла бы его в тот момент остановить. Что делать? Я чуть придавил сломанную ключицу, и она легко встала на место. Плотнo забинтовал плечо, прижал руку к туловищу, и он убежал на поле. Сколько нужно было иметь выдержки и мужества, чтобы продолжать борьбу с такой травмой!

Полноценно, конечно, не мог играть, но факт остается фактом: оба наших гола в этом матче были забиты при непосредственном участии Тищенко, которого после игры увезли на операционный стол».

Основное время закончилось вничью (0:0), далее начались почти чудеса: на 95-й минуте болгары вырвались вперед (1:0), на 112-й минуте Николай Тищенко отдал пас Борису Татушину, тот — Эдуарду Стрельцову, который сравнял счет с «божьей помощью» — мяч неожиданно срезался с ноги, сбив с толку болгарского вратаря: тот

бросился в один угол, а мяч, слегка задетый нашим нападающим, медленно закатился в противоположный. А через четыре минуты тот же Николай Тищенко отправил мяч в середину поля Владимиру Рыжкину, который помчался на правый фланг, прострелил в штрафную, и Борис Татушин забил победный гол (2:1).

Через два года после этого матча Николай Тищенко закончил карьеру игрока, сыграв в составе «Спартака» (1951–1958) 105 матчей,

После завершения карьеры игрока Николай Иванович Тищенко остался верен «Спартаку», работая тренером в школе подготовки юных футболистов при клубе, а также с основной командой мастеров в 1965 году. Но с этим не повезло, и не по его вине. Главный тренер команды Никита Павлович Симонян пригласил его к себе помощником, и они выиграли Кубок страны. Но осенью был осужден нападающий «Спартака» Юрий Севидов, который на машине сбил насмерть

...разрезаю ножницами майку — жуткая картина: кожа — в клочья, все в крови, и ключица торчит. У ребят на скамейке запасных глаза круглые. Все в шоке. Сейчас футболиста с такой травмой прямо со стадиона отвезли бы в реанимацию

и 12 в составе сборной (1954–1956). За это время помимо победителя Олимпийских игр четырежды становился чемпионом СССР (1952, 1953, 1956, 1958), дважды серебряным (1954 и 1955) и один раз бронзовым призером — в 1957 году.

В 1956 году был включен в список 33 лучших футболистов сезона в чемпионате СССР под №1. Заслуженный мастер спорта СССР (1957). Награжден орденом «Знак Почета».

академика Д.И. Рябчикова, поэтому всех тренеров «Спартака», обвинив в слабой воспитательной работе, уволили, и Николай Иванович вновь вернулся к работе с молодежью.

Естественно, принимал самое активное участие в играх ветеранов. И... поразил всех еще раз. В последний. 10 мая 1981 года в подмосковном городе Лобня в игре с местной командой (не ветеранов) сделал мощный рывок и упал... не выдержало сердце.

Легендарный футболист умер «...не на постели, при нотариусе и враче...» (Николай Гумилев), а на футбольном поле. В возрасте 54-х лет. Похоронен в Москве на Люблинском кладбище.

Анатолий Масленкин родился 29 июня 1930 года в Москве. В 1944 году (война войной, а футбол футболом) 14-летний Анатолий начал тренироваться в клубной команде московского «Динамо». В 1950–1952 годах играл в юношеской команде московского завода «Красный пролетарий». В мае 1953 года он оказался в дубле «Спартака», а 10 апреля 1954 года полузащитник Масленкин впервые вышел в основном составе и сначала сравнял счет (47-я минута), а в конце игры поставил убедительную точку, доведя счет до 4:1. Два мяча в первом выходе — это дано далеко не каждому. Так рождаются звезды.

Тихий, скромный, прямодушный и при этом красивый особой мужской красотой, он с первых дней стал своим в команде. Глядя на него, нельзя было сказать как про других красавцев «Спартака» — «герой-любовник». От него веяло надежностью и простотой.

Его коллега по полузащите Олег Михайлович Тимаков (кстати, тоже красавец), к тому времени уже двукратный чемпион СССР и трехкратный обладатель Кубка СССР, в полном смысле слова стал наставни-

ком Анатолия. С Олега Тимакова пример брали многие, в том числе, чемпион Олимпиады и первенства Европы Игорь Нетто. О чем он и написал в своей книге «Это — футбол»: «Именно у него я учился игре головой. Сколько мячей забил он в чужие ворота вследствие удивительного умения точно выбрать место, рассчитать прыжок и резко, стремительно послать мяч головой мимо вратаря. Все, кто видел Олега в игре, помнят это».

С таким наставником и благодаря таланту и трудолюбию Анатолий Масленкин занял достойное место в команде лучших тогда мастеров футбола и, несмотря на то, что плохо слышал, он «умел мыслить на несколько шагов вперед и предугадывать ситуацию», как говорили его друзья по команде.

И про Масленкина стали писать, что он очень техничен, прекрасно видит поле и чувствует игру, всегда готов и умеет подстраховать партнера, способен четко организовать оборону, силен в отборе мяча и в нейтрализации нападающих соперников, а если к этому добавить мощный удар, умение отлично играть головой, бесстрашие на поле и вне его, то остается только завидовать команде с таким полузащитником.

Н.П. Старостин в своей книге «Звезды большого футбола» написал: «Уж как туго ему, центральному защитнику, приходилось в поедин-

ке с молодым Стрельцовым, случилось, тот его и обходил, и обыгрывал, но Анатолий перед следующим матчем с «Торпедо» нисколько не тушевался: *«Стрельцов? Ну и что? Поговорим с ним...»* Кроме этого, Анатолий Масленкин запомнился детской непосредственностью, добродушием и прямоотой, особенно на послематчевых разборах и обсуждениях.

Никита Павлович Симонян вспоминает: «В мае 1956 года мы встречались с «Торпедо». Эдуард Стрельцов, которого опекал Масленкин, в тот день был в ударе. Из Толи, его опекавшего, он вил веревки. В итоге мы проиграли, по-моему, 0:2. На следующий день на разборе игры Николай Петрович Старостин говорит Масленкину: *«Толя, так играть против Стрельцова нельзя. Ведь ты предоставил ему полную свободу. Посмотри, как их Хренов грамотно выключил из игры нашего Симоняна. Он атаковал его в момент приема мяча и перекрывал кислород»*. *«Николай Петрович, ну что вы сравниваете, — пробурчал Масленкин. — Симоняна-то и я бы выключил»*. Анатолий нередко веселил нас своей непосредственностью, и обижаться на него было невозможно».

А еще Масленкин отличался тем, что умел забить гол в самый нужный и тяжелый для команды момент. Конкретный пример. За год до финала Олимпиады сборная СССР провела несколько международных

товарищеских матчей в 1955 году. Главный из них — 21 августа со сборной ФРГ (Федеративной Республики Германии) — чемпионом мира. Прошло всего десять лет с окончания Отечественной войны с фашистами, и, конечно же, болельщики ждали только победы. А спортивные чиновники всех рангов были еще более категоричны в требовании — только победа. Достали так, что команда вышла на поле в сильнейшем моральном напряжении и в неврозе, что не могло не отразиться на игре.

Лев Иванович Яшин так рассказывал об этом матче: *«Большую часть первого тайма мы пребывали в каком-то оцепенении, наших «технарей»... не желал слушаться мяч... их пасы и удары были неточны, бывалый и уверенный в себе соперник терзал нашу оборону, мы едва успевали отражать налетавшие на нас валы»*.

И все же Николай Паршин (игрок «Спартака») открыл счет, и команда СССР вышла вперед. Но даже Лев Яшин, по его признанию, испытывал чувство скованности, мешавшее принимать решения быстро и точно: *«В обоих случаях, когда мяч побывал в наших воротах, была моя вина»*. И еще приведем слова Яшина: *«Когда второй гол влетел в сетку ворот за моей спиной, я был в состоянии, близком к отчаянию»*.

И тут свое слово сказали два гения — полузащитники «Спартака» и

сборной Игорь Нетто и Анатолий Масленкин. Сработал тот самый спартаковский дух, ставший и духом сборной. Они вдвоем на 69-й минуте пошли вперед, Масленкин отдал пас Нетто, тот обратно послал мяч Масленкину, и он с 18 метров мощнейшим ударом в угол забил свой самый нужный гол. А дальше все завертелось так, что немцы не могли опомниться до конца матча. Тот же Лев Иванович вспоминал: «Немецкая команда оказалась прижатой к своим воротам, наши устремились вперед — все, включая за-

ходя на посадку, пролетает тяжелый самолет, но шума его моторов не было слышно совершенно».

Анатолий Ильин на 73-й минуте забил решающий гол. И это была победа! После игры тренер команды ФРГ Гербергер сказал: «Мы никогда еще не были вынуждены играть в таком изнуряющем темпе, а такому ураганному штурму, как решающая двадцатиминутная атака советских футболистов во 2-й половине игры, мы не подвергались даже на первенстве мира 1954 года. Мы много слышали об их бы-

---

И тут свое слово сказали два гения — полузащитники «Спартак» и сборной Игорь Нетто и Анатолий Масленкин. Сработал тот самый спартаковский дух, ставший и духом сборной

щитников. Душевный подъем, охвативший всех нас, был так велик, что великолепные западногерманские футболисты, превосходившие нас и в опыте, и в технике владения мячом, оказались бессильны ему противостоять. Словами трудно передать, что творилось в те незабываемые пятнадцать минут на стадионе «Динамо», помню только одну деталь: на какое-то мгновение оторвавшись от происходящего на поле, я поднял глаза к небу и увидел, что прямо над нами, за-

строте, отличной физической подготовке, но выносливость соперников, с которой нам пришлось столкнуться, кажется просто непостижимой».

С особой гордостью нужно напомнить, что игру сделали спартаковцы, и все три гола на их счету. У Анатолия Масленкина он оказался единственным в составе сборной СССР.

Но цены этому единственному голу нет. Таких успехов добиваются только гении.

А через пять лет Лев Яшин, Игорь Нетто и Анатолий Масленкин добавили к золоту олимпийских игр и золотые медали Первого чемпионата Европы (Франция, 1960). Приятно еще раз напомнить, что двое из великой троицы — спартаковцы. В советском футболе, да и постсоветском тоже, таких больше нет.

Всего же Анатолий Евстигнеевич Масленкин в составе «Спартака» (1954–1963) сыграл 216 матчей, трижды стал чемпионом СССР (1956, 1958, 1962) и дважды обладателем Кубка СССР (1958, 1963).

Включался в списки 33 лучших футболистов восемь раз (пять под №1 в 1958–1962 годах и три раза под № 3 в 1955, 1956, 1957). В составе сборной СССР (1955–1962) участвовал в 89 матчах.

Заслуженный мастер спорта СССР (1957).

В 1966 году Масленкин стал инструктором по футболу в «Спартаке». Одновременно учился в школе тренеров при Государственном центральном ордена Ленина институте физической культуры (ГЦОЛИФК), которую окончил в 1971 году. С 1968 года — тренер по футболу общества «Спартак». На этой должности Анатолий Евстигнеевич проявил себя как незаурядный педагог, работая со многими юношескими командами, в том числе и спартаковскими. И был в этом

успешен. Достаточно сказать, что среди его учеников — будущий гений футбола Федор Черенков, который много позже, уходя из большого футбола, сказал: «Мне повезло четыре года заниматься у Анатолия Евстигнеевича. Он был добрым, мягким человеком. Независимо от способностей ребят, ко всем относился одинаково доброжелательно. Все занятия проходили без крика, в хорошей обстановке. А после тренировки он частенько сидел с нами на трибуне, и мы с его комментариями смотрели игры взрослых. Он был, на мой взгляд, все-таки чисто детским тренером, потому что был открытым, добрым человеком, а эти качества в командах мастеров не всегда приветствуются». Остается только добавить, что Масленкин на тренировках придумывал для Федора специальные упражнения, чтобы довести его технику до совершенства.

Вот уж действительно талантливый человек талантлив если не во всем, то во многом. Анатолий хорошо играл в шахматы, отлично разбирался и любил классическую музыку и ... умел вкусно готовить.

Тихий, скромный человек, он также тихо ушел сначала из большого футбола, а затем 16 мая 1988 года и из жизни после тяжелой болезни. Похоронен на Щербинском кладбище в Москве. □

Ирина Родичкина

СТАРЫЙ ДОМ

Смотрят окна пустыми глазницами.
Дверь повисла на ржавой петле.
И взирает альбом потемневшими лицами,
В суматохе забытый на старом столе.

Всюду пыль, паутина и запах забвения.
Ворох старых, ненужных журналов в углу.
Их давно уж коснулось дыхание тления
На прогнившем, не крашенном, грязном полу.

И как сотни других, дом стоит покосившись.
Крыша съехала вниз и упала труба.
Он стоит, из всех сил за крыльцо уцепившись,
Но давно уж проиграна эта борьба.

Напоследок взглянул дом пустыми глазницами.
Заскрипел, закричал и, сложившись, упал.
А альбом на столе, с пожелтевшими лицами,
На крушение дома безмолвно взирал...

ЗНАМЕНИЕ

В разрушенном храме,
В далеком селе
Плачет икона
На древней стене.
Светлый, пречистый
Лик Девы святой
Смотрит с печалью
На путь наш земной.
Служба идет
Среди старых руин,
Сверху взирает
Архистратиг Михаил.
Сердце Царицы
Небесной рыдает,
Миро по образу
В чашу стекает.
Что это, Чудо?!
А может быть, Кара?!
Шепот пополз
В стенах древнего храма...
Старый священник
Сказал по-простому:
Это Знамение
Роду людскому.

Люди закрылись,
Сердцами черствеют,
Люди любить
И прощать не умеют.
В мыслях у многих
Богатство и власть!
И, не дай Бог,
На пути к ним упасть!
Тех, кто споткнется,
Оставят лежать,
Некому падшему
Руку подать...
Нищих обходят,
Глядя с отвращеньем,
В храм же заходят
И ждут там прощенья...
Божия Матерь
С печалью взирает,
Как нам помочь,
Она больше не знает...
В разрушенном храме,
В далеком селе
Плачут иконы
На древней стене...

Гений дизайна

Его талант и многогранность поражали современников. Некоторые наиболее горячие поклонники даже сравнивали его с корифеями эпохи Возрождения. Поэт, прозаик, переводчик, эстет, выдающийся художник-дизайнер, общественный деятель, Уильям Моррис для многих был символом интеллектуальной жизни.

Личностью он был весьма неординарной и противоречивой. Достаточно сказать, что этот респектабельный викторианский джентльмен проповедовал социалистические взгляды, однако, это не мешало ему выполнять заказы по дизайну для самых высокопоставленных представителей английской аристократии. Даже королева пригласила именно его для разработки декора тронного зала своего Сент-Джеймского дворца.

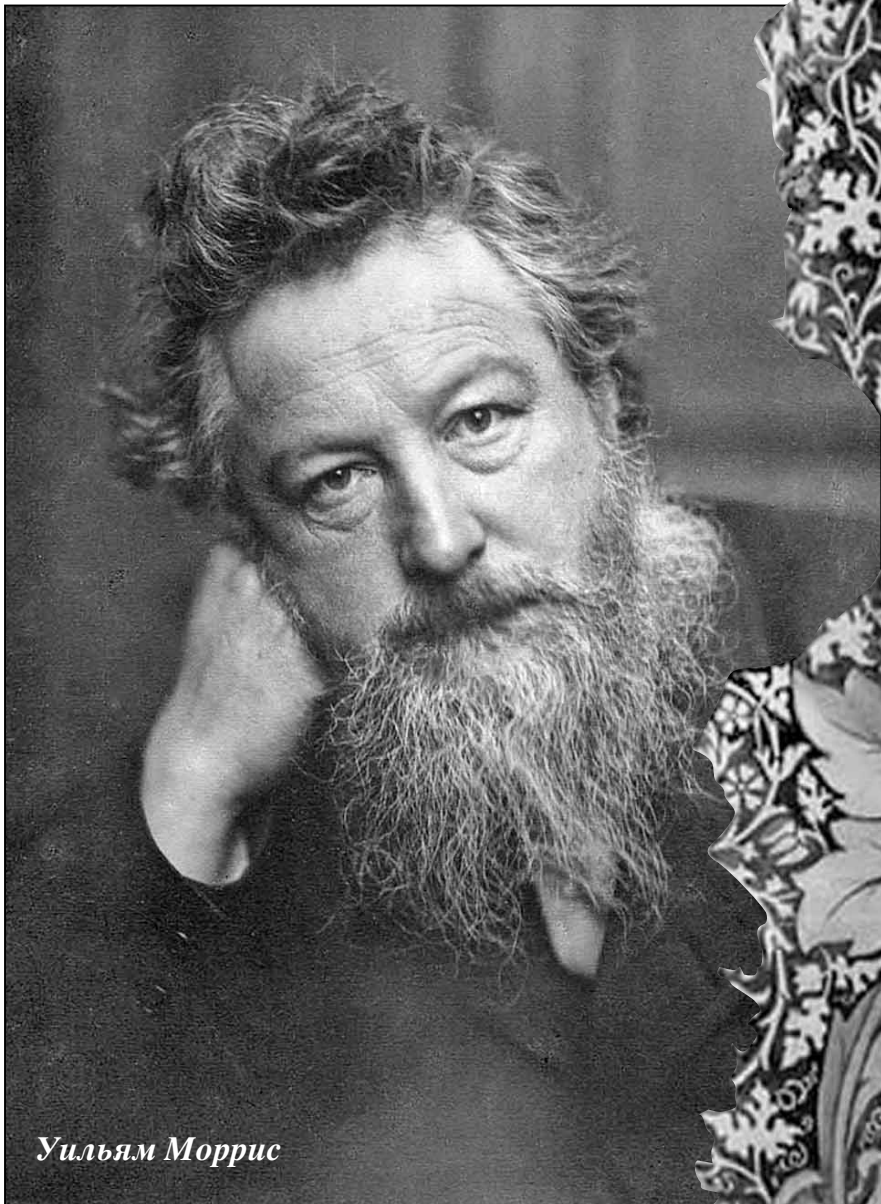
Личная жизнь выдающегося мастера дизайна, внешне вполне спокойная и благопристойная, сложилась не очень-то счастливо. Роман его жены Джейн с его же другом, основателем и главой Братства художников-прерафаэлитов, Данте Гарбиэлем Россетти, шокировал всех близко знавших Морриса.

Уильям Моррис появился на свет 24 марта 1834 года в местечке Уолтхэмстоу, графство Эссекс, Англия, в состоятельной и респектабельной буржуазной семье. Отец его был одним из партнеров в успешной брокерской конторе, работавшей с векселями. Приобретая акции Девонширской медно-рудной компании, цена на которые росла с фантастической быстротой, он сколотил огромное по тем временам состояние,

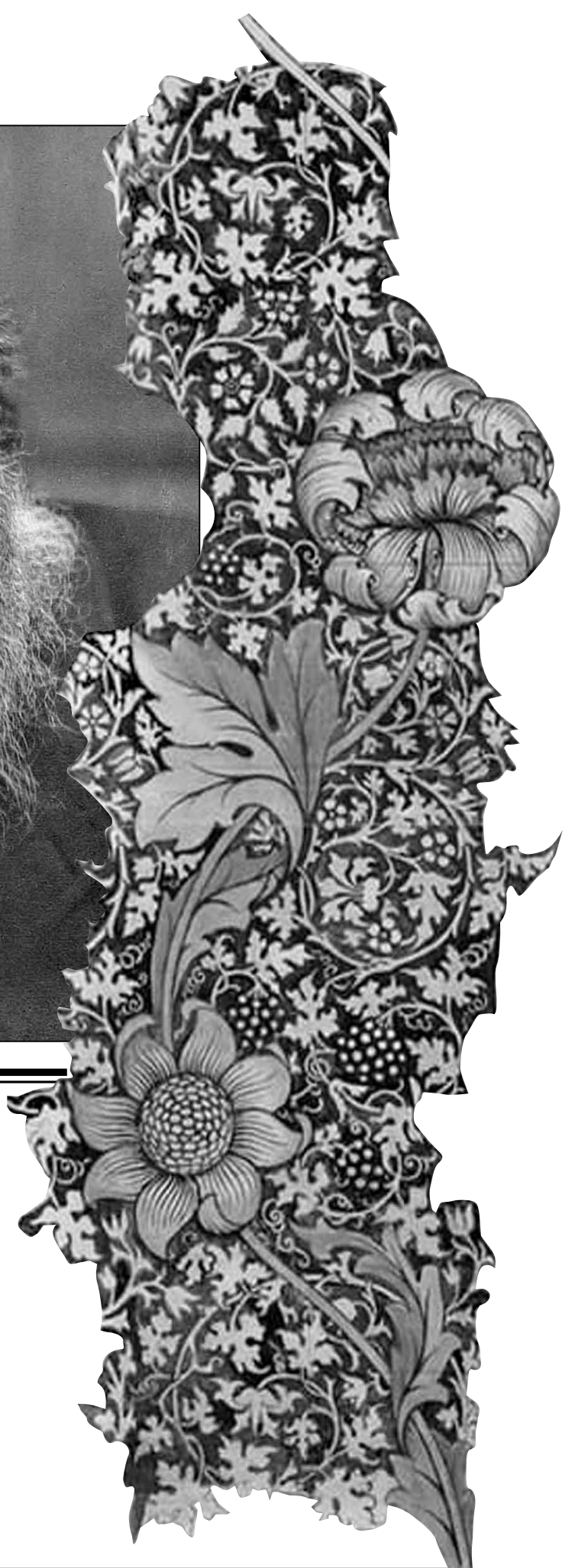
приблизительно в 200 тысяч фунтов стерлингов.

Вскоре семья переехала в Вудфорд, в роскошный особняк в георгианском стиле, расположенный в огромном парке, граничившем с лесным массивом Эппинг Форест. Это был настоящий рай для мальчика. Родился он слабеньким, однако, уход любящей матери, долгие прогулки по лесу и физические упражнения на свежем воздухе укрепили его здоро-

Уильям Моррис

вье. Жизнь в Вудфорд Холле, как назывался дом, напоминали уклад, существовавший в замках средневековой Англии. В хозяйстве пекли собственный хлеб, варили свое пиво, сбивали масло. Это намеренное подражание обычаям былых времен приводило в восторг впечатлительного мальчика, и он на всю жизнь сохранил страстную любовь ко всему средневековому. К девяти годам Уильям прочитал все романы Валь-

тера Скотта. Он буквально бредил рыцарскими подвигами. Ему изготовили легкую кольчугу, которая сидела на нем, как влитая и, оседлав своего пони, мальчуган ездил по тропинкам Эппинг Фореста, воображая себя то доблестным рыцарем Айвенго, то самым славным королем Ричардом Львиное Сердце.

Закончив начальную школу, он в 1848 году поступил в среднюю школу в Мальборо. Учился он неплохо, но гораздо больший интерес проявлял ко всякого рода физическим упражнениям, которым в школе уделялось большое внимание. Вооруженный легкой копией рыцарского меча, он неизменно выходил побе-

дителем в схватках со сверстниками. Верный своему увлечению средневековьем, он ко времени окончания школы, прочитал всю литературу по археологии и старинной архитектуре в местной библиотеке. В Мальборо также усилился его интерес к религии, и он с благословения родителей решил избрать духовную карьеру. Летом 1852 года он поступил в Эксетер, колледж Оксфордского университета. Там он сблизается с несколькими молодыми людьми, которые позднее стали его со-

ратниками по работе в организованной ими дизайнерской фирме. На старших курсах университета интерес к религии у Морриса угас, и он решает посвятить себя архитектуре. После окончания университета он некоторое время работает в мастерской известного архитектора Джорджа Стрита, однако, вскоре осознает, что архитектура — не его призвание. Как раз в это время один из его ближайших друзей, Эдвард Берн-Джонс начинает брать уроки живописи у основателя и идейного вдохновителя недавно созданного им Братства художников-прерафаэлитов, Данте Гарбиэля Россетти. Ученики и последователи преклонялись перед Россетти, считая его едва ли не божеством. Россетти был необычайно сильной и властной натурой, художником необычайно мощного дарования. Как направление его школа прерафаэлитов ставила своей целью восстановление и развитие средневекового стиля живописи, существовавшего на начало эпохи Ренессанса. Моррис сразу же попал под обаяние молодого гения, тем более, что он и до встречи с ним бредил средневековьем. Именно Россетти открыл и всячески пестовал его талант дизайнера. Началось все, естественно, с уроков живописи. Однако вскоре Уильям понял, что «чистым» художником он не станет. Ему не давались фигуры людей и животных. Позднее их изображения на его знаменитых обоях и гобеленах всегда рисовали друзья — Филип Уэбб и Эдвард Берн-Джонс. Зато

в изображении птиц, различных сложных орнаментов и растительных узоров Моррис не знал себе равных. Он, кроме того, экспериментировал с цветным стеклом и металлом, создавал непревзойденные по красоте эскизы для гобеленов, вышивок и ковров ручной работы. С удивительным вкусом оформлял интерьеры различных помещений. Необычайно успешно работал он и в других областях прикладного искусства. Считалось, что Моррис владел почти двадцатью ремеслами. Впрочем, все это было делом будущего, пока же Уильям находился в самом начале пути.

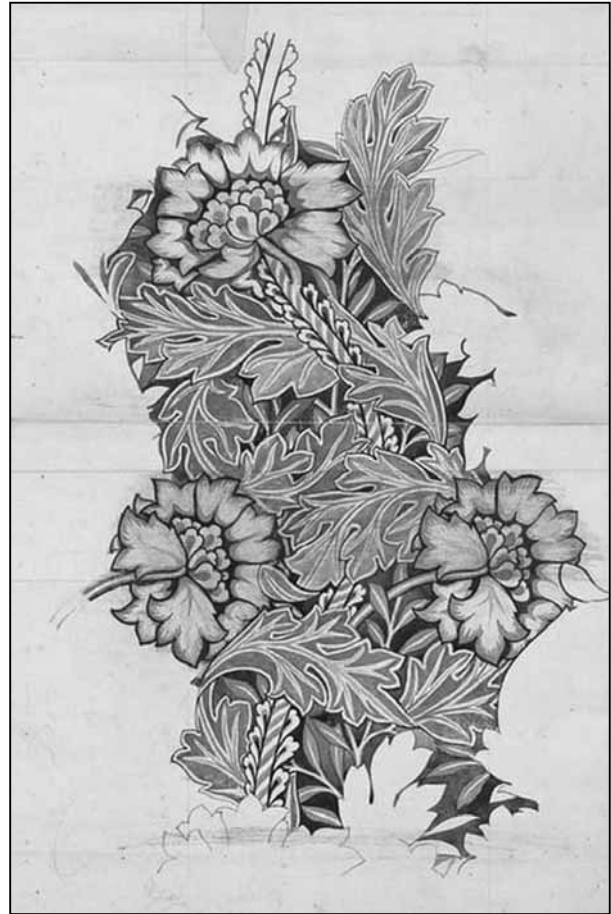
Летом 1857 года Россетти задумал расписать фресками стены Зала Дебатов Оксфордского Союза, собрав для этого небольшую команду единомышленников, в которую вошел и Моррис. Фрески изображали сцены на сюжет книги Томаса Мэлора «Смерть Артура». Писать фрески было Мор-

Уильям Моррис и Берн-Джонс (дизайн ангела)

рису намного легче, чем работать с холстом, и он закончил свою часть работы раньше всех. Мотив средневековых легенд о Тристане, Изольде и Паломиде сочетается у него с каскадом желтых подсолнухов. Молодой художник передавал содержание средневековых сказаний с помощью атрибутов современного ему мира. Подсолнух не был находкой начинающего живописца, он был любимым цветком английского декаданса и французских импрессионистов.

К этому времени Моррис довольно сильно внешне изменился. Не очень высокий ростом,

он раздался вширь и выглядел даже несколько устрашающе. Со времени окончания университета бритва ни разу не касалась его щек. Уильям отпустил длинную спутанную бороду, а его грива черных выющихся волос была так густа, что когда девушки по его просьбе запускали свои ручки в его шевелюру, он поднимал их в воздух, отрывая от пола. Одевался он очень небрежно, порой платье его было порвано. Его часто принимали за моряка, и один раз даже за грабителя. Мать переживала, опасаясь, что сына засосет стихия богемы. Впрочем, материально он от нее уже не зависел. После смерти отца Уильям вступил в наследство, и его ежегодный доход составлял

900 фунтов — немалые по тем временам деньги.

Уильям с детства обожал поэзию. Он знал великое множество стихов и мог декламировать их часами. Его первые серьезные поэтические опыты относились ко времени учебы в Оксфорде. Весной 1857 года он выпустил свою первую книгу стихов «Защита Генеvры» — сборник поэзии, посвященный событиям легендарной эпохи короля Артура, а вскоре встретил женщину, казалось, сошедшую со страниц рыцарских романов того времени. Россетти увидел на спектакле в театре в Оксфорде девушку по имени Джейн Берден. По меркам средневековых мейнстрейлов она вряд ли могла счи-

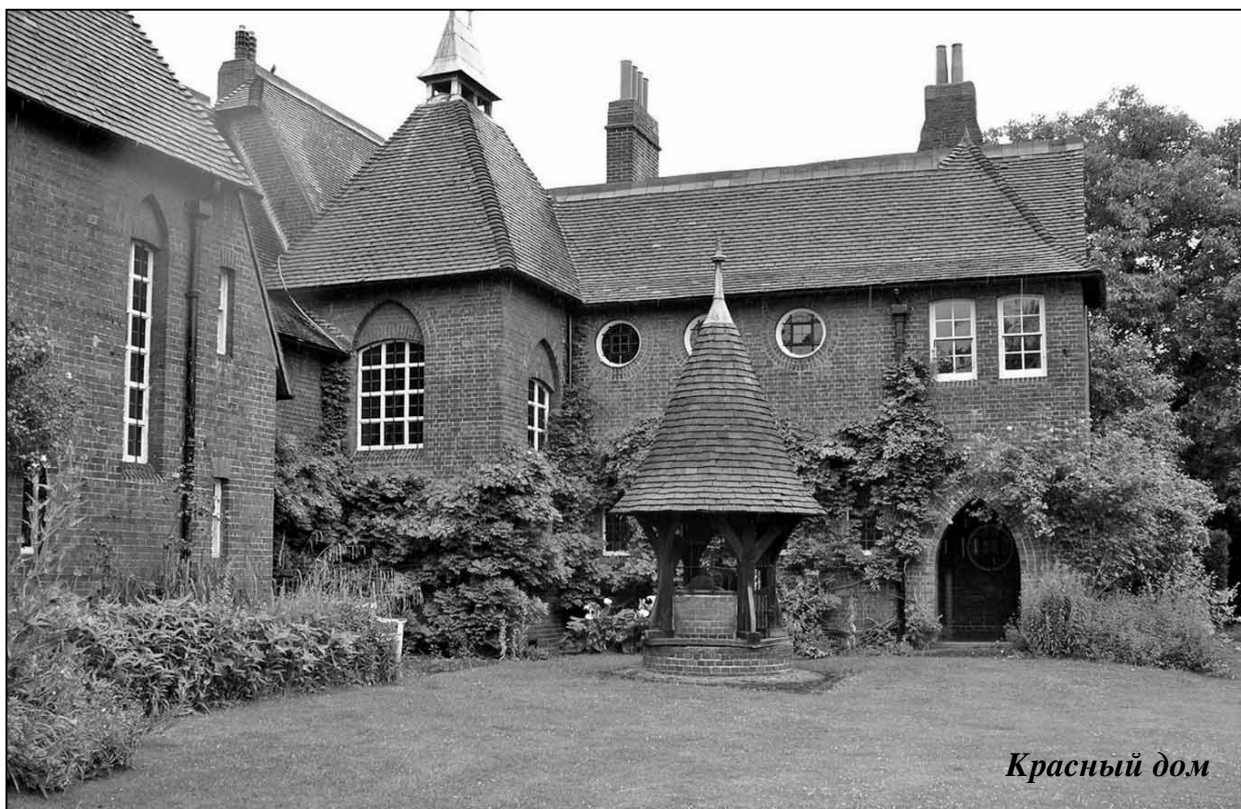
таться «благородной дамой», поскольку была дочерью конюха из Оксфорда, однако, для прерафаэлитов ее и в самом деле удивительная красота была тем самым идеалом, который они стремились отразить в своем искусстве. Россетти был пленен ею и немедленно предложил стать моделью для художников «Братства», а Моррис, увидев ее, сразу же потерял голову от любви. Его метод ухаживания за девушкой был, мягко говоря, не совсем обычный — он часами читал ей главы одного из романов Диккенса. Россетти, желая оставить Джейн в кружке, всеми силами убеждал ее, что брак с Моррисом принесет ей счастье. В этом же был уверен и сам Уильям. В то время он не понимал, что обожает девушку, как недостижимый, романтический идеал. Ему казалось естественным боготворить ее, как Генеvру, Изольду или Беатриче, и он не задумывался над тем, как может сложиться его повседнев-

«Королева Генеvра» («Красавица Изольда»).
Портрет жены Морриса — Джейн

ная жизнь с этой в общем-то простой, не очень образованной девушкой.

Что касается самой Джейн, то она с самого начала была вполне равнодушна к Уильяму, и так и не сумела полюбить его в дальнейшем, впрочем, не делая из этого секрета. Весь во власти охватившего его чувства, Моррис решил увековечить образ Джейн на холсте. Давалось ему это с большим трудом. На обороте одного из эскизов к портрету сохранилась надпись: «Я не могу изобразить тебя, но я тебя люблю». Над незаконченным портретом Джейн позднее работали друзья Уильяма, в том числе и Россетти. В настоящее время этот замечательный холст под

Красный дом

названием «Королева Генебра» находится в лондонской Tate gallery. У него есть и другое название «Красавица Изольда».

Уильям и Джейн обручились в 1858 году, а в апреле следующего года в церкви Святого Михаила в Оксфорде состоялось их бракосочетание. Жениху было двадцать пять лет, невесте — восемнадцать. Еще до свадьбы Уильям всерьез озаботился образованием своей нареченной. Джейн от природы обладала острым умом и незаурядными способностями. Занятия с хорошими педагогами, безусловно, пошли ей на пользу. Позднее она свободно говорила по-французски и итальянски, прекрасно музицировала. Ее изяществом и умением вести себя восхищались в самых блестящих лондонских салонах. Ее ближайшей приятельницей была

известная всей столице графиня Карлайл. Некоторые литературоведы полагают, что именно Джейн стала прототипом героини романа известного писателя Вернона Ли «Мисс Браун», на основе которого Джордж Бернард Шоу создал образ Элизы Дулиттл в своей пьесе «Пигмалион».

К сожалению, Джейн отличалась слабым здоровьем, и это в первое время очень тревожило ее супруга. Моррис не мог привести молодую жену в дом на Лайон Сквер, где он жил со своими приятелями-художниками. Молодым нужен был свой дом, отвечающий вкусам взыскательного художника. И такой дом был построен. Проект подготовил один из ближайших друзей Уильяма, талантливый архитектор Филип Уэбб. Разумеется, деятельное участие в подготовке проекта принимал и сам Мор-

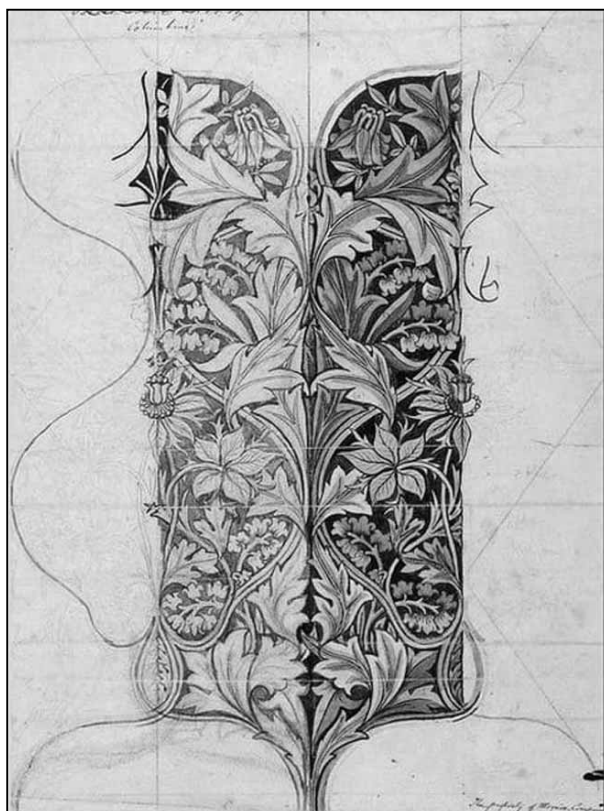

рис. Ред Хаус, это название здание получило, потому что было построено из красного кирпича. Оно и сегодня стоит в центре южного предместья Лондона Бекслихит. Главная особенность этого дома — его простота и величественность. Эта постройка в готическом стиле совершенно лишена викторианской пышности и помпезности. Внутреннее убранство с большим вкусом и простотой было разработано самим Моррисом. В окна были вставлены цветные стекла. Моррис уже тогда прекрасно владел искусством художественной вышивки, и под его руководством Джейн и другие знакомые дамы расшивали портьеры сложными узорами. Обоев в доме не было, поскольку в то время Уильям еще не занимался их дизайном. Тем не менее, именно работа над убранством Красного дома стала

для Морриса побудительным мотивом заняться дизайном и производством предметов внутреннего убранства как бизнесом. Это стало тем более актуально, что доход от акций, оставленных отцом, значительно сократился.

В апреле 1861 года Моррис с несколькими друзьями основал компанию «Моррис, Маршал, Фолкнер и К°», которая ставила своей целью производство различных предметов декоративного искусства. В работу были вовлечены все члены семей участников компании, а также некоторое число мастеров-ремесленников. Перечень выпускаемых изделий был весьма велик. При этом сам Моррис не только делал огромное количество эскизов, но также организовывал и контролировал весь процесс производства.

Данте Габриэль Россетти. «Синее шелковое платье» (портрет жены Морриса — Джейн)

Компания была известна, прежде всего, своими обоями и ситцевой тканью. Моррис начал изготавливать обои и работать над их дизайном сразу же, как только они были изобретены. Его первая работа 1862 года носила название «Шпалера», и на ней были изображены розы. Уже в самом начале своего пути он показал свое мастерство в создании рисунков, и в этом ему не было и нет равных. В общей сложности он создал более сорока обойных дизайнов. Они были основаны исключительно на мотивах, связанных с листьями, цветами и птицами, которыми он любовался еще мальчиком в Эппинг Форест. Изображений людей и животных в них не было. Узоры нано-

сились на плоскости, изготовленные из грушевого дерева, которые затем покрывались краской и использовались для печатания обоев. По сравнению с машинным производством это был длительный и кропотливый процесс, но он позволял печатать каждый цвет отдельно. Много здесь зависело от рабочих, наносивших краски. Моррис лично наблюдал за соблюдением технологии. Это было не так уж сложно, так как фирма работала в основном по индивидуальным заказам, выпуская ограниченные партии изделий. Их высокое качество привлекло к фирме внимание самых высокопоставленных и взыскательных заказчиков. В конце 1866 года компания Морриса разработала новый интерьер для Оружейной палаты и зала гобеленов Сент-Джеймского дворца, а немного позднее такие же работы были проведены в Зеленой столовой Южно-Кенсингтонского музея (теперь это Зал Морриса в музее Виктории и Альберта). Тем не менее, общие доходы компании были невелики

и Моррисы, у которых в начале 60-х появились две дочки, решили продать Красный дом и переехать на Куин Сквер, где дизайнер снял просторный дом.

За совместно прожитые годы Уильям убедился, что его отношения с Джейн, которые начинались, как иллюзия идеальной романтической любви, так и не превратились в реальное чувство нежности и уважения друг к другу. По мере того, как отчуждение между супругами увеличивалось, Джейн все больше сближалась с Россетти. Их все чаще видели вместе на вечеринках богемы, где они, казалось, были всецело поглощены друг другом, не замечая присутствовавших. Моррис обычно такие мероприятия не посещал. Один из современников сообщает об одном таком вечере, где Джейн восседала на кресле для позирования в позе королевы, а Россетти, уже весьма тучный, но еще сохранивший остатки прежней элегантности, сидел на небольшой подушечке у ее ног. Другой очевидец

описывает вечер, на котором Джейн и Россетти сидели в уголке комнаты, и он кормил ее с ложечки клубникой. Не было ни малейших сомнений в том, что он обожает ее, а она отвечает на его чувства, хотя к этому времени злоупотребле-

ние настойкой опия и бессонница нанесли его здоровью и внешности довольно сильный урон. Никто не может сказать, существовал ли между ними секс, однако, неоспоримо одно — Россетти относился к ней с огромной любовью и нежностью, которых она была лишена в общении с мужем.

Джейн много позировала художнику. Картины и незаконченные наброски, изображавшие ее, поражают зрителей какой-то удивительной мистической сексуальностью. Особенно известны ее портрет в переливчатом синем платье и картина, на которой она — в образе Пандоры, открывающей свой знаменитый ящик. Россетти посвятил ей целый цикл любовных стихов. Многих ставило в тупик то, что хвalebную рецензию на этот сборник составил не

У. Моррис. «Лес за пределами мира»

кто иной, как Моррис, который, разумеется, не мог не знать, кого воспеваает автор.

Летом 1869 года Моррис, как заботливый супруг, повез жену в Бад-Эмс в Нессе-Нассау на воды, хотя и не скрывал, что считает поездку досадной помехой, нарушающей его деловые и творческие планы. Россетти из Лондона посылал Джейн дышащие любовью письма.

Весной 1871 года Моррис совместно с Россетти снял старинный дом, построенный в елизаветинском стиле в живописном местечке Кельмскотт на северном берегу Темзы на границе Глочестершира и Оксфордшира. Россетти и Джейн немедленно переехали туда и сле-

дующие три года подолгу жили там. В эти периоды Моррис в Кельмскотте не появлялся. В Викторианское время подобное поведение было, мягко говоря, странным для супруга, уличившего жену в неверности. Обычно дело кончалось разводом. Однако Моррис не считал брак деловым контрактом, который супруги обязаны соблюдать во что бы то ни стало, и полагал, что каждый из них волен поступать так, как считает нужным. Это, однако, не означает, что семейная драма не причиняла ему боли.

В эти годы он возвращается к литературному труду, который практически забросил после выхода в свет «Защиты Генеvры». Горечь

и разочарование чувствуются в его поэме «Любви достаточно», вышедшей в 1871 году. За год до этого он публикует поэму «Земной рай», которую критика и читатели оценили исключительно высоко и которая принесла ему славу одного из лучших поэтов Британии.

Именно к этому времени относится увлечение Морриса Исландией. Мужественный народ, живший в суровых условиях Севера, внушал ему уважение и желание узнать его культуру и литературу. Особенно привлекали его древние саги этой страны. Позднее они оказали значительное влияние на его творчество. В 1871 и 1873 годах он предпринимает довольно продолжительные поездки по этой стране.

Между тем в Кельмскотте, где жили Джейн и Россетти, назревали серьезные события. Манья преследования, которой в последние годы страдал Россетти, привела к ряду скандалов с жите-

лями местечка. Художник обвинял их во враждебном к нему отношении. Порой его поведение тревожило и пугало прислугу и даже Джейн. Все вздохнуло свободнее, когда летом 1874 года Россетти покинул Кельмскотт. Тем не менее, нежные и доверительные отношения между ними сохранялись до самой его смерти в 1882 году. Правда, никогда вместе они уже не жили, однако, вели довольно оживленную переписку.

Моррис продолжает работать с прежней энергией. В 1875 году он выплачивает паи своим компаньонам по фирме и становится единоличным владельцем новообразованной фирмы «Моррис и К°».

Следующее десятилетие становится на редкость продуктивным для Морриса как дизайнера обоев и тканей. Он создает большое количество узоров для обоев и ситцев. Экспериментирует с красками до тех пор, пока не достигает желаемых результатов. Он придумывает рисунки для гобеленов, которые приводили в восторг публику. Большим успехом пользовались его ковры «Хаммерсмит». В самом сердце лондонского Вест-Энда на Оксфорд-стрит открылся салон компании, сразу же

Блюдо

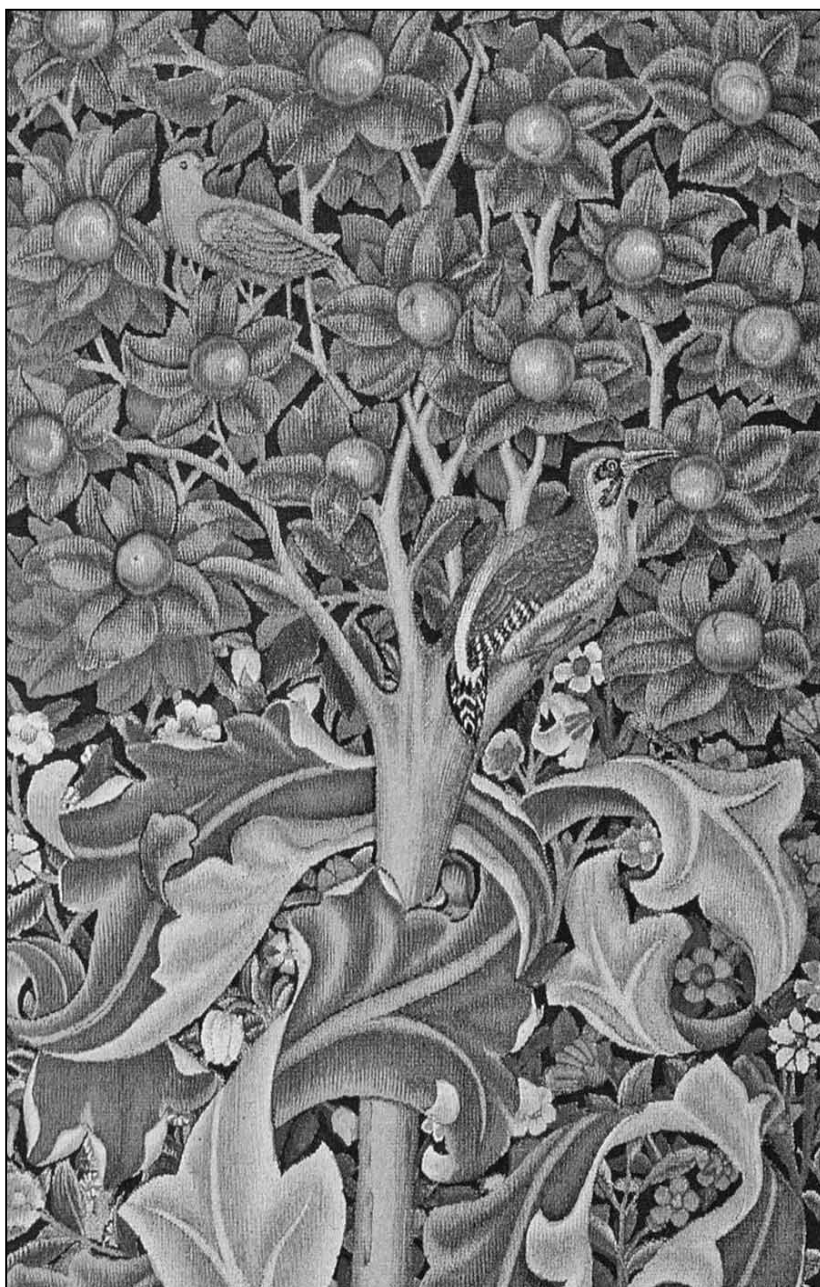
ставший местом паломничества состоятельных горожан. Да и как же могло быть иначе, если в 1881 году Моррис получил заказ на разработку нового интерьера для Тронного и Приемного залов Сент-Джеймского дворца, а также на изготовление специальных обоев для новой шотландской резиденции королевы Бальмораль.

Казалось бы, у Морриса не было причин быть недовольным собой. Тем не менее, это было не так. Уже достаточно давно он ощущал противоречие между своими идеалами и тем, что ему приходилось делать. Когда-то он мечтал возродить простоту и естественность в производстве для людей красивых и полезных предметов, как это, казалось ему, происходило в средние века. Теперь же его фирма работала исключительно на потребу богатых, потакая их стремлению к изысканности и роскоши, а это, по его мнению, было несправедливо. Все это приводило его к мысли о необходимости изменения отношений и в искусстве, и в самом обществе. Философия искусства для искусства, которую он перенял от Россетти, уже не удовлетворяла его. Он все больше стал проникаться идеями социализма. В начале 1883 года Моррис присоединяется к первой британской социалистической организации — Демократической федерации и становится ее активным членом. Он прилежно изучает «Капитал» Карла Маркса. настолько прилежно, что вскоре ему приходится собственноручно изготовить для принадлежавшего ему тому новый переплет. Изучение идей основоположника научного коммунизма давалось поэту-дизайнеру нелегко. Он признавался, что у него «ум за разум заходил, когда он читал чисто экономические главы этого великого труда».

В 1884 году в день годовщины смерти Маркса Моррис принял уча-

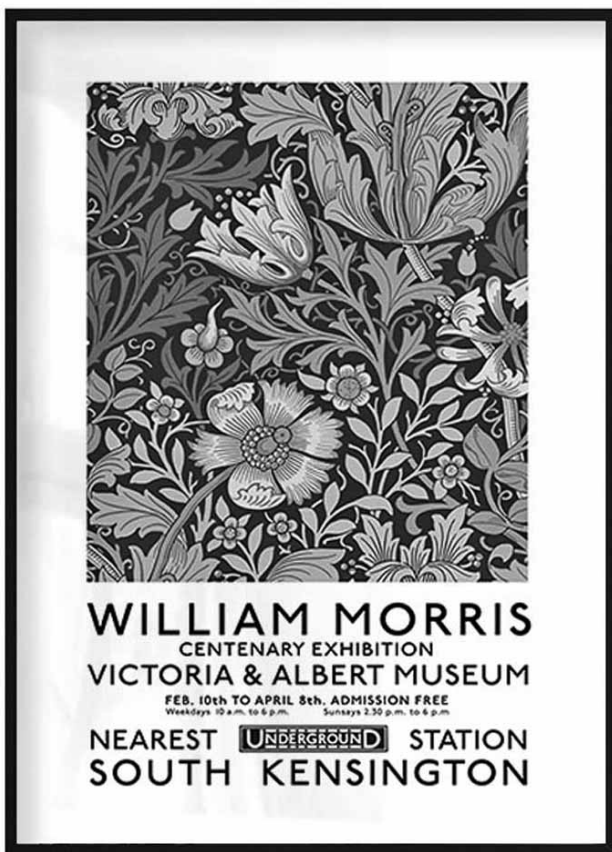
стие в шествии социалистов на Хайгетское кладбище. Правда, к могиле полиция демонстрантов не пустила, и они, собравшись за воротами, с чувством исполнили «Интернационал» и разошлись. Моррис много ездил по стране с лекциями о революции и искусстве, но его весьма путанные выступления, как правило, не увлекали рабочие аудитории. Кстати, соратник Маркса, Фридрих Энгельс не очень лестно отзывался о талантах Морриса, как борца за социализм, называя его «сентиментальным социалистом и бездарным политиком». Дома явно не одобряли его «революционную» деятельность. Джейн никогда не выходила, когда к Уильяму приходили товарищи по партии.

Впрочем, на жизнь и профессиональную деятельность Морриса его увлечение социалистическими идеями особого влияния не оказывало. Он продолжал вести жизнь капиталиста, продолжая

Фрагмент шпалеры «Дятел»

получать прибыль от труда рабочих, занятых на предприятиях его фирмы, как это делали и другие капиталисты, которых он критиковал в своих выступлениях и статьях. Уильям был весьма обеспеченным человеком, имел прекрасное поместье в Кельмскотте, которое обслуживал большой штат прислуги, и дом в Лондоне. Сам он понимал противоречивость своего положения. Одно время он даже подумывал продать фабрику и жить на жалованье управляющего. Была у него также

идея привлечь рабочих к разделу прибылей, организовав кооператив, но он отказался от этих замыслов. В то же время он ничего не предпринимал и для того, чтобы выпустить массовую продукцию высокого качества по низким ценам, так как понимал, что это приведет к неминуемому разорению.

Где художник брал силы в своем уже немолодом возрасте работать в том ритме, к которому привык, остается загадкой. Его безудержная фантазия продолжала рождать изумительные по красоте узоры обоев, гобеленов и ковров. Достаточно сказать, что свой последний орнамент для обоев, получивший название «Комктон», он создал в 1896 году, то есть в год своей смерти.

Еще в 1876 году Моррис основал Общество защиты старинных зданий, в котором активно работал в течение почти двух десятилетий. Члены Общества выступали за разумную научную реставрацию сооружений, позволявшую сохранить их первоначальный облик. Благодаря их усилиям удалось сохранить многие десятки уникальных сооружений.

Как и прежде, он уделял много времени и сил литературному труду, занимался переводами древних классиков. В последние годы жизни он создает несколько романов-сказок, действие которых происходит в неведомых странах в незапамятные времена. Бернارد Шоу назвал их «поразительным образцом погружения в литературный прерафаэлизм». Современные литературоведы считают, что эти произведения предвосхитили появление стиля «фэнтези». Кстати, и автор «Властелина Колец» Джон Толкин и создатель «Хроник Нарнии» Клайв Льюис признавали, что романы-сказки Морриса оказали на них значительное влияние.

Большим успехом у современников пользовалось и другое начинание замечательного мастера (увы, последнее в его жизни). Моррис, всю жизнь восхищавшийся красотой и изяществом средневековых манускриптов и первых печатных книг, решил возродить прежнее искусство их оформления. Его частная типография выпустила более полусотни великолепных томов, над ди-

зайном которых работал он сам. Стоили они очень дорого, но их популярность способствовала повышению качества продукции других книгоиздателей.

Моррис не был одинок, у него были преданные друзья, некоторых он знал еще с юности, однако, в семейной жизни счастья, по-прежнему, не было. Отчуждение, которое годами существовало между ним и Джейн, не становилось меньше. В 1884 году в салоне своей приятельницы графини Карлайл, Джейн познакомилась с поэтом Уилфридом Блантом. Вскоре они стали любовниками. Их отношения продолжались вплоть до смерти Бланта в 1894 году. По мнению друзей Морриса, эта связь не была для него тайной.

К началу девяностых здоровье Морриса стало сдавать. Обострились хронические заболевания. Он постепенно слабел.

Уильям Моррис скончался 4 октября 1896 года и был похоронен в Кельмскотте на кладби-

ще церкви Святого Георгия. Причиной смерти был объявлен туберкулез. Однако старенький семейный доктор поставил свой диагноз: «Болезнь называется просто Уильям Моррис, всю жизнь работавший за десятерых».

Морриса нет уже больше ста двадцати лет. В наши дни мало кто читает его поэмы и романы, приводившие в восторг викторианскую Англию. Более, чем скромным считается сегодня и вклад Морриса в развитие социалистического движения в Британии. Зато слава Уильяма Морриса-дизайнера не только не потускнела, но, напротив, приобрела новый блеск. Для целых поколений он создал новый пространственный идеал жилища, ввел моду на внутреннее убранство домов, вытеснившую все остальные модные тенденции. И эпитафия, которую он заслужил, вполне могла бы звучать так: «Этот человек пытался изменить вкусы своего времени и ему это почти удалось». □

Елена Колчак

УБИЙСТВО В СТИЛЕ ретро

Глава 21

Снилась всякая фигня. Преувеличенно галантный и неправдоподобно нежный майор Ильин гордо демонстрировал мне беседку, увитую вместо плюща розами. Я изо всех сил изображала признательность, переползающую в восторг — чтобы не обидеть, старался ведь человек. Обидеться очень хотелось — сто лет знакомы, мог бы уже и изучить мои вкусы, а если не изучил, значит, не очень-то я его и интересую...

За беседкой прятался испуганный Семочка. Приложив палец к губам, он сдавленно шептал нам с майором: «Тише! Заметит!» — от дома к беседке бежал Фидель Семенович, звонил в крошечный колокольчик — или что там у него было зажато в кулаке? — и кричал: «Вылезай! Это ты стилет спрятал!» Кому кричал — непонятно. Невозмутимый Игорь ходил за Фиделем, каждые пять шагов пытаюсь всучить ему старинный телефонный аппарат, на рогах которого вместо трубки громоздился тот самый кинжал. За телефоном змеился шнур — точь-в-точь, невероятной длины удав. Такой пестренький и извивающийся.

Наконец Игорю процесс преследования, похоже, прискучил, он поставил аппарат прямо в траву, вытащил из кармана солидных размеров жостовский поднос со всякими закусками, бутылками, стаканами, сообщил присутствующим, что его ждут, и удалился вместе с подносом.

Окончание. Начало в №6, 2022 г.

Фидель Семенович, кажется, потерял свой колокольчик, потому что очень тщательно осмотрел всю беседку. Затем улегся на скамеечку и, похоже, задремал. Семочка осторожно высунулся из-за беседки, осмотрелся, решил, что опасность миновала, схватил телефон и начал тыкать в какую-то кнопку возле диска. Без видимых результатов.

Подсознание — странная вещь. Бывает, находясь внутри сна, тем не менее, осознаешь, что это сон, и пытаешься оценить происходящие события по заветам дядюшки Фрейда: мол, к чему бы это все? Вторая половинка тебя в это время продолжает участвовать в этих самых событиях. С вами так не бывает? Со мной — постоянно.

Наблюдая за телефонными экспериментами Семочки, я попутно пыталась понять, почему в моем сне абсолютно отсутствуют лица женского пола.

Тем временем майор Ильин успел превратиться в Сан Саныча, Семочка тут же этим воспользовался и начал требовать, чтобы тот набрал ему номер инженера Гарина, потому что телефон дурацкий и ничего не помнит.

Вместо требуемой помощи Громов сунул Семочке записную книжку, и тот лихорадочно кинулся ее перелистывать. Процесс сопровождался какими-то непонятными звуками. Непонятными до того момента, пока я не увидела, что вместо страниц в книжке — разнообразные изразцы. Нормальные уважающие себя страницы при перелистывании шелестят, эти же явственно постукивали, а еще и довольно звонко.

При третьем или четвертом «перелистывании» до меня, наконец, дошло, что никакой это не сон, а стук происходит где-то поблизости.

Завершился он дверным грохотом, и, приоткрыв глаза, я обнаружила перед собой косматого, по обыкновению, Лорда и более обыкновенного всклокоченную Алису. Хорошо, что я не ее парикмахер. Я не жалею на свои волосы, ибо грех жаловаться, не поскупилась природа-матушка, но... такой шевелюры, как у Алисы, у меня даже в пятнадцать лет не было.

— Я тебе звоню, звоню, думала уже, ты ушла куда-то, и дверь открытой оставляешь, извини, что разбудила, — без пауз выпалила обладательница рекордной гривы. Лорд промолчал.

— Куда звонила?

— Сюда, конечно! Здесь внутренняя сеть по всему участку, ты не знала, что ли?

Лорд, до этого момента контролировавший ситуацию молча и со стороны, решил все-таки поучаствовать, вывалил свой невероятный язык и мгновенно «умыл» меня от подбородка до лба... И ведь помогло!

— Извини, что разбудила, — уже потише повторила Алиса. — Пойдем, искупаемся, а? Мне одной чего-то страшно.

Я потянулась, и в поле зрения мелькнуло мое запястье с часами... Надо же, начало девятого, не такая уж и безумная рань... Придется вставать. И для здоровья полезно... Хотя чего уж ей там страшно среди бела дня... Маргарита Львовна! — рыкнул на меня мой внутренний голос, — как тебе не стыдно! Вспомни, что за день вчера был у этой девочки, она ведь только кажется такой... непотопляемой... а на самом-то деле совсем еще юная и хрупкая, так что вставай немедленно!

Выросши на большой реке — а наша река вне конкуренции, тут и спорить нечего — я до определенного момента считала, что лучше ее нет и быть не может... а потом начала предпочитать «ручейки». Ну, и море, само собой. Очень может быть, что во мне говорит некий комплекс неполноценности. Любая водная поверхность — это в некотором смысле вызов, да? Но море... Единоборство с ним — штука изначально бессмысленная, никто и никогда не переплывал море, значит, можно не дергаться, не чувствуя от того собственной ущербности. Нашу реку я переплывала несколько раз (никакого удовольствия, кроме морального удовлетворения), но каждый раз, подходя к ее берегу, начинаю сомневаться — кто тут главный. Неуютно как-то.

А ручейки типа того, что огибает усадьбу Дворецких, — самое милое дело. Можно десять раз сплавить туда-обратно и не заметить. Главное — не нырять в местах с неизвестным дном, мало ли, за что зацепишься. Подводных ключей и судорог я не боюсь с тех пор, как в десятилетнем возрасте тонула в какой-то крошечной деревенской речушке. Тут главное — не психовать. Если речка узкая, то на одном вдохе можно пешком по дну до берега пройти — что я тогда, в детстве, и проделала. Хотя лучше лечь на спину и спокойно разминать сведенную ногу или тихонько подгрести к берегу, или просто бултыхаться, пока кто-нибудь не подплывет.

Я перемахнула на противоположную сторону, развернулась и обнаружила, что неподвижной речушка была лишь у пляжа. Снесло меня порядочно. Течение тут все-таки было, причем недурное: зацепившись за свисающие с берега ветки, я высунула из воды одну ногу — вокруг завертелись бурунчики.

— Дынька всех обманывает, — сообщила подплывшая следом Алиса.

— Какая дынька? — удивилась я.

— Да не Дынька, а Бынька, — объяснила она. — Речка Быня, а раз маленькая, значит, Бынька. Всех обманывает. Они думают, что она совсем не движется, а тут течение — ого-го! И каждый раз у другого берега. Давай наискосок, а то как раз в заросли врежемся, там вылезать грязно. Справишься?

— А по бревну? — уточнила я. Небольшим бревном заканчивалась тропинка, спускавшаяся в воду прямо напротив нас. И не то чтобы заплыв

«наискосок», в сторону пляжа, казался мне трудным. Вопрос «справишься?» был вполне бессмысленным. Уж тридцать-то метров я как-нибудь... Да и течение не так, чтобы очень... Но все-таки...

— По какому еще бревну? — удивилась Алиса. — Нет там никакого бревна! — и поплыла к берегу, только брызги сверкнули.

Мне не оставалось ничего другого, как последовать за ней. Я, конечно, могу продержаться на воде сколько угодно. Но скоростные заплывы — не мое амплуа. Сосредоточившись только на том, чтобы не отставать, я подняла голову лишь тогда, когда Алиса глухо проговорила:

— Все, приплыли, можешь встать.

Я встала. Вода плескалась у подмышек, ноги норовили расползтись в разные стороны: глинистая тропинка, окруженная кое-где осклизлыми камнями, продолжалась и в воду. Причем на дне камней скопилось явно больше, и скользкой тиной на них — тоже.

Я бросила взгляд на лежавшее бревно и оцепенела. Это оказалось никакое не бревно, а... Никита, лежавший головой в воде и ногами на берегу.

Алиса дотянулась до тела, замерла на минуту и, одним движением выскочив из воды, воскликнула:

— Безнадёжно!.. Как же так? Он ведь каждый камешек на этом берегу знал. Неужели из-за собак так расстроился?

Я думала, она расплачется, но нет, истерики не последовало, вместо этого Алиса резко спросила:

— Здесь останешься или за Громовым пойдешь?

Я и полслова не успела произнести, как она, не дожидаясь ответа, командовала:

— Идешь по этой тропинке, упрешься в сторожку. Телефоны сразу слева, тебе нужен черный, не перепутай. Сан Саныч, наверное, еще у себя в комнате дрыхнет... наберешь ноль-восемь. Если трубку не возьмет, наберешь ноль-три, там Лиля, попросишь найти Громова, пусть сюда подойдет... — На мгновение она задумалась, потом продолжила, говоря уже как бы сама с собой: — Или быстрее до пляжа добежать?.. Нет, я трубку дома оставила.

— Алис, мой телефон на пляже лежит.

— Угу, — угрюмо согласилась она. — А ты громовский номер помнишь?

— Нет, конечно, я его вообще не знаю.

— Вот видишь! И я не помню, он в трубе забит... Даже если Саныч уже встал, наверняка его Лилька завтраком пичкает. Так что давай, дуй в сторожку и звони.

— А ноль-восемь — это что? — робко поинтересовалась я.

— Да внутренняя же сеть, я тебе говорила, эти телефоны везде торчат. Давай, Рит, у меня сил уже нет. Или сиди тут, я сама схожу.

Я предпочла — как вы думаете, что?

Глава 22

Послушно исполнив все инструкции, я после восьмого гудка услышала голос абсолютно не сонного Сан Саныча, конспективно изложила ему ситуацию и вернулась на берег. Ну, может, немного задержалась — минуты на три, надо же было хоть слегка осмотреть сторожку. Ничего «подозрительного» не обнаружилось, никакого беспорядка не наблюдалось. Как принято писать в протоколах, «обстановка не нарушена, видимые следы борьбы отсутствуют»... Хотя откуда мне знать, быть может, нормальной обстановкой в сторожке был как раз полный развал, а порядок наводил... черт, ну кто? Кто же это?

Когда я вернулась на берег, Алиса стояла поодаль, упираясь лбом в какое-то дерево и, как мне, невзирая на мизансцену, показалось, в сочувствии не нуждалась совершенно. Или, быть может, очень даже нуждалась — но не в моем.

Лорд, лежавший в метре от хозяйки, при моем появлении поднялся, подошел и издал неясный горловой звук, что-то среднее между рычанием и скулежом. Обращался ко мне? Мол, сделай что-нибудь, с хозяйкой что-то не то...

— Алиса! Сан Саныч сейчас будет, следственную бригаду он вызвал. — Я слегка погрешила против истины с этим прошедшим временем... с другой стороны, вызов следственной бригады — наверняка первое, что сделал Громов, положив трубку после разговора со мной, так что не так уж я и приврала.

— Черт бы подрал все это!

Честное слово, я была уверена, что Алиса плачет. Такая вот... независимая спина обычно бывает у безутешно рыдающих людей. Угу. Прямо двадцать восемь раз — плачет. Ее глаза не были ни красными, ни припухшими.

Но — что-то было не так. Сначала что-то изменилось после звонка господина адвоката. И теперь — когда мы нашли Никиту. Ее лицо... Дьявольщина, но этого же просто не может быть, она ведь явно намекала на... на... Мне надо собственными глазами увидеть этого... Радкевича.

— Он здесь, похоже, с вечера лежит? — глухо проговорила Алиса.

С вечера? Вылезая на глинистый берег, мне пришлось коснуться тела — его температура не отличалась от температуры воды. Вода довольно

теплая, градусов двадцать, может, и больше... Только я не знаю, с какой скоростью остывает тело в проточной воде — предполагаю, что быстрее, чем на воздухе.

Да, майор Ильин регулярно сокрушается по поводу моей способности влипнуть во всякие ситуации. Тем не менее «лично знакомые» трупы еще не стали для меня привычными — хотелось бы надеяться, что и не станут. Выбивает из колеи, мозги начинают расползаться со страшной скоростью — и все в разных направлениях.

Строго говоря, все выглядело классическим несчастным случаем. Не было никаких оснований подозревать в происшествии чей-то злой умысел.

Складывалось впечатление, что и следственной бригаде происходящее сугубо фиолетово: ну, выпил мужик лишнего, поскользнулся и утонул — какого черта столько людей дергать? Но ведь начальник вызвал — а Громов тут большой начальник — хочешь не хочешь, приходится изображать бурную профессиональную деятельность. Капитан Костя вкратце опросил нас с Алисой, судмедэксперт осматривал тело, криминалист — место происшествия и затем сторожку...

— Да ты сам понюхай! — вспыхнул вдруг капитан Костя. — Эксперты свое скажут, но я и так вижу... Вон в сторонке бутылка валяется, «Метакса», похоже, настоящая, не хухры-мухры, мы попроще употребляем — вся одной и той же ладошкой захватана. Его будут пальчики, и к гадалке не ходи!

— К гадалке — не пойду! — неожиданно разозлился тихий, в общем-то, Сан Саныч. — Что еще нашли?

— Что тут еще можно найти, товарищ подполковник? — Константин, похоже, обиделся и начал демонстрировать соблюдение субординации, но с некоторой ноткой «мы тоже не вчера с пальмы слезли».

Машина Никиты — чистенькая «Нива» невзрачной болотной окраски — приткнулась за сторожкой. Громов, быстренько выяснив, когда Кит «оставил собачек в лечебнице», прикинул, во сколько тот должен был добратся до поместья, и, оставив криминалистов заканчивать работу, отправился опрашивать возможных свидетелей. Как вы думаете, с кого он начал?

Правильно. Примерно в нужное время мы с Алисой отправились прогуляться и, в принципе, вполне могли Никиту — или его машину — заметить. Но — не заметили.

Как выяснилось чуть позже, не мы одни оказались такими ненаблюдательными. Возвращения Никиты не видел никто: ни Лиля, ни Игорь, ни Ольга Федоровна, ни Милочка. Семочка сообщил, что, кажется, видел мелькнувшую «Ниву», но совсем в том не уверен. Семен Михайлович поведал дивную историю о том, как он лично встретил Никиту и долго с ним беседо-

вал, в результате чего «простой рабочий парень» принял судьбоносное решение «завтра же пойти работать на фабрику». Фидель Семенович, видимо, отсыпался после ночной «трудовой вахты» и на стук в дверь не отзывался. Громов махнул на это рукой — дескать, успеется, — из чего я сделала вывод, что Фиделя он не подозревает.

О ночной прогулке Сан Саныч меня не спрашивал. И — что самое интересное — не пытался выяснять, кто же это беседовал на полянке. Знал или считал это неважным? Скорее всего, конечно, знал, потому что ничего себе неважное — тайное свидание в очень неподходящее время. Или, наоборот, подходящее — как вам больше нравится.

Расспросив публику о возвращении Никиты — и ухитрившись при этом умолчать о его смерти, так что народ должен был дружно решить, что Кита в чем-то сильно подозревают, — Сан Саныч потребовал, чтобы каждый отчитался, сколько раз, на какой предмет и когда в последний раз он виделся с господином Гариным. И все это со строжайшим предупреждением: ответы будут тщательно проверяться. Никто, конечно, ничего толкового не сказал, после чего Сан Саныч пообещал «ждать до завтра», а там уже «предпринимать действия». Какие, интересно?

Сообразительная Маргарита Львовна тут же сделала вывод, что на данном этапе Громов в качестве рабочей версии отрабатывает «страх перед разоблачением» — ну, в смысле, тот, кто «продал технологию», сильно боялся, что его выкинут из дома, поэтому и убил... Сначала хозяина, а затем и Никиту, который, видимо, о чем-то догадался.

В этом был смысл, хотя бы потому, что я лично предпочитала классическую версию наследства. Самой очевидной кандидатурой при этом был Семочка — кстати, по-громовски тоже так выходило, а самой привлекательной — из парадоксальных соображений — Ольга Федоровна. Ну, и, конечно, оставалась актуальной моя личная версия — та, с которой я начала сочинять всю эту историю. Кого я себе придумала — не скажу. А не скажу не потому, что идея была дурацкая — идея чень даже ничего (хотя романтики в ней плескалось многовато), просто реальный человек оказался совсем не похож на то, что я там себе надумала.

На вопросы об инженере Гарине народ отвечал довольно однообразно.

Лиля утверждала, что не встречалась с этим господином ни разу в жизни. Игорь полагал, что мог когда-либо его видеть, не зная, кто это такой.

Ольга Федоровна была с Гариным знакома в те времена, когда конкуренция между ним и ее мужем еще не приобрела столь острого характера. Приятельствовала с гаринской женой Светланой — да, кажется, была какая-то история с Максом Радкевичем, вроде бы Светлана за него поначалу замуж собиралась, но это было так давно... Вот уже несколько лет

ни со Светланой, ни тем более с самим Гариным никаких контактов Ольга Федоровна не поддерживала.

Алиса помнила Гарина с тех же времен, несколько раз он появлялся на фабрике, но знакомство было весьма шапочным, да и вообще «вся эта история с промышленным шпионажем полная дурь, никакой это не мотив, только трата времени, а если кто этого не понимает, то мое почтение». Конец цитаты.

Семочка допускал, что с Гариным знаком, и даже соглашался, что мог с ним где-то видеться, но утверждал, что совершенно этого не помнит — да мало ли где и с кем можно столкнуться, а все вокруг убеждены, что это он предатель, а он ни сном ни духом — далее со всеми остановками. На фоне заявления о том, что «она во всем виновата», разглагольствования о полной неинформированности выглядели... странно. Не увязывалось. Либо тогда соврал, либо сейчас.

Милочка вообще не помнила никакого Гарина.

Семен Михайлович заявил, что с капиталистами не знается и знаться не желает, и вообще все они свое получают...

Поскольку технологическая документация не сама прибежала к конкуренту, а участие в этом неблагоприятном путешествии Кита выглядело крайне сомнительным, вполне очевидно, что кто-то, отвечая на вопросы о Гарине, откровенно врал. Но кто?

Напоследок Сан Саныч очень добрым голосом довел до сведения почтеннейшей публики свое тридцать восьмое китайское предупреждение: мол, ежели кто-то вдруг что-нибудь вспомнит и пожелает уточнить свой ответ, так он, Сан Саныч, всегда готов выслушать и даже — если не будет на то крайней необходимости — не станет сильно афишировать полученную информацию.

Мне, выдрессированной килограммами детективной литературы, показалось, что Громов адресовал свою торжественную речь одному-единственному человеку. Вот только я никак не могла понять — кому именно.

Глава 23

Тревогу подняла Марфа. Правда, увлекшись дурацкими вопросами, никто этого поначалу не заметил.

Сразу после выслушивания монотонных «нет, не был, не участвовал, не привлекался» я отправилась прогуляться и буквально через пять минут на скамейке в боковой аллее обнаружила Лилю. Воспитанный человек, разумеется, развернулся бы и пошел в обратную сторону или, в крайнем случае, продефилировал бы мимо с независимым видом — девушка рыдала

так, что чье бы то ни было присутствие было явно лишним. Но то воспитанный человек, а я — грубиянка, хамка и вообще дворовое растение. К тому же у меня через плечо по-прежнему висело купальное полотенце — черт, сколько столетий прошло с того момента, когда мы с Алисой отправились на водные процедуры? Неужели меньше двух часов?

А крошечный носовой платочек явно терпел поражение в борьбе со слезной Ниагарой. Какой платочек, тут простыни не хватит! Увидев, что Лиля собирается вытирать слезы подолом сарафана, я вздохнула, шагнула вперед и протянула ей полотенце. Утешать я, конечно, не стала, это дело глупое и даже вредное, раз уж приперло, человеку надо проплакаться, а если ты рядом случился, твое дело — простыню соответствующего размера найти. Ну, и зеркало, если слезы — женские. Странно, но с потекшей косметикой — ее, впрочем, было немного — Лиля показалась мне куда симпатичнее, нежели с безукоризненным макияжем «идеальной горничной».

Минуты через две-три буря сменилась затихающими всхлипами, сквозь которые едва пробивались невнятные жалобы:

— Он был самый лучший!.. Добрый, сильный, его даже собаки больше всех любили!.. Самый лучший, а теперь всем наплевать!.. Даже Алисе наплевать!.. Как будто его и не было... У каждого свои дела...

Я сидела в полном недоумении. Судя по всему, Лиля оплакивает Никиту, родной брат, все понятно. Но откуда ей известно о его смерти, ведь Громов никому еще ничего не сказал? Случайно? Но как?

Не успела я придумать какую-нибудь приличествующую случаю фразу, Лиля заметила на полотенце следы туши, охнула, всхлипнула последний раз и принялась ликвидировать последствия стихийного буйства. Зеркала у меня в карманах, увы, не было, пришлось несколько раз подсказать, где еще заметны следы...

Приведя лицо в относительный порядок, Лиля, наконец, подняла на меня глаза.

— Извините, Рита, я пойду. Мне надо умыться и идти работать. Полотенце я в стирку брошу, ладно?

Я кивнула. Слова были излишни.

Но — в самом деле — откуда она узнала?

В размышлениях я не заметила, как обогнула дом и чуть не наткнулась на Ромочку. Он, кажется, решил, что именно эта вот дорожка — самое подходящее место для туннеля в Австралию, и усиленно старался реализовать свежую конструкторскую идею. Милочка, изящно откинувшись на спинку чугунной скамьи, с умилением наблюдала за трудами юного строителя. Я обогнула дитя, плюхнулась рядом и попыталась завязать светскую беседу:

— Похоже, сегодня опять будет жара...

— Да, ужасно... — церемонно согласилась Милочка и пожаловалась: — Когда жарко, Ромочка так плохо кушает...

Видимо, следовало выразить свое сочувствие, но мне почему-то не захотелось. Подумалось лишь, что «когда жарко», все плохо «кушают», не только дети и уж наверняка не только Ромочка. Однако осчастливливать собеседницу своим глобальным опытом я не стала, попытавшись продолжить светскую беседу:

— Милочка, а вы с Фиделем Семеновичем давно знакомы?

Н-да... Я и предположить не могла, что столь обыденный вежливый вопрос вызовет такую бурю... Милочка прямо вскипела:

— Да я в жизни с ним не встречалась! Какое вам дело?! Что вы все ко мне пристали?! Ромочка, тебе кушать пора, пойдем, мама тебе вкусненького даст...

И семейство гордо удалилось.

Не судите, да не судимы будете, я знаю. Но так все одновременно... Мысленное сравнение «простой горничной» и «супруги наследника империи» поехало автоматически.

Когда я вернулась в дом, в холле было уже пусто, только Алиса, погруженная в какие-то размышления, сидела на диванчике, уткнувшись в колени.

Я тихонько присела на соседнее кресло. Безмолвие время от времени нарушалось каким-то утробным ворчанием. Я начала осторожно оглядываться — царапины на коленке уже совсем исчезли, но, как в том анекдоте, «осадок остался». Как-то не хотелось заполучить еще одну подобную «татуировку».

— Что это? — Алиса, наконец, тоже услышала странные звуки.

В холле никого кроме нас не было — может, под каким-нибудь диваном? На террасе, насколько мне было видно, тоже царил пустота.

— Это там, — махнула рукой Алиса в сторону коридоров, и мы пошли посмотреть, что же там на самом деле.

Марфа царапала дверь кимовского кабинета и грозно порывивала, прямо как собака.

— Опять дядечка валерьянку разлил или что-то в этом роде, — подытожила Алиса, глядя на кошачьи экзерсисы, и вдруг спросила: — Слушай, а который час?.. — Она достала из кармана телефон, глянула на табло, на дверь... — Черт подери, что происходит в этом доме?!

Ага, я так понимаю, что Фидель Семенович не имеет обыкновения дрыхнуть столь долго — скоро одиннадцать. Но риторический вопрос «что происходит?» прозвучал отнюдь не как междометие, а... по-хозяйски, что

ли? Странно, пока был жив Марлен Семенович, я как-то не замечала, насколько дочь на него похожа...

— Так... Рит, надо найти... А! Нет, не надо...

В конце того коридора, который оканчивался одной из боковых дверей, показался Громов.

— Саныч! — отчаянно воскликнула Алиса.

— Да вот и я подумал, что пора Фиделя побеспокоить, — флегматично заметил Громов. — Представляешь, на кухне вторых ключей нет. Никаких. Игорь и Лиля в недоумении. Пришлось в сторожку бегать. — И он помахал изрядной связкой разнообразных ключей. — Ты хоть знаешь, какой ключ-то? Или у Игоря спросить?

— Смеешься?! — возмутилась Алиса. — Вот этот, — ткнула она в один из ключей.

Громов невозмутимо высвободил его из связки, сунул в скважину...

И в этот момент задрезжал уже знакомый мне «древний» звонок.

Алиса сначала даже не поняла, что трезвонит ее телефон, стала озираться в поисках источника звука и, наконец, схватилась за трубку с абсолютно очумелым видом. Впрочем, я уже успела убедиться, что алисин очумелый вид — штука более чем обманчивая. Контроля ни над собой, ни над ситуацией она не теряет, похоже, при любом «очумении».

— Да... да, я не... я прошу прощения, у нас... — Алиса прикрыла трубку и сообщила, что «он уже в курсе». — Да, наверное... не знаю... — Она снова прикрыла трубку: — Саныч, я смогу ненадолго отлучиться? Никанор Евгеньевич считает, что должен срочно поговорить со мной, готов подъехать... Я вышла бы к машине, а? Не сюда же его приглашать? — Получив разрешающий кивок Громова, она вернулась к телефонному разговору: — Да, я смогу... да... до свиданья... Что? Я постараюсь, — растерянно добавила она, нажала отбой и, перед тем как захлопнуть телефон, несколько секунд тарасилась на него так, словно этот аппарат расцвел вдруг орхидеями или, наоборот, зарычал львом.

— Саныч... он просил меня быть поосторожнее.

— И что тебя удивляет? — фыркнул Громов. — Очень разумно. Ты хоть приблизительно представляешь себе стоимость фабрики и всего остального?

— Ну, фабрики... — Алиса на секунду задумалась. — Бюджет, прибыль... а общую стоимость... Нет, наверное, не представляю, никогда не задавалась таким вопросом. — Растерянность исчезла из ее голоса очень быстро, и мне показалось, что Алиса «превратилась» в своего отца.

— Ну... — передразнил ее Сан Саныч. — Думаю, Никанор Евгеньевич тебе мозги немного прочистит. Осознай уже: нефти у нас тут нет, алмазов

тоже, однако вы, тем не менее, вполне богатые люди. И не только по российским меркам. Уяснила?

— Уяснила, — кивнула Алиса. — Ты полагаешь, дело в этом?

— Я, лапушка моя, пока ничего не полагаю. Однако до машины тебя провожу и там подожду, пока вы беседовать будете. Причем так, чтобы Никанор меня увидел.

— Ты с ума сошел! Никанор Евгеньевич? Да...

— Я, лапушка, — перебил ее Громов, — с ума не сошел и про Никанора ничего плохого сказать не хочу. Но и рисковать не буду, ясно? Ты побеседуешь и мне расскажешь, а то я что-то в этих наследствах не очень понимаю. Договорились?

После краткой паузы Алиса кивнула. Спокойно так, безо всяких эмоций, кивнула — и все тут.

Да, происходило что-то весьма интересное, но я все-таки кашлянула. По-моему, Сан Саныч, увлекшись «вновь открывшимися обстоятельствами», кажется, напрочь забыл про ключ, что продолжал торчать в замке.

Глава 24

Кабинет Фиделя Семеновича представлял собою гибрид рубки космического корабля из какого-то фантастического голливудского блокбастера и алхимической лаборатории из исторического голливудского же блокбастера. Хром и стекло, как и положено, высокомерно сверкали, старое дерево, медь и бог знает что еще, как и положено, загадочно мерцали. Пахло не столь интенсивно, как от знаменитого бальзама, но тоже... пахло. Почти погасший очаг из каких-то серых глыб — язык не поворачивается назвать это сооружение безличным словом «камин» — в другой ситуации наверняка произвел бы на меня абсолютно неизгладимое впечатление. Но в данный момент куда большее впечатление производила явно незапланированная деталь: головой к очагу, почти вплотную к нему, лежало тело хозяина кабинета. Камень под головой из серого стал почти черным — как будто уже сумерки, и от головы легла густая тень. Только за окном сияло яркое солнце, да и тень должна была бы лечь с другой стороны...

Сан Саныч присвистнул, шагнул в комнату, присел, дотянулся до ноги лежавшего, еще раз присвистнул — вот почему у сыщиков денег нет! — и мы с Алисой опомниться не успели, как нас выпихнули наружу, а ключ повернулся в замке.

Марфа, прекратившая царапать дверь, едва мы к ней подошли, теперь сидела возле нее с умным видом и «контролировала ситуацию». Когда Гро-

мов вновь закрыл кабинет, она потянулась, высокомерно оглядела всех троих и удалилась, вероятно, считая свою миссию исполненной.

Усадив нас на диванчик и плюхнувшись в кресло напротив, Сан Саныч сообщил:

— Уже холодный, — и с явным отвращением констатировал. — Могу заранее сказать, что решат эксперты: оступись, упал, ударился виском, в общем, явный несчастный случай.

— Что, еще один? — возмутилась Алиса. — Вот наглый, зараза!

— Кто? — хором спросили мы с Сан Санычем.

— Откуда я знаю — кто! Но два несчастных случая за ночь — это чересчур. Убью гада! — Помолчав, она задумчиво добавила: — Интересно, откуда Никанор Евгеньевич успел узнать о смерти Кита?

— Вот ты у него сама сейчас и спросишь, — кивнул Громов. — Пошли, он, наверное, уже подъехал.

Проводив Алису к воротам, Сан Саныч поприветствовал господина адвоката и попросил «не отпускать девушку без присмотра, а то тут у нас, знаете ли... проблемы». Господин адвокат понимающе кивнул, шмыгнув носом и сообщил, что, побеседовав, лично сопроводит ее в дом. Интересно...

И машинка у господина адвоката... м-м... ничего себе. Третий раз в жизни вижу настоящий — в смысле, не на картинке — «Бьюик». Лапочка, слов нет! Маленький, пузатенький, но не такой мультипликационный, как «фольксваген-жук», ничего слишком, весь консервативный до предела, даже старомодный отчасти... да, ничего себе игрушечка.

Громов в ответ на обещание «доставить в целости и сохранности» хмыкнул и, подхватив меня под руку, отправился восвояси. «Восвояси» оказались в сторожке, где криминалисты уже закончили свои дела и, разумеется, страшно обрадовались известию о том, что в доме их ждет еще работа. Сан Саныч, однако, попросил их «радоваться» потише и проводил экспертов в дом так, чтобы домочадцы ничего не заметили.

Вот еще, тайны мадридского двора!

Кстати, а чего это я за Громовым как пришитая таскаюсь? И он вроде не возражает. Сан Саныч снова двинулся опять к воротам, я за ним — и ничего, терпит.

До ворот мы, впрочем, не дошли, Алиса с Никанором Евгеньевичем шествовали нам навстречу. Молча. Так и хочется сказать «медленно и печально». Во всяком случае, ничего похожего на радость их лица не выражали. Возле нас пара остановилась.

— Саныч! Я ему сказала и про Фиделя тоже. — Голос у Алисы был виноватым, а глаза нет. — Оказывается, мамуля потребовала срочно предста-

вить ей все документы по собственности, и... в общем, Никанору Евгеньевичу придется с нами еще раз поговорить. Но ты не думай, он брэнчать не будет... А поговорить действительно надо, обстоятельства совсем не такие, как... ну, как все думали. И... может, ты вместе со всеми послушаешь, а? Чтобы еще раз не пересказывать.

Громов внимательно посмотрел на Алису, на господина адвоката и согласился.

Семью собрали в холле, отсутствие Фиделя Семеновича никого не заинтересовало.

Никанор Евгеньевич поддержнул свой супер-галстучек и сообщил, что у него есть для собравшихся важная информация. Он, собственно, собирался довести ее до общего сведения несколько позже, но, раз члены семьи торопятся, придется это сделать сейчас.

В двух словах — отсутствием завещания дело не исчерпывалось.

Я ничего не понимаю в финансовых потоках, акционировании, паях и прочей бизнес-азбуке, но перевести эту китайскую грамоту на более-менее доступный язык способна. Сказать, что сообщение господина адвоката меня оглушило — это будет очень мягко. Очень.

Фабрика, со всем, что к ней прилагается, находится в собственности некоего фонда «Двор». Дом — личная собственность Ольги Федоровны. Наследственная масса — «все остальное».

— ... городская квартира, вторая — в собственности Алисы, две машины, оружейная коллекция — та, что в кабинете, расходный семейный счет...

— Да там и десяти тысяч не будет! — не выдержала Ольга Федоровна.

— Счет пополняется ежеквартально упомянутым фондом. Собственно, такая практика имела место быть на протяжении последних трех с половиной лет. — Невозможность Никанора Евгеньевича могла соперничать с хорошим айсбергом. А семейный корабль явно превращался в «Титаник».

Дальше стало еще веселее. Размер субсидий, ежеквартально перечисляемых из фонда на семейный счет, определялся единственно управляющим этого самого фонда... управляющим, согласно уставу, является учредитель — Марлен Семенович Дворецкий... При желании или в случае смерти учредителя должность управляющего переходит к соучредителю...

Да, все окончательно запуталось. Выходит, Никанор Евгеньевич получил самую большую выгоду от смерти Марлена Семеновича. Хотя... представить, как эта «жертва простуды» продирается сквозь боярышник и лезет в окно... через сутки топит Никиту и разбивает голову Фиделю... моей фантазии на это не хватает.

Или «самый большой мотив» — штука относительная? Знаменитое соотношение «цена-качество», то есть, вероятная опасность и возможный результат. Конечно, деньги лишними не бывают, но зачем так безумно рисковать, ускоряя события, если можно тихо, спокойно дождаться получения обещанного?

Да уж, ситуация. Сообщение о фонде «Двор», читай — а вас, господа, тут не стояло — явилось для всех Дворецких полной неожиданностью. Немая сцена длилась с минуту. Алиса сосредоточенно наблюдала за реакцией почтенной публики. Ну, ей проще, она заранее знала, что будет сказано. Семочка, прямо по-гоголевски, разинул рот, точно говоря «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» Ольга Федоровна вмиг посерела и постарела, превратившись из моложавой холеной императрицы в обычную, весьма пожилую женщину. Милочка на протяжении всей адвокатской речи исподтишка осматривала холл, словно отыскивая что-то очень важное. После четвертого или десятого «осмотра», видимо, отчаявшись обнаружить искомое, она уткнулась взглядом в ковер и застыла в напряженном не то размышлении, не то ожидании. Дедуля на сообщение не отреагировал вообще: ну, привели, ну, посадили, ну, послушаем... по-моему, до него попросту ничего не дошло.

Первой нарушила общее безмолвие Ольга Федоровна:

— Если я правильно понимаю, этот дом принадлежит мне? Вы, похоже, уже исполнили свою обязанность. — Если вы думаете, что она при этом прожигала Никанора Евгеньевича взглядом, так ничего подобного, она на него даже не смотрела, разглядывала перстень у себя на пальце. — Мне кажется, что ваше дальнейшее присутствие здесь излишне.

Ничего не скажешь, удар она держать умеет. Из самодержавной вдовствующей императрицы в мгновение ока превратиться в... приживалку, иждивенку? Короче говоря, в особу, чье существование зависит от... милости... И тут же плюнуть в лицо — а как это еще назвать? — тому, из чьих рук тебе придется эту «милость» принимать... Серьезная дама, ничего не скажешь...

Но адвокат даже и не подумал смутиться:

— Ну, есть еще некоторые детали, мы их сможем обсудить в рабочем порядке, ничего особенно срочного, — любезно сообщил он, высморкался и откланялся.

Глава 25

— Семочка, мальчик мой, проводи меня наверх, — попросила Ольга Федоровна.

Семочка, удивительное дело, даже не изрек обычного «я же просил называть меня Сэмом».

Куда смотрит Громов? По усадьбе шатается убийца, а он так спокойно оставляет народ без присмотра. Честное слово, на его месте я приставила бы к каждому по полицейскому. Во избежание. А то уйдут сейчас, а потом раз — еще один несчастный случай. Мы ведь не знаем — кто все это творит. Может, и Семочка...

«Потенциальный убийца», между тем, повел Ольгу Федоровну к лестнице.

Припомнив планировку второго этажа, я тихонько шмыгнула к противоположной лестнице. Хозяйские апартаменты и гостевое крыло существовали абсолютно раздельно, между ними не было даже коридора. Но! Полдома опоясывала галерея! Та самая, с дырками для деревьев в полу. Значит, есть шанс незаметно подобраться к окнам Ольги Федоровны... Да знаю я, что подслушивать нехорошо! А что делать?

Оказавшись в своей комнате, я после недолгого раздумья сбросила тенниски и осталась босиком. Так, джинсы и футболка... нормально! Вспомнился Коллинз с его «Женщиной в белом». Там подруга беспомощной и, на мой взгляд, абсолютно никчемной главной героини, очень такая энергичная брюнетка... решила вылезти на подобную же галерею для аналогичных целей — а еще говорят, что в XIX веке девушек строго воспитывали! Так же подслушивали и подглядывали! Но как ей, бедной, было трудно, переодевалась с какими-то безумными сложностями, юбки-то были широченные... Да здравствует стиль унисекс! И давай уже быстрее! — рыкнул внутренний голос. Увлелась, понимаешь, литературными ассоциациями, довольно! Займись делом!

Плюсы по сравнению с позапрошлым веком все-таки есть. Джинсы и футболка — одежда универсальная. Кто сказал, что я подслушиваю? Я так, прогулять вышла. Может, мне нравится гулять по верхотуре...

Так что, пробираясь к нужным окнам, особых предосторожностей я не предпринимала — гуляю, и все. Ну, постаралась, конечно, двигаться как можно тише, дабы лишнего внимания не привлекать.

Уже вывалившись на галерею, я вспомнила, что понятия не имею, где, собственно, располагаются апартаменты хозяйки дома.

А! Двинусь вперед, там видно будет. В смысле, слышно. Ну, то есть, по звукам ориентируюсь. А если тихо, так мне там делать нечего.

План мой, как и все идиотские планы, тоже оказался удачным. Обогнув уже знакомые вишню и боярышник, я осторожно двинулась к следующему растительному объекту. «Объект» оказался чем-то зеленым и пушистым, вроде можжевельника. Приблизившись, я поняла, что нужные окна — как раз за ним. Логично — почти над кабинетом хозяина дома.

— ...не хочу ничего слушать ни о каких ночных прогулках! Сейчас главное — деньги... Может, договориться с ними, объяснить, что ситуация изменилась, заплатить сначала часть?.. — В голосе Ольги Федоровны странным образом смешивались суровость и подобострастие.

— Ты с ума сошла! Договориться! Они меня придушат как котенка!

Н-да, тут уж никаких смесей. Агрессивное «дай» в чистом виде. С той же самой интонацией самый младший Дворецкий требует очередной объект вожделений. Ну, он-то маленький, а Семочка...

— Глупости! — отрезала хозяйка. — Если они тебя придушат, то вообще ничего не получат. Не абсолютные же они идиоты... — Невзирая на паническую любовь к сыночку, Ольга Федоровна, похоже, не теряла ни здравого смысла, ни даже присутствия духа.

— Ну, избыют до полусмерти, — захныкал ее собеседник.

— Мальчик мой, не надо так расстраиваться, мама что-нибудь придумает...

— Поговори с Никанором, извинись...

— Безнадежно! — не обращая внимания на хамский совет, констатировала Ольга Федоровна. — У Никанора зимой снега не выпросишь. Это он только с виду такой... недотыкомка... — Она замолчала, и до меня донеслись какие-то слабые звуки, не то хруст, не то треск, не то стук, вроде бы что-то открывали и пересыпали. — Да, за это много не выручишь, тем более срочно...

— А я когда еще тебе говорил: у всех матери в бриллиантах, а ты...

— «Крайслер» продать?..

— Ага! И, как бомжу, на «пассате» ездить? Продай «пежо».

После длительной паузы — кажется, на «пежо» ездила сама Ольга Федоровна — я услышала:

— А потом?

— Да ну, откуда я знаю! — возмутился почтительный сын. — Рассчитай дармоедов, сколько им платят? Выгони всю семейку, особенно эту!..

После очередной паузы еле слышно прошелестело:

— Да, пожалуй, придется... Ах, как это все не вовремя! Ладно. Иди, найди мне Игоря.

Услышав стук двери, я отступила на заранее подготовленные позиции возле боярышника и присела на приступочек.

Значит, возлюбленному сыночку срочно нужны деньги. И немаленькие. Какие такие веники он на них приобретал? Шантаж? Чушь! Все, чем это «сокровище» можно было шантажировать, умерло вместе с папой. Да и не похоже. Явно речь шла о долге. За что? Наркотики? Да разрази меня гром, из Семочки такой же наркоман, как из киселя шайба, я не вчера с пальмы

слезла. Игра? А вот это уже теплее, может быть. Задолжал мальчик и, чем черт не шутит, теперь мечется... Вот только что за фраза насчет «ночных прогулок»? Не та ли это «ночная прогулка», которую наблюдал Сан Саныч? Если да, откуда у Ольги Федоровны столь необъяснимая осведомленность? Она вроде бы в это время уже третий сон видела...

Или нет? Дедуля-то утверждает, что она «по всему дому шлялась». Конечно, клинический алкоголик (к тому же враждебно настроенный) — сомнительный источник информации, и все, что говорит «пламенный революционер», надо бы делить на восемьдесят. Но ведь может быть, что именно в данном случае он сказал правду? Увы, может.

Однако пора Семочке уже и вернуться, надо двигаться назад.

Конечно, я опоздала. Беседа уже возобновилась. Но... голос не Ольги Федоровны, не Семочки и даже не Игоря. Ох, что-то мне этот голос напоминает. Опасное что-то...

— Нехорошо, Ольга Федоровна! — укоризненно говорил голос. — Я ведь предупреждал, что проверю.

Мне показалось, что в комнату еще кто-то вошел, послышалось что-то вроде стука двери. Я позавидовала дамочкам, которые постоянно готовы к тому, чтобы «попудрить носик». В пудреницах обычно бывает зеркальце. Балда ты, Маргарита Львовна, зеркальце у тебя в сумке есть, могла бы и сообразить, что понадобится. Вдвойне балда! — вякнул внутренний голос. Но негромко, а так, по-доброму...

Действительно... Свет яркий, стекла чистые. Если чуть-чуть, очень аккуратно, выглянуть из-за этого можжевельника, очень может быть, что в противоположной створке окна я что-нибудь и увижу...

Проделав некоторое количество осторожных телодвижений, я действительно сумела разглядеть эту самую створку и отражавшегося в ней... Сан Саныча. Ужас!

По всем законам жанра мне полагалось в этот момент от неожиданности рухнуть... ну, куда-нибудь. Произвести при этом невероятный шум — к примеру, сломать эту чертову «елку» — и катастрофически нарушить неизвестные мне планы родной полиции. Но... как ни странно, у меня крайне редко возникают проблемы с сохранением вертикального положения. То есть на ногах держусь без особого труда. Так что падать мне ни в голову, ни в коленки не пришло. Хотя испугалась сильно. Стоявшие прямо за Громовым — ну, точно, я же слышала, как кто-то вошел! — Семочка с Игорем меня точно не видели. А вот сам он приподнял бровь и недовольно поджал уголок рта. Однако ничего такого не сказал. Может, все-таки не заметил? Ага, а что тогда означает эта странная мимика?

И что? Накрыться простыней и медленно ползти в свою комнату? Ну уж, дудки! Ежели господину Громову мое несанкционированное присут-

ствие мешает, пусть как-нибудь это продемонстрирует. А так — фигушки! Я, может, тут приклеилась...

— Я же просил честно рассказать о контактах с господином Гариным, а вы... Ничего не знаю, а сами звонили ему совсем недавно. И даже в Воскресенск ездили... Что интересно, вместе с сыном...

— Это кто вам сказал?! — завопил Семочка. — Кит? Лилька? Они все врут! Этот? Да он сам!..

— Семочка, твою версию о симуляции растяжения мы уже слышали, — равнодушно сообщил Громов. — Неубедительно. Поверь, я таких травм в жизни не меньше тебя навиделся. Это нельзя симулировать.

— Значит, сначала убил, потом специально на лестнице свалился, алиби себе обеспечивал!

— Семочка, остынь! Около двенадцати Марлену кто-то звонил, и что характерно, телефон прозвенел всего дважды, то есть, он снял трубку. Игорь к этому моменту был уже... нетранспортабелен.

— Да, это я звонил! И трубку бросил, потому что испугался!

— Так-так-так, — заинтересовался Сан Саныч. — С этого места, пожалуйста, поподробнее. Ты утверждаешь, что около полуночи Марлену звонил ты. И откуда же?

— Так из флигеля, а что?

До меня вдруг дошло, почему АТС не зафиксировала вызов — звонок-то был по внутренней сети. Думаю, до Сан Саныча это дошло еще быстрее.

— Зачем звонил?

— Поговорить хотел! — буркнул Семочка.

— Денег попросить, да? У тебя, кажется, долги в казино на семнадцать с лишним тысяч...

Нет, ну как это? Я, можно сказать, надрываюсь, наступаю на собственную совесть, подслушиваю, а полиция и без того уже все выяснила? Безобразия!

— Как семнадцать?! — воскликнула Ольга Федоровна. — Мне ты сказал — «сорок три»...

— Очень мило, — согласился Громов. — Но это, в конце концов, частности. Значит, позвонил и...

— И трубку бросил. Ну, испугался, как я ему скажу? Тем более...

— Тем более — по телефону. Решил, что лично надежнее, авось, разжалобишь, да?

— Ничего я не решил! — огрызнулся Семочка.

— Понятно... Ты просто захотел погулять под дождиком и попутно пожелать папе спокойной ночи... А тут некстати кинжальчик под руку подвернулся...

Да, похоже, Семочка, гулявший ночью под дождем, Громову не привиделся. Нет бы, упереться — нигде не был, ничего не видел, не знаю. А он сразу «купился»... Ну, не балбес ли?

— Не убивал я его, вы с ума сошли!

— Он не виноват! — Судя по звуку, Милочка снесла дверь напроць. — Я видела, я... я там рядом была.

— Какие новости! И что же вы, радость моя, видели?

— Он даже к окну не подходил!

— Превосходно! — констатировал Громов. — А что же вы там сами делали? Тоже хотели со свекром побеседовать?

— Нет! — завопила Милочка. — Я... я гуляла.

— Какая у вас тут интересная жизнь... Нет, чтобы спать по ночам, они под проливным дождем гуляют. Удивительные люди! А вот у меня складывается впечатление, что тем вечером все с Марленом хотели переговорить. Ольга Федоровна, а вы? Не хотели? Денег для сыночка попросить?

— Не понимаю, почему в моем собственном доме я должна терпеть эти оскорбления! Вас всегда здесь принимали как родного, а теперь? Это переходит всякие границы! — Ольга Федоровна немного помолчала и продолжила еще более ледяным тоном: — Мне придется сейчас же позвонить Петру Владимировичу. Или вам нужны указания сразу от министра внутренних дел?

— Министр? Какой министр? — «испугался» Сан Саныч. — Нам министр не нужен. Начальника областного УВД вполне достаточно... — Он изобразил поистине мхатовскую паузу и продолжил: — Вот только захочет ли Петр Владимирович давать какие-то указания?.. Что-то мне кажется, что не захочет. Вы не учитываете, что ситуация изменилась. Неделю назад, Ольга Федоровна, вы были фактически первой леди Усолья. Но ведь это благодаря влиянию Марлена и финансов. Но Марлена уже нет, да и ваше материальное положение уже не то... Оно, конечно, неплохое, но не для первых ролей. Если хотите, попробуйте позвонить, но, боюсь, поговорить с Петром Владимировичем вам вряд ли удастся... Так что не советую, только расстроитесь, а зачем? Ах, да! — Сан Саныч хмыкнул. — Есть шанс восстановить статус-кво. Вы можете еще выйти замуж... за Никанора Евгеньевича... Он ведь когда-то за вами ухаживал? Может быть, еще вспомнит?..

Черт подери, я и не подозревала, что в Громове столько злорадства. Или это не злорадство? Может быть, он Ольгу Федоровну подозревает? И что это за реплика насчет Воскресенска?

— Вы!.. Вы... — Мне показалось, что Ольга Федоровна сейчас задохнется.

— Ну, я, — абсолютно спокойно, даже лениво ответил Сан Саныч. — Между прочим, возглавляю местную «уголовку», и у меня на руках сейчас именно ваше дело. Дело не только неприятное, но и отчасти личное. Вы еще не забыли, что мы с Марленом были друзьями? Так что же вам, Ольга Федоровна, от господина Гарина понадобилось? Да так, что телефонной беседы не хватило, пришлось в Воскресенск мчаться?

Ну, Саныч, ну, мастер! С той же ленивой интонацией, без малейшей паузы — вопрос прозвучал абсолютно неожиданно даже для меня, превратившейся в одно большое ухо. А уж Ольгу Федоровну, должно быть, как мешком шарахнуло. Говорят, лучший метод — усыпить бдительность собеседника рассуждениями о всяких там абстракциях и неожиданно спросить «о нужном».

Метод подействовал. Даже чересчур. Ольга Федоровна молчала.

— А Семочка вам зачем понадобился? Только не надо мне «ля-ля» про автомобиль, вы и сами отлично водите...

— Я одна ездила! — огрызнулась Ольга Федоровна. — И не к Гарину, а к его жене!

— Понятненько. Ну, вот видите, какое у нас взаимопонимание началось. Мы его попозже разоведем, с глазу на глаз... Можете все пока обдумать, я ведь очень добрый... — Громов явственно зевнул, демонстрируя, как ему все это надоело. — Ну, теперь с вами, господа. Алиби у вас, мои хорошие,дохлое... То есть,дохлые. Мало того, что свидетельства мужа или жены — это вообще не алиби, так каждый из вас к тому же не может поручиться за другого на протяжении всего нужного промежутка времени... Однако в некотором смысле вас спасают собаки. Во-первых, вам не было надобности их усыплять, но главное — вряд ли вы ловили псов на территории. Ночью, под проливным дождем... Очень сомнительно. А к реке, к их обычному маршруту, никто из вас не ходил, значит, отравить их вы просто физически не могли. Ну, о ваших прогулках мы чуть позже поговорим. Хорошо хоть с полуночным звонком все прояснилось. В общем, сомнительно, что Марлена убил кто-то из вас, но времени и у тебя, и у Милочки было достаточно...

— Да я вам говорю, что это он! — не выдержал Семочка. Передвигаться он не мог, тоже мне, алиби! Что-то его нога на удивление вовремя подвернулась. И хромать как-то быстро перестал... Где он был, когда мама ему звонила? Когда я за ним пришел, он уже на кухне был. А перед этим?

— Мусор выносил, — не дожидаясь громовского вопроса, сообщил Игорь.

— Семочка! — почти простонал Громов. — Ты мне надоел. Как раз в это время Марлен звонил в питомник. Даже если бы Игорь убил его сразу по-

сле звонка, вылезти в окно, пойти до кухни и еще осмотреть себя, нет ли следов крови, он бы просто физически не успел. Даже супермен не успел бы, уверяю тебя. Так что пойдете-ка, господа, побеседуем. Ольга Федорова, я попозже вернусь...

Глава 26

— Лиля, расскажи-ка поподробнее — что у тебя было с Марленом?

На этот раз я подслушивала с террасы — Громов беседовал с Лилей в холле, почти вплотную к стеклянным дверям. И — ставлю пять к одному — он устроился там специально.

После галерейной эскапады я «случайно» столкнулась с ним в коридоре, перебросилась двумя-тремя словами... ну, жива осталась, если вас именно это интересует. Более того. Он, кажется, на мою самостоятельность рассердился не так чтобы сильно, больше по обязанности. А уж когда я рассказала ему про две «странные» встречи — одна с рыдающей Лилей, другая с абсолютно неприступной Милочкой, — Сан Саныч и вовсе смягчился. Правда, выводы из моего рассказа он сделал довольно неожиданные. Можете судить по вопросу, с которым он приступил к Лиле. Я-то, сверхсообразительная, решила, что она откуда-то успела узнать о смерти брата. А Громов сразу догадался, что лилины слезы льются над гробом совсем другого персонажа. Проще надо быть, проще. Вот прямо так, в лоб — «что у тебя было с Марленом»?

Высокоморальная, ну, или, по меньшей мере, сверхтактичная я была почти уверена, что Лиля Громова с этим вопросиком пошлет куда-нибудь подальше. В крайнем случае, неувовимо уклонится от ответа. Но нет!

— Что-что! Сам знаешь, чего спрашивать? Ничего не было! Он — хозяин, я — горничная...

Надо же, ничего я в женской психологии не понимаю!

— Лиля, Лиля! Нехорошо так говорить. Я Марлена знаю сто лет, стиль «барин и прислуга» — совсем не его стиль...

Да, и в мужской тоже. Стиль, понимаешь...

— Ладно, можешь не уточнять, — успокаивающе прожурчал Сан Саныч. — Дела ваши, не мои. Я хочу его убийцу найти. Ты — со мной?

Судя по звукам, Лиля опять зашла в рыданиях, Громов же отечески похлопывал ее по спине и журчал «ну-ну». Я вдруг испугалась. Не мог он, что ли, другого места для беседы найти, их ведь каждый подслушать может... Стоп, Маргарита Львовна, остынь! — одернул меня внутренний голос. Я прислушалась и поняла, что он прав: Саныч с Лилей сидят почти на террасе, между ними и коридором, по которому любой может прибли-

зиться — весь холл, а он довольно-таки большой. С моей же стороны и вовсе никто не подберется, о чем Громов не просто догадывается, а знает наверняка. Так что он очень даже умный — вон какое место выбрал, — а вот я...

Ну и замечательно! На галерее меня еще время от времени пыталась покусывать какая-то там совесть — ну, правда, нехорошо ведь подслушивать. Зато теперь... Мне, во-первых, почти позволили, во-вторых, весьма вероятно, настропалили на этот угол специально, типа для охраны... Вот и ладушки, буду «охранять».

— Лиль, а кто знает, что...

Честное слово, виртуоз! Логичнее было бы — «знал», Дворецкого-то уже нет. Но все остальные пока живы — точнее, должны быть живы в представлении всех, кроме убийцы. Если задать вопрос «кто знал», Лиля и отвечать станет в прошедшем времени. А если у нее сейчас вырвется это самое прошедшее, значит, ей самой что-то известно.

Не вырвалось.

— Алиса знает, Марлен от нее и не таился никогда... Ну, то есть... — Лиля на мгновение замаялась. — Специально, конечно, ничего не докладывал, но и не скрывал. Ольга Федоровна, кажется, догадывалась. Она сначала нормально ко мне относилась, а потом...

— А потом стала относиться плохо, да? — подхватил догадливый Громов.

— Ну, не то, чтобы плохо. Уволить хотела. Я слышала, как она Марлену Семеновичу говорила про другую горничную, вроде бы я не справляюсь. А у меня по работе никогда замечаний не было!

— А он?

— А он говорит, ну, возьми еще одну, в чем проблема?

— И давно это было?

— Давно. Месяца два назад или три.

— Понятно. Кто еще?

— Ну, Кит, конечно, знает, он меня прикрывал несколько раз... Вроде все.

— А Игорь?

— Да что ты! Он бы меня просто убил! — прошептала Лиля так тихо, что я ее едва расслышала.

— Семочка?

— Нет, вряд ли... А! Это ты потому, что он меня тогда обозвал? Нет, по моему, он просто что-то себе такое придумал, вот и вопит.

— Зачем?

— Ну... Он как-то пытался... ну... вроде бы...

— Приставал, что ли? — рубанул прямолинейный Громов, видать, утомленный всеми этими «ну» и «вроде». Отчасти помогло.

— Ну... в общем, да, — неохотно призналась Лиля.

— И, видимо, безуспешно, так?.. Понятно. Семочка обиделся, что его чувства остались без ответа...

— Да не было там никаких чувств! Он... ну, вроде бы как одолжение делал...

Кто там говорит о тонкости чувств у «высших классов» и грубости их же у «простонародья»? Хотя, какие уж тут у нас «высшие классы»...

— Понятно. А ты, значит, не оценила оказанной тебе чести...

— Ты что, Саныч, какая честь?! — В голосе Лили не было ни грамма возмущения — только искреннее, ничем не замутненное удивление. Ну и капелька презрения, пожалуй...

— Не сердись. Кто только что про хозяина и горничную канючил? Значит, Семочка обиделся на то, что ему посмели отказать, так? А Ольга Федоровна заподозрила, что супруг нашел утешение прямо в доме, и тоже... разгневалась. Н-да... К делу все это явно не относится. Лиля! Кто его убил?

— Я... я не знаю... я думала... — промямлила Лиля и замолчала.

— Что?! — всполошился Громов. — Да говори же!

— Нет! — отрезала она. — Этого не может быть!

— Ну и ладно, — поразительно легко пошел на попятный Сан Саныч. — Лиль, ты убиралась в кабинете, значит, обстановку знаешь лучше всех. Еще раз подумай, ничего необычного там не заметила?

— Ты уже спрашивал, — устало отозвалась Лиля.

— Может, вспомнила что?

— Я говорила уже: клавиатура компьютерная влево сдвинута, а телефон вправо.

Как ни бился Сан Саныч, больше он из Лили ничего не вытянул. Даже по поводу звонка и поездки Ольги Федоровны в Воскресенск — ноль. Ну, да, ездила куда-то, но «надо Кита спросить, он все окрестные расстояния знает, сразу скажет, куда машина ходила»...

Спросить Кита по понятным причинам было затруднительно.

Глава 27

— Сан Саныч, а чего ты до Ольги Федоровны так докопался? Чем она тебе насолила?

— Да она что-то многое умалчивает, хоть клещами доставай. Хотел разозлить, сгоряча человек может лишнего наговорить.

Мы беседовали с Громовым в кабинете покойного Марлена Семеновича. Могли бы, конечно, и на пленэр отправиться, но я выбрала именно это

место. Я вообще-то не мистик, но «что-то» такое, безусловно, в нашей жизни присутствует. Вдруг аура места события навеет какие-то ценные идеи?

Мягкосердечию Сан Саныча, который чем дальше, тем лояльнее относился к присутствию посторонних, то есть меня, в сфере расследования, я удивлялась молча — еще возьмет, да прогонит, и придется опять тыкаться по углам, подслушивать, подглядывать, а самое главное — мучиться угрызениями совести от столь неблагородного поведения. Подозреваю, что допуск меня «к телу» произошел по тем же причинам, по которым Холмс терпел Ватсона, а Пуаро — Гастингса. Гениальных прозрений я за Громовым пока что не заметила, но ведь это не значит, что их не было. Ватсону-Гастингсу и не положено их замечать, а?

— Ну и как, удовлетворен?

— Да не очень. Что Семочка проигрался изрядно — я и так знал, что она в Воскресенск ездила — тоже. А к кому и зачем — то ли правду говорит, то ли врет, не могу понять.

— Что, так правдоподобно? — Обычно я лезу вперед и тяну одеяло на себя, тем не менее «подавать реплики» тоже умею.

— Да. Очень ее, понимаешь, тревожила ситуация с ворованным цементом, хотелось как-то ее прояснить, получить какую-нибудь информацию по теме. И по телефону, и лично она вроде бы общалась с гаринской супругой...

— Почему бы и нет? По-моему, она подозревает, что в технологической саге центральная фигура — ее ненаглядный Семочка, и хочет это дело выяснить.

— Поручик, а деньги? — подначил меня Сан Саныч. — За сколько же он продал эту проклятую технологию, если долги все на месте?

— Гусары денег не берут, Громов! — парировала образованная я. — Его ведь могли и кинуть...

— Могли... — уныло согласился мой собеседник.

— Ага! А Ольга Федоровна поехала права качать. Чем не вариант? Или продавала сама Ольга Федоровна... А? С аналогичным исходом...

— И как это проверить?

— Никак, — легкомысленно сообщила Маргарита свет Львовна, в которой как раз проснулся внутренний голос. И не только проснулся, но, наконец, начал вещать что-то осмысленно-информативное. — Мне кажется, что в этой керамической эпопее я не учитываю какой-то пустяк, а именно в нем все дело. И вообще, что мы так в эту технологию уперлись? Вот скажи, почему Лиля сказала «он бы меня убил»? Так, в нервах или сознательно? Что, Игорь вправду такой уж безумный ревнивец? На меня он как-то не произвел впечатления Отелло.

— А зачем бы Лиле понадобилось привлекать к нему внимание?

— Так он Отелло, или как?

— Да я думаю, скорее «или как», — задумчиво констатировал Саныч. — Но действительно... Лиля — девушка по натуре мягкая, зачем ей понадобилось... Да, это интересно... Что тебя еще смущает? Телефон? Или ты тоже думаешь, что его, падая, сдвинул Марлен?

— Ни в коем случае. Для этого под ним должна быть фторопластовая подстилка или пол-литра масла, не меньше. Попробуй сам его сдвинуть. — Громов попробовал. — Видишь? Нет, насчет телефона у меня есть одна идея, но, во-первых, она на тему «как» и совершенно не проясняет — кто, во-вторых, уж больно дурацкая, не хочу выглядеть идиоткой.

Конечно, это было чистой воды кокетство. Да, я могу поиграть роль тупого Гастингса, но сколько же можно? Хочется реванша. Да и идея была, по правде говоря, квелая.

— Да черт с ним, с телефоном, это мелочь. Куда больше меня смущают розы.

— Розы? — удивился Громов. — Чем же?

— Ну, более всего самим фактом своего присутствия. А вообще — что за странное время для заказа: одиннадцать вечера? Не без двадцати, не четверть двенадцатого — ровно одиннадцать. Тебе это странным не кажется?

— Не особенно.

— Хорошо. Почему Марлен Семенович заказывает цветы — да не какие-то, а розы! — именно в тот момент, когда практически все домочадцы собираются возле пострадавшего Игоря? Ну, кроме Кита и Фиделя, который появился чуть позже.

— И обоих отсутствующих через сутки тоже убивают, — ошарашенно подытожил Сан Саныч. — Кстати, медики интересную штуку говорят. И у Никиты, и у Фиделя в желудке по пол-литра коньяка плещется, а вот в крови алкоголя маловато. Как будто каждый вылакал по бутылке залпом и вскоре после этого оступился, стукнулся и так далее...

— Это не совсем то, что я имела в виду, но тоже знаменательно, — согласилась покладистая я. — Воля ваша, таких совпадений не бывает.

— А может, и нет никакого совпадения. Они наверняка время приблизительно выставляют.

— Вот и я о том же.

Звонок в питомник, однако, ничего не прояснил. Дежурный по «Эдему», разумеется, помнил пресловутый заказ — еще бы! его на этот счет уже терзали! — и сразу согласился, что время он выставил примерно. Конечно, заказ поступил не под «сигналы точного времени», а немного раньше.

На сколько? Увы! Может, на пять минут, может, на десять, может, даже на пятнадцать... Он, дежурный, книжку читал, рад бы помочь, но...

— Ну, видишь, одним совпадением меньше. У убийцы было как минимум пять-десять минут.

— На что? На то, чтобы убить, вылезти из окна, добраться до ближайшей ванной, привести себя в порядок — ну, хотя бы осмотреться, нет ли крови или, по крайней мере, грязи... Пять-десять минут — маловато. Нет, как не жаль, суматоха вокруг Игоря, наверное, ни при чем. Жаль... Так и просится...

— А собаки при чем? В конце концов, домашним не было надобности их усыплять, только посторонним. У собак своя траектория, дом к ней не относится...

— Ну, если бы кто-то возился у хозяйского окна, они могли бы и почуять, тревогу бы подняли или еще что. Только Киту, наверное, сошло бы с рук все, что угодно, он мог всю семью положить, собачки бы и не ворохнулись. А остальные... Свои-то свои, но ведите себя прилично, а? Хотя насчет траектории ты, наверное, прав.

— Ну, Кит-то теперь точно вне подозрений.

— Если все это затеял один человек — то да, — предположила я, пытаюсь поймать какую-то ускользающую мысль. Мысль не поддавалась.

— О господи! Ты считаешь, что действует не одиночка? — ужаснулся Громов.

И тут меня осенило:

— Сан Саныч, давай я тебе загадку загадаю, а? Что такое: зеленое, длинное, висит на стене в гостиной и пищит. Ну?

— Селедка, — буркнул Громов.

— А почему зеленая?

— Покрасили.

— Почему пищит?

— Тебя бы так об стенку!

— А почему в гостиной? — не унималась я.

— Чтобы труднее догадаться! Да что ты, в самом деле?!

— Я? Я, между прочим, не что, а кто, спроси у Ильина. Может, собак усыпили потому же, почему селедка в гостиной?

Глава 28

Похороны, разумеется, пришлось отложить. Известие о смерти Кита и Фиделя (официальная версия — несчастный случай на почве злоупотребления алкоголем) обитатели усадьбы восприняли с разной степенью безраз-

личия. С одной стороны — понятно: оба существовали в некотором отдалении от остальных. А с другой — странно: осознание того, что живешь в филиале кладбища, нормального человека должно как-то удручать, вам не кажется? Тем не менее, жуткая информация народ почему-то не слишком всколыхнула.

Алиса после переговоров с Никанором Евгеньевичем замкнулась, старательно воздвигая между собой и окружающими внушительные крепостные стены: закрывалась в комнате, а чаще — в отцовском кабинете (и Сан Саныч не возражал), молча приезжала и уезжала. Правда, время от времени бастионы взрывались со страшным грохотом и разрушительными последствиями для обстановки. Когда я рассказала Алисе про семочкины долги, пришлось выбирать из ковра осколки двух стаканов. Мне ее даже жаль становилось. Когда двадцатилетняя девчонка — художница! — волею обстоятельств взваливает на себя, не ропща... Все, молчу, молчу, молчу!

Семен Михайлович не расставался с бутылкой — кажется, только сын его в этом немного ограничивал, а теперь тормоза исчезли — хихикал и грозил всем пальцем. Я удивлялась — почему Громов не запрет его в комнате под присмотром какого-нибудь сержанта. Разговаривать с дедулей стало абсолютно невозможно: способность к членораздельной речи он почти утратил.

Ольга Федоровна попыталась недвусмысленно намекнуть Сан Санычу, что в его присутствии больше не нуждается. Как будто он частный сыщик! Она удивительно быстро восстановила почти прежнюю императорскую величавость и — или но? — начала больше внимания уделять домашнему хозяйству. Собственноручно — и, надо сказать, совершенно виртуозно — починила порванную Марфой кружевную штору. На прогулки отправлялась с Ромочкой, прихватив — вот уж, казалось бы, не царское дело — корзинку, и приносила то опята, то подберезовики, а то и белые. До баночных заготовок, впрочем, не снисходила: добыча после чистки отправлялась в громадный морозильник.

Тему увольнения прислуги хозяйка больше не затрагивала. Ну, мне так кажется — иначе Игорь и Лиля вели бы себя по-другому. Нервничали бы, собирали чемоданы — короче, по-другому.

Игорь, корректный и сдержанный, как всегда, продолжал готовить и подавать еду. Лиля наводила чистоту или играла с Ромочкой. Правда, казалось, что она настороженно и напряженно за всеми следит. У меня сложилось впечатление, что от нее не ускользает ни одна интонация, ни один жест, ни одно движение. Или я опять все себе придумала?

Семочка, похоже, забыл о своих проблемах: ел, спал, купался, с визгом и подпрыгиванием смотрел какие-то голливудские боевики. Про визги и под-

прыгивания я знаю потому, что поглощать кинопродукцию он предпочитал в холле — экран там был вдвое больше, чем во флигеле.

Вечно заплаканная Милочка продолжала изображать из себя «мимозу» и, видимо, дожидалась лишь момента, когда разрешат уехать. Переложив заботы о ненаглядном сыночке на Лилю, она появлялась из флигеля только ради семейных трапез.

Дня два спустя, когда я прогуливалась перед ужином, от беседки до меня донеслись голоса: плачущий, еле слышный — Милочкин, и раздраженный — Семочкин. Я вжалась в ближайшие кусты. Что же за судьба такая — на всех не вовремя наткаться! Или это место здесь такое заколдованное?

И чего это я в кусты прячусь? Почему бы благородной даме не прогуливаться по садовой аллее? А беседка... Подумаешь, беседка! Мало ли что тут понастроили!

Семочка выскочил из беседки, как монашка — из варьете, не заметил меня и поскакал к дому.

Из беседки слышались всхлипы и даже как бы повизгивания. Зайти? Не зайти? Почти гамлетовская ситуация. Ну, зайду, Милочка опять изобразит из себя особу королевской крови, а я девушка нежная, мне обидно, когда на меня сверху вниз смотрят. Тем более безо всяких на то оснований.

Ноги, однако, решили действовать независимо и, пока я терзалась гамлетовскими сомнениями, по собственной инициативе внесли меня в беседку.

— За что? — всхлипывала Милочка.

Обожаю этот вопрос. Просто так даже прыщ не вскочит, причина всегда есть, только мы не любим ее искать. Конечно, проще вопить «за что?!» — дескать, я такая белая и пушистая, а меня злые силы лупят со всех сторон, ибо они злые. Мне страшно захотелось сказать «карма, куда деваться». Вместо этого я погладила Милочку по голове, и несчастная страдальца — о чудо! — не фыркнула высокомерно, а ткнулась мне в плечо, моментально вымочив футболку своими слезами. А что делать?

Я продолжила утешительные мероприятия, попутно прислушиваясь к невнятным восклицаниям и жалобам. Чаще всего поминался отсутствующий супруг. Насколько можно было понять, он собрался разводиться, что и вызвало столь бурный взрыв эмоций.

Несколько реже и примерно с равной частотой мелькали Фидель и Марлен Семенович, но тут и вовсе ничего понять было нельзя: «что ему от меня надо», «я думала, он порядочный человек», «он узнал», «он не допустит» и прочее в том же духе. Если вспомнить, что оба упомянутых персонажа уже в другом, говорят, лучшем мире, — все это довольно странно.

Когда жалобы и стенания поехали по третьему кругу, мне показалось, что это продолжается вечно. И хуже того, будет продолжаться.

К счастью, в этот момент в беседку влетела оса. Нет, не подумайте, что я их поклонница, лавры Фабра мне никогда не снились. Скорее я вынужденно соглашаюсь с их присутствием, до тех пор, пока наши жизненные дорожки не пересекаются.

Визитерша «обнюхала» углы беседки и начала нарезать круги вокруг нас с Милочкой. То ли решила, что мы — подходящая еда для ее детишек, то ли мы устроились поблизости от ее гнезда. Так или иначе, кружилась вокруг, непрерывно сокращая радиус орбиты. Милочка завизжала, вскочила и замахала руками — худший способ обращения с осами. Во избежание конфликта пришлось схватить ее в охапку и вытащить из беседки. Оса нас не преследовала. Уф!

Порядком замученная и несколько озадаченная, я отвела Милочку во флигель и отправилась завершать моцион: страсти страстями, а пищеварение — дело святое. Аппетит нуждается в регулярном выгуливании, разве нет? Что за удовольствие глядеть в тарелку со всякими вкусоностями и еле еле поклевывать. А уж ссориться перед едой — вообще последнее дело.

Конечно, я оказалась права. Игорь превзошел сам себя. Вообще-то супы я не ем, тем более грибной, но тут не устояла. Правда, французы в такой суп кладут, кажется, шампиньоны, но, честное слово, опять даже лучше! Надо будет у Игоря узнать, что он в клецки добавляет? Может быть, тоже грибы? Или это заварное тесто? У меня клецки какие-то безвкусные получаются. А уж такого мяса по-бургундски я вообще никогда в жизни не пробовала! Громов даже пренебрег любимым — сам признавался — заливным. Наверное, чтобы места в желудке больше осталось. А пламенный Семен Михайлович, как и подобает истинному пролетарию, действовал по принципу «пусть пропадет живот, но не еда». Тарелку за добавкой он протягивал — вы не поверите! — трижды.

Правда, кроме меня из присутствующих женщин шедевр никто больше не оценил. Алиса склевала какой-то салатик, посидела некоторое время в задумчивости, извинилась и покинула общество. Милочка — как ни странно, на ужин они с Семочкой пришли вместе и даже сели рядом — тихонько щебетала и усиленно ухаживала за супругом, подкладывая ему кусочки повкуснее. Временами эстафету перехватывала сидевшая с другой стороны Ольга Федоровна. Право, еще немного, и они начнут кормить его в две вилки! Бедный Семочка...

Глава 29

На следующее утро снова пришлось подниматься ни свет ни заря. Судя по солнцу, было около шести утра, а снизу, меж тем, доносились какие-то

вопли, всхлипы и восклицания. Честное слово, я так из абсолютной совы в жаворонка превращусь!

Выскочив на лестницу, я по доносившимся до меня обрывкам реплик смогла догадаться, что тарарам устроила Милочка — вроде бы супруг ее ненаглядный как-то не так себя чувствует. Ну, еще бы! Если тебя так активно кормят с двух сторон сразу, чтобы остаться в здравии, ты должен позаимствовать желудок у страуса. Или у акулы. А обжорство лечится несладким чаем — лучше зеленым — и кефирчиком, кефирчиком!

К тому моменту, когда я, умывшись холодной водой, натянула джинсы и спустилась со своих «вершин», внизу было уже пусто. Сквозь холл и террасу можно было видеть лишь спины удаляющейся к флигелю компании.

Интересно... Ну, Ольга Федоровна — понятно. Лиля — где-то тоже... А Алиса с Громовым зачем туда потащились?

Я вздохнула и поспешила следом за ними. Догнала уже почти на пороге флигеля. И как-то сразу стало ясно, что паника поднята не на пустом месте.

Семочка выглядел... м-м... хуже, чем вчера, это точно.

Свеженький, румяный красавчик превратился почти в покойника. Глаза ввалились, нос, как у Буратино. Когда Милочка подавала ему очередной стакан — пил он практически непрерывно, — меня ужаснула его рука: пальцы синие, как у утопленника.

Черт! Что-то мне все эти признаки напоминают...

«Скорая», удивительно, оправдала свое название. Должно быть, вызовы по «таким» адресам случаются не часто, можно и соответствовать. Приехали мгновенно, будто стояли прямо за поворотом. Схватили пациента, погрузили в машину, почти на бегу задали присутствующим несколько вполне очевидных вопросов — я все-таки вспомнила, что именно напоминали мне симптомы семочкиной болезни — и в том же темпе отбыли, отказавшись взять сопровождающих. По-моему, им Громов чего-то нашептал. Очень мне не понравилось выражение его лица.

Впрочем, выражение лиц медиков мне понравилось еще меньше. Сан Санычу, видимо, тоже: он швырнул вслед «скорой» зажигалку, которую все это время крутил в руках, и произнес фразу, которую я тут повторять не стану.

Где-то я его понимала: опять несчастный случай. А что? Ну, покушали люди грибочков, одному попалась бледная поганка, результат налицо. Да, ее немного надо, чтобы... ну, понятно... штука страшная. И с опенком ее перепутать не так уж сложно.

В общем, не повезло парню.

Но! Представьте себе кухонный процесс: грибочки в процессе приготовления режутся и, естественно, перемешиваются — вот и объясните,

как в этой ситуации вся поганка досталась одному-единственному едоку? Остальные-то в порядке. Ну, пусть «грибное» (суп и мясо по-бургундски) ели не все, но ведь большинство. Наворачивали так, что за ушами трещало.

Алиса с Ольгой Федоровной увели Милочку в дом, Лиля унесла спящего Ромочку.

Громов с Михал Михалычем — тот явился сразу после «скорой» — начали уже привычную тягомотину: кто, чего, когда, куда, где и так далее. Ольгу Федоровну и Игоря — она собирала грибы, он готовил — мурыжили часа по полтора. Оба клялись, что в грибах разбираются лучше, чем Касперский в вирусах, так что никакой бледной поганки в еду попасть просто не могло.

Восхитительно! Не могло, и все тут.

Остается вопрос: а куда девать симптомы? Прямо по учебнику, даже первокурсник медучилища не ошибется. Интересно, а если добавить в еду или питье чистый алкалоид, экстракт — симптомы будут те же? Мне почему-то кажется, что более-менее чистый продукт должен подействовать быстрее...

Алиса разбила еще один стакан и заявила, что с нее хватит. Лиля замкнулась и повторяла, что ничего не знает. Ну, помогала подавать на стол, да, но ничего не заметила. Помнила она, тем не менее, довольно много. Грибной суп подавали, как положено, в супнице, Игорь принес сначала супницу, потом тарелки, разливал прямо за столом, на глазах у всех. Сметанный соус — в общем соуснике — принесла Лиля, соус каждый наливал себе сам. Мясо по-бургундски тоже прибыло в специальной посуде, раскладывали по тарелкам уже за столом. Ну, и так далее.

Воля ваша, я не понимаю, как в таких условиях можно отравить кого-то конкретного — все настолько случайно, что уму непостижимо. Даже хуже. Как вся отравка может сконцентрироваться в одной тарелке? Демоны Максвелла постарались? Хотя... Что-то подобное было у Кристи с коктейлями или еще какими-то напитками... Да, но там был жидкий концентрат в количестве буквально нескольких капель. Согласитесь, это проще. Но мысль интересная.

Следом за интересной мыслью в голову пришла идея и вовсе безумная. Отравить конкретного человека за общим столом (из практически общей посуды!) — сложно, я даже сказала бы, невозможно. А вот отравить собственную тарелку — почти элементарно. Или (все-таки идея чересчур безумная) — тарелку ближайшего соседа. Особенно если ты его непрестанно и заботливо потчуеть...

Милочка рыдала и кричала, что она этого не делала. О как!

— Ну, тише, тише, Мила, — мягко остановил ее Зотов. — Чего вы, собственно, не делали, и почему, собственно, вы решили, что кто-то подозревает вас в том, что вы что-то делали?

Ай-яй-яй! Даже в учебниках пишут, что два вопроса одновременно задавать нельзя. Но... Михал Михалыч, похоже, соображает лучше любого учебника...

— Ничего я не делала! Он развестись хотел, теперь, конечно, я во всем виновата!

Да что они с Семочкой, сговорились, что ли? Сначала один — «все уверены, что я с Гариным спелся, значит, и отца я убил», теперь вторая — «хотел развестись, значит, все думают, что я виновата...» И у всех какие-то страшные тайны, бр-р! Вчерашний этот бред про то, что кто-то там чего-то узнал... Что, Милочка тоже производственными секретами торговала? Или они на пару с супругом старались? А что? Он тут на предмет добывания документов подсуетился, она там с Гариным договорилась?

Милочка, между тем, продолжала бушевать:

— Я думала, уже все! Если он порядочный человек... А он... А теперь, конечно, развод, лучше бы прямо сказал, а он тактичный, видите ли... конечно, все думают, что это я!

— Хорошо, Мила, — неожиданно прервал ее Михал Михалыч. — Вы пока идите, мы с вами потом еще побеседуем, вы успокойтесь, подумайте, ладно? Идите, идите!

Да здравствует корпоративная лояльность! Громов странную реплику коллеги оставил без комментариев, но, едва Милочка отправилась во свояси, возмутился:

— Ты чего?

— Брось! — отмахнулся Зотов. — Не ты один информацию добывать умеешь. Знаю я все ее страшные тайны, пусть дозреет.

— Ты что, думаешь... Или... Нет, ерунда! Ольга Федоровна на сыночка надышаться не могла, она при любом раскладе не стала бы ему ничего плохого делать. Ты думаешь, Милочка тоже ни при чем?

— А вот этого я как раз пока и не знаю.

В этот момент, как и полагается по законам жанра — для поддержания напряженности интриги, — зазвонил телефон. Громов снял трубку, поговорил минуты три и радостно сообщил:

— Ну, вот. У меня две новости: хорошая и очень хорошая. С какой начать?

— С плохой, — буркнул скептический Михал Михалыч.

— Плохой ты телепат, Михалыч, я думаю, что она как раз хорошая. Час назад некая дама из усадьбы звонила в клинику, интересовалась состоянием Семочки.

— Ну и что?

— Даме максимально тактично сообщили, что желательно приготовиться к самому худшему, все настолько безнадежно, что речь идет уже о нескольких часах...

— Ну!

— Они очень извиняются, просят даму успокоить, трубку брала санитарка, которая... ну, не настолько компетентна в медицинских вопросах... И за этот час что-то там у них еще произошло... Короче говоря, сейчас они практически уверены, что Семочка не только выкарабкается, но даже с почками проблем не будет... печенку, конечно, придется полечить...

— Хм... Если я правильно понимаю, это твоя очень хорошая новость?

— А что — нет? — возмутился Громов.

— Почему — нет? Даже весьма, — успокаивающе согласился Зотов. — Тогда и звонок неизвестной дамы вполне годится на хорошую... Ты считаешь, звонила Милочка, поэтому она тут в такой истерике билась — от раскаяния?

— Теперь я скажу, что не знаю. Ты же не поведал еще про страшные тайны. Давай, колись! Что там такое? Шпионские страсти или у нее СПИД?

— Ты можешь смеяться, но даже не французский насморк. Хотя идея близка к истине, — Михал Михалыч с хрустом потянулся, откинулся на спинку кресла и с довольным видом начал рассказывать. — До знакомства с Семочкой Мила меняла приятелей довольно часто.

— Ну, с такой мамочкой неудивительно, — встрял Громов.

— Естественно, старалась как можно меньше времени бывать дома. Квартиры снимала, и все такое. Но девушка она не совсем уж безмозглая, так что более-менее регулярно посещала местный КВД. На всякий случай.

— А Фидель как раз тогда венерологом подвизался... — задумчиво произнес Сан Саныч. — Понятно.

— В точку, — согласился Зотов. — Запомнил девушку, а теперь узнал. Я так понимаю, они здесь первый раз пересеклись, да?

— Вроде да, — не очень уверенно подтвердил Громов. — На свадьбе его не было, в усадьбе он поселился не очень давно, а Милочка тут бывает редко. Пожалуй, тут они не виделись.

— Вот и все, — подытожил Михал Михалыч. — Увиделись, Мила испугалась, что, если ее сомнительное прошлое вылезет наружу, такой удачный для нее брак рассыплется...

— Ладно тебе — сомнительное. Прошлое как прошлое. Да и вообще... Насколько я знаю... — Громов осекся и продолжил: — ... знал Фиделя, он не стал бы афишировать чужие секреты, тем паче такие... скользкие. И уж тем более не стал бы этим угрожать. Так что Милочка вполне могла бы спать спокойно. Хотя она, конечно, девушка истерическая. От таких никогда не знаешь, чего ожидать. А ты не думаешь, что Фиделя могли убрать просто потому, что он что-то видел или слышал... скорее всего, той ночью, когда убили Марлена.

И тут меня ослепила молния, иначе не скажешь. Мне вдруг на мгновение показалось, что я точно знаю, КТО! И даже ПОЧЕМУ. Хотя мотив тот или иной есть у каждого. Деньги, любовь, страх — все, как обычно. Главное — КТО. Кстати, совсем не тот человек, которому я предназначала роль убийцы в своем... э-э... опусе. Ну и что, что не тот? Озарение объясняло все: розы, спящие собаки, телефон, ужин... Я кинула взгляд на свои много-страдальные коленки. Да. Даже бешеная Марфа занимала свое место в ряду значительных обстоятельств.

Но... я промолчала. Они профессионалы, а я? Очень вредно делать выводы на основе неполной информации.

— Но зачем ей понадобилось убивать в первую очередь Марлена? — продолжал свои рассуждения Сан Саныч. — Убрала бы Фиделя, и можно чувствовать себя в безопасности.

— Она могла решить, что Фидель брату уже все рассказал, и наезды по поводу воспитания ребенка — как раз результат.

— Могла... — задумчиво согласился Громов. — Очень глупо, но на нее похоже. Только это все равно даже половины не объясняет. При чем тут Никита?

— Никита мог что-то увидеть, — предположил Зотов.

— К тому времени, когда можно было «что-то увидеть», — довольно язвительно заметил Сан Саныч, — Никита уже видел двенадцатый сон. И... как она ухитрилась собак усыпить? Я еще поверю, что они что-то из рук Алисы съели, или даже Семочки... Но Милочка им практически чужая. Ты, надеюсь, согласен, что после этого отравления версия постороннего просто испаряется?

— Само собой, — кивнул Зотов. — Утопить Никиту и уронить на камин Фиделя, не говоря уже о том, чтобы зарезать Марлена, посторонний еще мог. Проникнуть на территорию в отсутствие собак не так уж сложно, можно исхитриться. А вот подложить в тарелку бледную поганку... для этого посторонний должен быть невидимкой, не иначе. Нет, посторонний точно отпадает.

— Ну, вот. Теперь скажи — как Милочка собак усыпила? Если все, что мы имеем, — дурацкая возня вокруг ее страшных тайн...

— Да я же не настаиваю. Наследство или промышленный шпионаж выглядят гораздо перспективнее. По наследству мы работаем. Хотя почти все и досталось Алисе, рассчитывали на наследство все.

Я наострила уши. Как — все досталось Алисе? Все досталось Никанору Евгеньевичу! Правда, Алиса ведет себя последнее время действительно странно... Не зря же я думала про двадцатилетнюю девчонку, на которую свалилась вся ответственность... Очень интересно...

— А с промышленным шпионажем никак. Кроме того, что у нас уже было.

— Ну, — усмехнулся Громов. — У Марлена служба безопасности нормально работала, после них чего-то искать бесполезно. Если бы что-то было, они и сами бы нашли. Да и вообще я сомневаюсь, что Семочка с супругой могут быть причастны к этому, как ты выражаешься, шпионажу.

— А кто же тогда? Ольга Федоровна ездила в Воскресенск слишком поздно для того, чтобы быть участницей этого самого шпионажа. О семочкиных передвижениях мы, к сожалению, не столь осведомлены. Он вполне мог выкрасть или скопировать документацию, а Милочка могла помогать в переговорах с Гариным или просто могла быть в курсе происходящего. А потом ситуация пошла вразнос, пришлось убивать...

— А потом они поссорились, так, что ли? — довольно скептически поинтересовался Сан Саныч.

— А потом Отелло расвирепел и задушил свою Дездемону. В смысле, Мила могла просто испугаться. Три трупа — это вам не хухры-мухры. Тем более, если у Семочки тоже нервы не выдерживали. Представила, что ненаглядное дитя останется вовсе сиротой — оба родителя за решеткой! невеселая перспектива! — и решила, что уж лучше — сиротой наполовину, причем никаких осужденных. Припишут и это убийство к предыдущим... Сидела она рядом, подложить в тарелку эту чертову поганку могла легко...

— Перестаньте! Это я во всем виновата! — прервал Зотова истерический голос.

Глава 30

Выражение лица Алисы напоминало то, с которым шагают в прорубь. Мне раза два-три приходилось делать репортажи «об открытии сезона зимнего плавания» — господа «моржи» каждый раз активно предлагали мне попробовать, я каждый раз вежливо отказывалась. Еще бы! Даже в августе, когда отключают горячую воду, я и то начинаю ненавидеть сначала водные процедуры, потом энергетиков — хотя понимаю необходимость регулярной профилактики, и вода в августе из душа льется почти теплая. А уж в прорубь... Один-два-несколько новичков, впрочем, всегда наличествует, и выражение на лицах у них бывает, в общем, одно и то же.

— А я уж думал, придется за тобой специально идти. — Сан Саныч смотрел на Алису с таким, знаете, усталым дружелюбием, ну, как папаша Пуаро на кого-то, упрямо пытавшегося сделать все самостоятельно.

На лице Зотова все отчетливее проступало понимание.

А я? Как же это? Ведь в моем собственном «сюжете» именно дочь «владельца замка» должна была оказаться убийцей. Стоило мне увидеть Али-

су, ясен перец, предварительная теория тут же рухнула. Сначала Громов заявляет, что Алиса унаследовала «все», затем она сама является и говорит, что «во всем виновата», а Громов вроде бы этого ждал. Как же так? Ведь десять минут назад я точно догадалась!

— Ну, про эту фигню с фондом ты уже знаешь...

— Алиса! — Сан Саныч покосился в мою сторону, дескать, тут посторонние, осторожнее. Ничего себе! Это меня сейчас выгонят, да?

— Да ладно, тоже мне — страшная тайна! — ни с того ни с сего, разозлилась я.

— Саныч, по-моему, не только ты догадался... — вздохнула Алиса.

— Чего там догадываться! — возмутилась я. Это было не совсем честно — буквально две минуты назад я ведь страшно удивлялась неожиданному алисиному появлению и расстраивалась от собственной тупости. Теперь тоже расстраивалась, ибо следовало прозреть гораздо раньше, хоть трупов была бы не такая гора, но присутствовало и некоторое ощущение реванша — да, тупая, но все-таки догадалась. Никто же не знает, что в моей голове только что «все сложилось».

— Что ж, давай проверим? — подначил меня Громов, повернувшись, однако, к Алисе.

Она кивнула и плюхнулась в кресло. Я почувствовала, как по спине ползет ледяная струйка — вот будет весело, если я пальцем в небо попаду. Стыдоба! А куда деваться? Народ смотрел на меня с любопытством, не исключено даже, что с сочувственным, но от этого нисколько не легче.

— Ну... про фонд у меня только одна идея, но это, по-моему, к делу не относится...

— А что относится? — предельно любезно спросил Громов.

Он что, решил, что я им голову морочу?

— В общем, технологию Гарину продала Алиса.

Михал Михалыч удивленно вскинул бровь. Интересно, его изумила сама идея или то, что какая-то невнятная посторонняя девица попала в точку? Ой, попала ли? Или просто попала? Да нет, у Алисы все во-от такими буквами на лице написано. Я победила! И пусть Сан Саныч не смотрит на меня язвительным взором и не дергает скептически ртом! Сейчас я ему все по полочкам разложу, пускай подавится!

— Причем сделала это из самых благородных побуждений, так? Чтобы он со своими специфическими методами сел в лужу. Потому что это была старая документация, да? Черт! Я не химик, в технологических тонкостях и вовсе ничего не понимаю, но... Громов что-то такое рассказывал, вроде бы все эти «кошмарики» с цементом начинают происходить только в реальных условиях, через сколько-то там, я забыла... а в экспресс-тестах

результаты нормальные, да? Значит, Гарин сейчас запустит процесс, на-продает, сколько успеет, а через полтора года покупатели... ну... очень удивятся. И, наверное, будут выражать недовольство. А это ведь все больше богатые люди... И если заранее немного подготовить общественное мнение... Я думаю, жить господину Гарину станет весело и интересно...

— Насчет подготовки общественного мнения я как-то не подумала, — удивленно заметила Алиса. — Действительно, небольшая пиар-кампания может очень...

— Журналист! — прервал ее Громов.

Интересно, что он, собственно, хотел сказать этой репликой? По-моему, он догадался, что меня осенило только что. Ну и что? Знать наверняка он этого не может.

— А что у тебя за идея насчет фонда?

Да... Знать-то не может, но проверить пытается. Пожалуйста!

— Ну... Никанор Евгеньевич ведь не сказал, что там нет других соучредителей... Значит, он может быть просто временным управляющим или даже владельцем, не знаю, как все это правильно называется. А если кроме него есть еще кто-то, первая кандидатура — Алиса.

Громов оглядел публику с некоей гордостью — убедились, какова?! Как будто я была его любимой собачкой, честное слово! Ну и пусть, даже лестно. А я еще на него сердилась...

— Никанор Евгеньевич — очень порядочный человек, — тихо произнесла Алиса.

— Может, у тебя и по поводу всего остального такие же идеи есть? — осведомился ненасытный Громов.

— Есть, — обреченно призналась я. — А что толку? Одни идеи, ничего вещественного. Надо еще подумать.

— Ну, подумай, — согласился он. — Только не очень долго. Не могу же я у каждой двери полицейского поставить...

Глава 31

Смысл громовского высказывания дошел до меня часа через два после того, как я отправилась «подумать» к очаровавшему меня в первый день фонтану.

Для начала — чтоб размять мозги — я еще раз прокрутила в голове историю с наследством. Идеи идеями, знаете ли, но и на старуху бывает проруха. Да нет, вроде все в порядке. Никанор Евгеньевич, действительно, ни разу не сказал, что он — единственный соучредитель. А формулировка «в случае смерти или по желанию», в общем, как я понимаю, все

оставляла на его усмотрение. Мог передать соответствующие права следующему соучредителю — Алисе — через десять лет, мог и вообще никогда. Да, Никанор Евгеньевич — очень порядочный человек.

Хотя я, по правде сказать, не понимаю, как это — «очень» порядочный человек. Более порядочный, чем просто «порядочный»? Воля ваша, осетрина не бывает «второй свежести». Впрочем, это неважно.

Раз за разом я прокручивала в голове все мыслимые и немыслимые обстоятельства. Сходилось все.

Какие там у меня странности насчитывались?

Букет для Маргариты Львовны? С букетом все было ясно, как утро первого сентября.

Выключенный компьютер — да проще пареной репы. Хотя никакой такой глобальной роли он не играет.

Таинственное ночное свидание? Вообще ничего криминального. Алиса просто устала и решила обсудить ситуацию с самым близким человеком. Если бы я набралась наглости и вылезла на полянку — познакомилась бы с легендарным Максом Радкевичем. Ладно, еще успеется.

Почему взбесилась Марфа? Очевидно. Сразу вспомнилось бессмертное «отчего и почему первым признаком утопления является посинение трупа».

Когда был опустошен поднос с ужином? Да, это хитро, очень хитро, почти так же хитро, как бешенство Марфы. Убийце не откажешь в изобретательности — я сказала бы в редкой изобретательности.

Спящие собаки? Так же просто и так же изобретательно. Во-первых, на всякий случай, во-вторых, как я и сказала Громову, — чтоб труднее догадаться.

Стемнело. Пора было возвращаться в дом, а я так ни до чего и не додумалась. Ухватиться было совершенно не за что, ни единой материальной улики. А идеи... сами знаете, что с ними можно сделать.

Фактически единственной вещественной ниточкой был звонок в клинику. Я практически не сомневалась, что знаю, кто звонил. Ну и что дальше? Допрашивать до посинения? А если она упрется и не признается ни в чем?

Очень мешала дурацкая зотовская фраза про Отелло. Когда он «рассви-репел», кажется, в семнадцатый раз, я замерла. Бросила взгляд на щенка, который продолжал ловить неуловимую струю... и помчалась к дому.

Дом стоял тихий и почти темный. В холле было пусто. У Алисы — заперто. К Ольге Федоровне я, понятное дело, стучаться не собиралась. Торкнулась к Громову и, не дождавшись ответного «входите», буквально ввалилась в комнату.

Сыщики присутствовали. Оба. Вот только объяснить я ничего не могла: от беготни закололо в боку, и горло превратилось в наждак. Единственное, что смогла из себя выдавить, вернее, проскрипеть:

— Саныч... наверное, сейчас... предупредить...

К чести Громова, он понял мои невнятные скрежетанья мгновенно, видимо, был уже готов к такому повороту событий. Если бы не розы, сам давно обо всем догадался бы.

Мы побежали вниз. Кухня пустовала, у Игоря было заперто. Громов покрутил в скважине ключ — замок стоял на стопоре.

Замок на лилиной двери тоже был заблокирован. Сан Саныч старался орудовать ключами потише, но что толку? Если человек прислушивается, слабый скрежет замка покажется громом небесным. Черт! Ведь спугнули! В окно? Если бежать через кухню или садовый выход — безнадежно, коридор слишком длинный, через холл — весь дом обегать придется. Не успеть...

Сан Саныч, не раздумывая, кинулся в кабинет Фиделя, рванул окно, выпрыгнул, я с Зотовым — следом.

И как раз вовремя, чтобы увидеть кого-то, кто спускался из лилиного окна. Громов с Зотовым тут же ринулись за беглецом.

— Ну, надо же, какие мы шустрые, — пробормотал Сан Саныч.

Я не стала тратить время на то, чтобы полюбоваться сценой захвата, и полезла в окно. Высоко как... Но, кажется, меня что-то подталкивало — в спокойном состоянии я одолевала бы этот подъем минуты три, сейчас мне хватило нескольких секунд. Ох, мышцы завтра болеть будут...

В комнате царили темнота и тишина — только мое запаленное дыхание ее и нарушало. Тьфу! Щелкнув зажигалкой, я тут же прокляла свою любовь к противовеетровым конструкциям. Знаете, эти, с турбонаддувом? На ветер им наплевать, но вот света от обычного бензинового или газового огонька куда больше. Тем не менее, я смогла разглядеть кровать и что-то вроде лампы. Едва не свалив это «что-то» (мелькнула мысль об отпечатках пальцев — глупости! Убийца наверняка был в перчатках), я сумела обнаружить выключатель — он, конечно, оказался в самом неудобном месте, на сетевом проводе. Но, спасибо, работал.

Лилия тихо спала. Так тихо, что не слышно было даже дыхания. Впрочем, ничего удивительного — я-то пыхла, как три паровоза.

Да, но ведь ее и вспышка лампы не разбудила. Не очень сильная вспышка, но ведь прямо в лицо! Я тряхнула Лилию за плечо — бесполезно. Потрясла сильнее. Ее тело напоминало тряпичную куклу.

У изголовья стоял стакан, на полу валялась пластиковая штучка с ячейками — забыла, как она называется. Я вгляделась. Ме-та-зе-пам. Без понятия. Похоже на название снотворного. Да и по логике вещей должно быть снотворное. А судя по миниатюрности ячеек — сильное. Массаракш!

Тем не менее, Лиля дышала. И пульс — пусть едва-едва — еще прощупывался. И дно стакана было влажным, значит, снотворное она выпила не больше часа назад. Да что я! Час назад Лиля должна была убирать посуду после ужина! Хотя, возможно, посуду убирал ее заботливый супруг...

Рассказ всегда дольше, чем реальные события. На самом деле с момента включения лампы не прошло и минуты.

Городского телефона в этой комнате не было. Я ринулась в кабинет Фиделя. Черт! Никаких местных номеров не знаю! Ладно, ноль-три по всей России ноль-три. Хорошо, городок маленький, и трасса к усадьбе совсем пустая. Авось, успеют.

Ага, а может, пока я звонила... Нет, дышит. И пульс есть. Ну, Маргарита Львовна, делай же что-нибудь! А что? Я не умею промывать желудок человеку, который без сознания. И нажимать на активные точки — сколько лет собиралась выучить, так и не выучила. Искусственное дыхание, да непрямой массаж сердца — вот и все мои навыки первой помощи. Фу, невежда!

Я начала растирать Лиле ладони — хоть как-то поддержать кровообращение. Или надо уши? Нет, уши — это при алкогольной интоксикации. Или какая разница?

В коридоре что-то прогрохотало. Я металась, как та курица с отрубленной головой. Потом — точно меня укололи — ринулась в коридор, в холл... И вовремя — к дому подъезжала «скорая».

Можно, я не буду описывать весь последующий сумбур?

Глава 32

Лечь спать удалось только часа через два. Впрочем, «лечь спать» — огромное преувеличение. Алиса буквально выросла в кресло, так что было более чем очевидно — живьем она меня не выпустит.

— В клинику звонила?

— Говорят, ничего страшного, проспит сутки и все, — кивнула она. — Вовремя успели.

— Где он? — Мне ужасно лень было разговаривать.

— В комнате закрыли.

— А окно?

— А... Ты не заметила? Собак привезли. Не слышишь? Далековато, почти не слышно. Они обежали всю территорию, нашли тот спуск... ну, где мы Кита обнаружили... Теперь Чика там воет, а Мика окно стережет, потом меняются.

— Ты что, вправду думаешь, что они чувствуют, благодаря кому осиротели? — удивилась я.

— А что? — поежилась Алиса. — Они могут. Ты-то как догадалась?

— Да в основном из-за роз.

— Каких роз?

— Которые утром прислали. Из «Эдема». Когда Марлен Семенович меня по саду водил, о розах мы тоже перемолвились — ну, искусственные не люблю, и все такое. А поутру привозят этот веник. Что прикажете думать? Либо это намек — мол, ваше присутствие, девушка, тут лишнее, лучше бы вам слинять. Либо...

— Либо цветы заказывал кто-то другой, — догадалась Алиса.

— Ну, да. Мифология общественного сознания — все женщины обожают розы. Игорю и в голову не могло прийти, что я их терпеть не могу. Эта ошибка в итоге оказалась роковой, потому что прямо указывала на убийцу. Никому кроме Игоря не было смысла создавать впечатление, что в одиннадцать Марлен Семенович был еще жив.

— Но ведь Фидель сам слышал... — начала Алиса и тут же осеклась.

— Вот именно! Что он слышал? Если не разобрал слов, значит, акустика была так себе, мог и голоса перепутать. Ну и подсознательное — кто еще может разговаривать по телефону, кроме владельца кабинета?

— Зачем же его-то надо было убивать?

— Он же исследователь. Был. Его заинтересовало, почему царапины плохо затягиваются. Да я и сама могла бы заметить разницу: у меня коленка к утру была уже практически чистая, а у Игоря руки, как в татуировке.

— Действительно... Но мы же сами видели — царапины обработали буквально через две минуты после того, как Марфа на него напала...

— Угу. В том-то и дело. Большая часть следов была не от марфиных когтей. И гораздо раньше. Помнишь, ты сама мне говорила, что, если прошло больше получаса, бальзам действует значительно хуже? Одного этого хватило бы, чтобы догадаться. Но кроме Фиделя никто на царапины Игоря внимания не обратил.

За окном, на галерее мелькнула смутная фигура. Громов, не иначе. Я выпрямилась, расправила плечи и почувствовала себя героиней финальной сцены любого детектива — в самом конце кто-то, не обязательно полицейский, раскрывает перед почтенной публикой тайные пружины, которые использовал убийца.

— Игорь убил его, когда относил ужин. Достать кинжал — или, может, он его заранее достал — подойти и ударить... На это надо десять секунд. Почистил почтовые ящики в компьютере, все поудалял...

— Не понимаю — зачем.

— Для лишней путаницы. Раз удаляли документы — значит, дело либо в наследстве, либо в инженере Гарине. Ну, вот. Выключил компьютер, закрыл дверь на стопор, вылез в окно...

— А как же поднос?

— Это первое действие для того, чтобы отодвинуть время убийства. Окоченение и температура тела дают весьма приблизительные результаты. Тем более жара стоит. Самый точный метод — по содержимому желудка. Ох, извини!

— Ничего, я не стеклянная, как-нибудь выдержу.

— На подносе было все то же самое, что Марлен Семенович ел за общим ужином, так что содержимое подноса вполне соответствует содержимому желудка, но создает впечатление, что он перекусил еще раз, через какое-то время после ужина. Опустошить поднос, оставив на нем кое-какую мелочь, — не проблема. Сначала принес, потом собрал и выкинул. А может, опять в холодильник сложил. Значит, вылез в окно и сдвинул телефон поближе к подоконнику. Я думаю, что вы практически каждый день расходитесь после ужина где-то около одиннадцати, так?

— Ну, в основном, да.

— Игорь об этом, разумеется, знал. Без десяти одиннадцать он идет — как обычно, заметь! — выносить мусор. Подтягивается к подоконнику, достает телефон — вот зачем он его сдвинул, чтобы не тратить время, залезая в комнату — и звонит в «Эдем», назвавшись Дворецким. Получается, что около одиннадцати Марлен Семенович еще жив. В принципе, можно было успокоиться на том, что после одиннадцати, когда все разойдутся, алиби не будет ни у кого. Но, лазая по подоконникам, Игорь несколько исцарапался — там боярышник у окна был изрядно помят. Не исключено, что в него даже свалились. А царапины — безусловно, улика. Игорь ведь не мог не понимать, что поломанный боярышник непременно свяжут с царапинами у одного из обитателей дома. Быть может, он и ногу тогда же подвернул (не зря же отек был чересчур стремительный), вот и решил одним ударом убить двух зайцев. Вернувшись на кухню, угостил Марфу кальмарами, а несколько кусочков положил себе в нагрудный карман. Семочка видел его у открытого холодильника. Марфа, конечно, такого издевательства не вынесла и бросилась за вождеденной закуской. Ну, а то, что как раз наверху лестницы — это Игорю просто повезло. Царапины плюс растяжение — все получило свое законное объяснение. Плюс неопровержимое алиби на всю ночь, начиная с одиннадцати.

С галереи в комнату просочился Сан Саныч. Я замолчала, но он махнул рукой — дескать, продолжай, я мешать не буду. За ним проскользнул Зотов. Надеюсь, у комнаты Игоря они кого-нибудь оставили?

— И собак усыпил — на всякий случай. Нас всех сбilo с толку то, что они лежали на середине дороги от реки к дому — вроде бы получили отраву на берегу и не добежали. А было наоборот: Игорь их угостил у дома —

он же их иногда кормил, из его рук они кусок взяли бы, — и собачки побежали к периметру. Но уснули раньше.

— А чем ему Кит помешал? — спросила Алиса.

— Тем, что верил, что собаки у чужого ничего не возьмут, значит, мог что-то заподозрить. Но в основном тем, что не доложил об измене возлюбленной супруги. Сан Саныч, помнишь, Лиля сказала, что Кит ее прикрывал?

Громов кивнул.

— Значит, все из-за Лили? — не успокаивалась Алиса.

Мне совсем не понравилось сказанное, но я промолчала.

— Алис, я тебе очень сочувствую, но не надо передергивать. — вздохнул Сан Саныч. — Ты же знаешь, что Марлен... м-м... был большим любителем прекрасной половины. Просто по теории вероятности должна была подвернуться дама, чей муж, поклонник и так далее отнесся бы к измене... ну, так, как он отнесся.

— Псих! — констатировала Алиса.

— В определенной степени — да, — согласился Громов. — Во-первых, он Марлену всегда завидовал, а главное — большая любовь. Я думаю, что даже больше, Лилия — единственное, что его в жизни интересует. А раз изменила — значит, должна умереть. Но, обрати внимание, ее он оставил напоследок. То-то она запуганная ходила, как не знаю, кто. Кстати, Рита, ты не догадалась, как он Кита и Фиделя напоить ухитрился?

— А ты у патологоанатома спроси — наверняка на слизистой горла и пищевода микроследы от трубки остались. Эксперты ведь сказали — полный желудок коньяка, а в крови немного. Не из горла же они, в самом деле, хлебали. Он их слегка по голове стучал и в глотку коньяк заливал. Через трубочку. Конечно, след удара при вскрытии увидят, но ведь и Кит, и Фидель, по официальной версии, как раз головой и стукнулись.

— Да, все понятно, — согласилась Алиса. — А Семочке досталось за длинный язык? Он же постоянно орал, что это Игорь, что таких растяжений не бывает, и все такое. Только я не понимаю, как можно прямо за столом подложить поганку конкретному человеку?

— А ты вспомни, как все происходило, — опять включился Сан Саныч. — Игорь принес супницу и тарелки — стопкой. Наливал и раздавал по порядку. Посчитать, какая тарелка попадет к Семочке, очень легко. Так что в нее можно заранее положить и нарезанную поганку, и клецки, тоже, практически, из одной поганки состоящие. Когда тарелки составлены друг в друга неровной стопкой, нельзя увидеть, что в одной из них что-то уже лежит. То же самое с мясом по-бургундски.

— Саныч, но если он псих, ему же ничего не будет...

— Экспертиза покажет, — ответил Зотов. — По моему скромному разумению, ваш Игорь вполне вменяем. Крыша у него, конечно, сдвинутая, но не до такой степени, чтобы... Но даже если признают — Алиса, вы действительно думаете, что специальная психиатрическая клиника — это такой уж курорт?

Глава 33

Когда Алиса мне сказала, что Чика и Мика по очереди воют на берегу, я ничего не услышала. Зато ночью просыпалась несколько раз. В тишине звуки далеко разносятся. Тем не менее, утром поднялась без стонов. В восемь должны были увезти Игоря. По идее, мне до этого дела не было, но... мне хотелось на него посмотреть. Что я собиралась увидеть? Каинову печать? Наверное, что-то вроде. Вообще жутко, когда обычный человек, с которым ты близко сталкиваешься, вдруг оказывается убийцей... Бр-р-р!

Каждый, наверное, видел в кино, как выводят преступников: охрана, наручники и все такое. В этот раз все было совсем не так эффектно, можно сказать, по-домашнему. Игорь шагал между двух молоденьких полицейских, угрюмо глядя себе под ноги. Пальцы его сжимались и разжимались, как будто он что-то уронил или... «Отелло рассвирепел и задушил свою Дездемону». К счастью, хоть это ему не удалось сделать.

И в этот момент из-за дома выскользнула... даже не знаю, как это назвать... тень, через несколько секунд с другой стороны появилась вторая. До машины оставалось метров десять, даже меньше, но Игорь резко вскинул голову, нелепо взмахнул руками — и побежал куда-то в сторону, прямо по траве.

На несколько секунд мы все остолбенели.

Он бежал, странно вскидывая ноги, а за ним безумными скачками неслись Чика и Мика. Громов выдернул из кобуры пистолет, но прицелиться не успел — Алиса, завопив что-то невнятное, повисла у него на руке.

Погоня скрылась за кустами, почти сразу оттуда донесся дикий вскрик, еще один... и все смолкло.

Мы кинулись следом.

Лучше бы я никогда в жизни этого не видела.

Нет, мы увидели не бойню, отнюдь. Мы увидели Чику и Мику, спокойно сидевших в высокой траве. Между ними было метра два. Как два стерегущих сфинкса.

Подбежав, мы едва не наткнулись на то, ЧТО они стерегли. Это действительно было уже ЧТО. Без горла человек жить не может. Никто не может.

Других повреждений на теле не было.

Я до сих пор не знаю — никто не знает — кто из собак это сделал. Может быть, обе. Я иногда даже думаю, что наверняка обе. Но стараюсь не думать — очень уж страшная картина перед глазами является.

Эпилог

Я — девушка злобная. Конечно, я помогла Алисе «подготовить общественное мнение». В конце концов, это моя профессия — выстраивать нужные слова в нужном порядке. Ну, и соображать, где и когда какие именно слова должны появиться.

Мы очень точно рассчитали время — с учетом погоды и всего остального. В нужный момент слегка перешли границы дозволенного — и Гарин купился. В тот момент, когда он затеял процесс по поводу диффамации и прочих нехороших вещей — цемент зацвел. Обещание веселой и интересной жизни для господина Гарина исполнилось абсолютно. И даже с избытком.

Нет, правда, резонанс был оглушительный. Частично мы его, разумеется, подготовили: два-три самых скандальных издания и одна телепрограмма получили возможность рассказать «совершенно секретную» историю о промышленном шпионаже — без особой конкретики, разумеется, все в том смысле, что, воруя, надо немножко соображать, что именно ты ворует. Да ладно, что я вам буду пересказывать, это, в самом деле, моя профессия.

Милочка перевелась на заочный и переселилась в усадьбу, с удовольствием исполняет там роль домоправительницы. Алиса говорит, что Мила, оказывается, превосходно готовит. Кто бы мог подумать!

Ромочка — вы не поверите — ходит в детский сад. Ну, то есть, не совсем ходит — каждое утро Милочка отвозит его в город, вечером забирает. Сад не простой, туда всех детишек поутру привозят, даже тех, кто живет на соседней улице, там таких двое. Командует садиком... а! Вы уже догадались? Конечно, Лиля. Я вообще-то опасалась за ее будущее, предполагала, что она может постричься в монастырь или еще что-нибудь в этом роде. Реальность оказалась куда симпатичнее.

Перебирая с Никанором Евгеньевичем отцовские бумаги, Алиса обнаружила документы на небольшой особняк, который Марлен Семенович выкупил незадолго до всех этих жутких событий, смету на реконструкцию этого особняка и бизнес-план по организации элитного детского сада. Лиля в них упоминалась. Все-таки Марлен Семенович был очень умный человек и какую-то червоточину в Игоре чувствовал, иначе зачем надо было обеспечивать Лиле независимость от мужа?

Алиса решила, что, во-первых, отцовские планы — это почти завещание, во-вторых, присутствие Лили в усадьбе... ну... может создавать определенную напряженность. Завершила реконструкцию особняка, помогла Лиле с кредитом «на обзаведение» и с рекомендациями. Усолье — город небольшой, но обеспеченный народ там есть, так что клиентов хватает, и попасть в лилин садик не так-то легко.

Но, разумеется, когда Алиса соберется замуж, точнее, когда она надумает кого-нибудь родить (у Алисы такая установка: жениться имеет смысл лишь тогда, когда дети уже в ближайшей перспективе). Что-то я запуталась. В общем, для кого, для кого, а уж для алисиных детей (с нее станется и десяток народить) место у Лили всегда найдется.

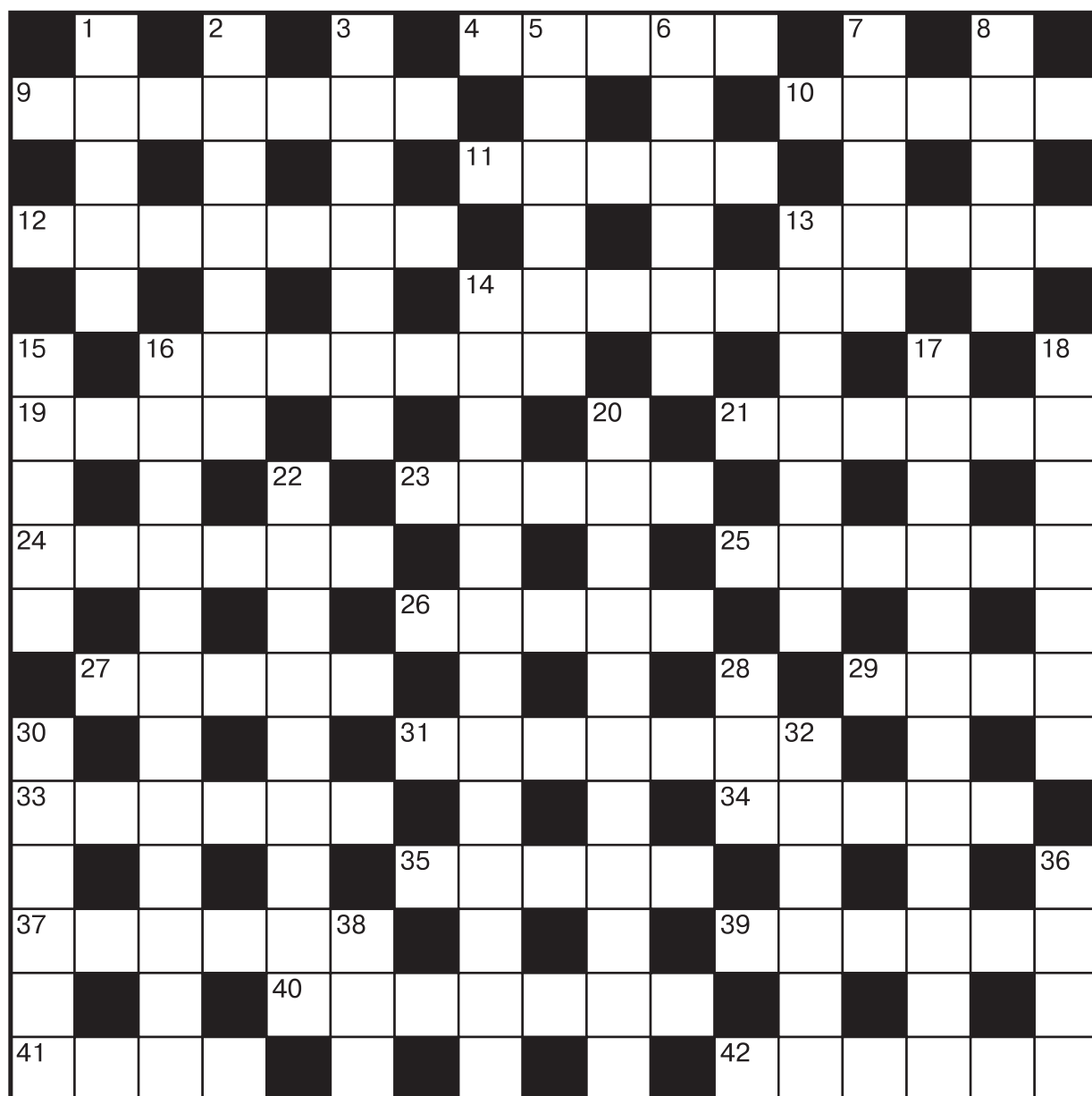
Марфа и ныне живет и здравствует. Точнее, живут и здравствуют оба представителя кошачьего племени, мелькавшие перед глазами автора при создании марфиного «образа». Один из них, кстати, был мужского пола и звали его Кот. Изумительный зверь с невероятной красоты глазами.

Вторую особу звали попросту Кошка. Сия особа отличалась прямо-таки феноменальной величиестью (часть ее она передала Ольге Федоровне). Ее хозяин-программист — у них юмор весьма специфический — временами производил с бедным животным крайне непочтительные манипуляции — например, засовывал в коробку, из которой торчали лишь Кошкины лапы. Но даже в таких унижительных положениях она ухитрялась передвигаться с поистине царственным достоинством.

Снотворного под названием метазепам в природе не существует.

Розы я все так же не люблю. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «... не отвечает на все вопросы даже в кабинете следователя». **9.** Кто донес Петру Великому об измене гетмана Мазепы? **10.** «Катализатор атмосферы, пузырьки в шампанском поэзии». О ком так отозвался Андрей Вознесенский? **11.** Культовая гора

для японцев. **12.** Картина, выходящая из-под резца художника. **13.** Где волчица нашла Рема и Ромула? **14.** Чем зарабатывает на жизнь героиней комедии «Осенний марафон»? **16.** Избранник с мандатом. **19.** Любимая ткань Коко Шанель. **21.** Пломбир в шоколадном облачении.

23. «Руль» ямщика. **24.** Какая нелепость! **25.** У кого нашлись методы против Кости Сапрыкина? **26.** Германское племя в предках британцев. **27.** «Деликатес для разума». **29.** «Пушной мелиоратор». **31.** В каком сериале Сергей Безруков создал образ практически антипода Саши Белого из «Бригады»? **33.** Черный маг. **34.** Без чего вейкбординг не возможен? **35.** Что врачуют с помощью спелеотерапии? **37.** Лечебная прогулка. **39.** «Любя сильных и поддерживая средних, правительство должно уважать малых» (французский философ). **40.** Искусство художественной резьбы, имеющее самое прямое отношение к кулинарии. **41.** Путешествие с прононсом. **42.** Единственный маршал авиации Италии.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Гадина с капюшоном. **2.** «Ходячая инструкция».

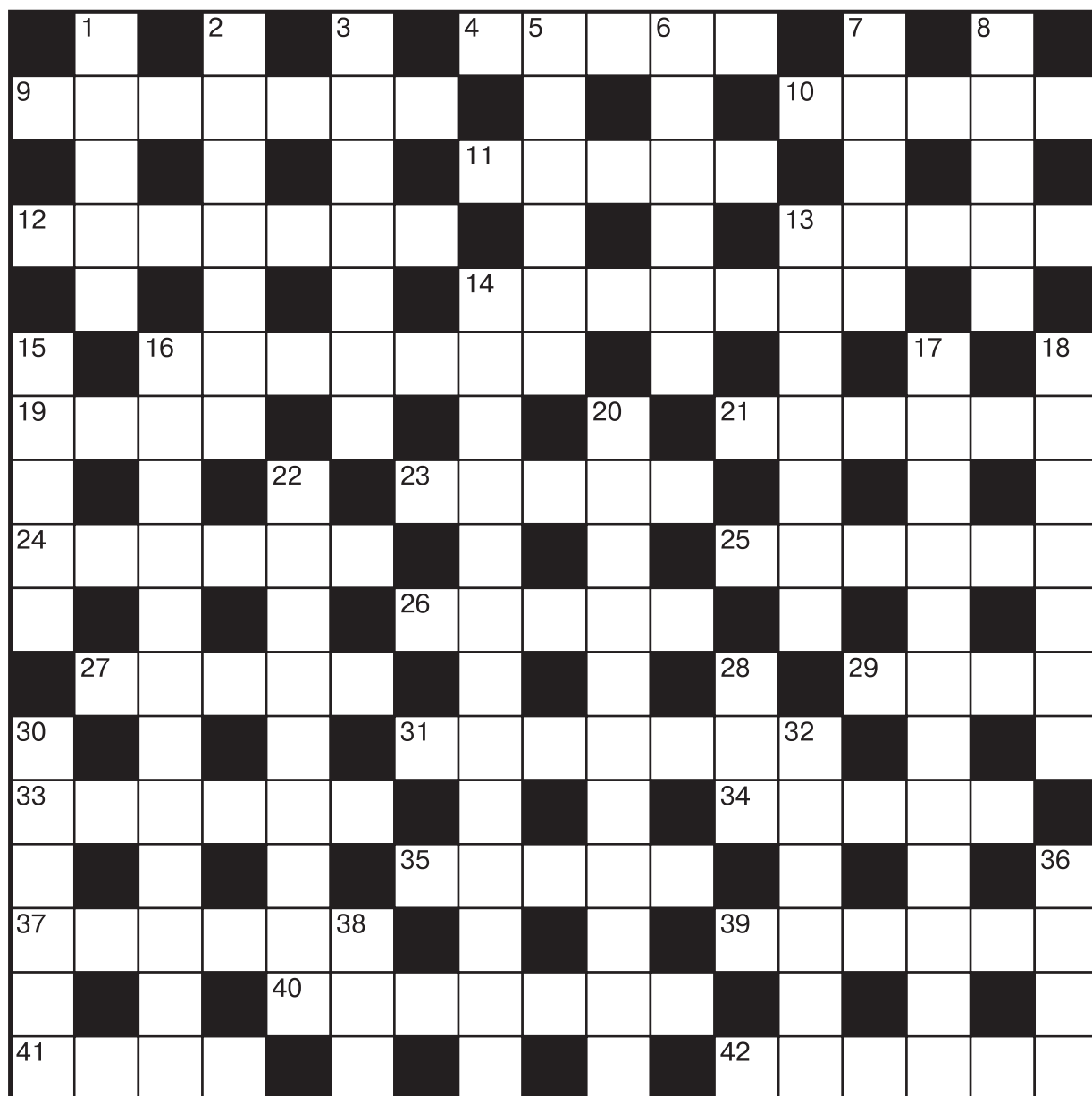
3. Адский бог с именным месяцем. **5.** «С ним не страшна беда». **6.** Самый восточный пятитысячник Кавказа. **7.** Какой крылатый хищник кормит своих птенцов личинками пчел? **8.** Самый частый зуб во рту у кошки. **13.** Олимпийское «катание с горки на санях». **14.** Поход к святым местам. **15.** Счет для нарушителя. **16.** Сознательное сокрытие. **17.** Кто классиков каждый день на место ставит? **18.** Во что подарочные деньги для молодоженов вкладывают? **20.** Сказочный герой, попавший в страну лжецов. **22.** Порожек у крыльца. **28.** «Реанимация» для кораблей. **30.** Режиссер, чье имя носит главный комедийный театр Питера. **32.** В честь какого физика и телеведущего астероид Сережа получил свое название? **36.** Какую птицу первыми из европейцев на Маврикии увидели члены голландской экспедиции 1598 года? **38.** Деньги, снятые с банковского счета.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Памятка. **7.** «Лада». **10.** Слива. **12.** Аристократка. **13.** Грант. **15.** Ситроен. **16.** Бавиер. **19.** Лун. **20.** Авилов. **24.** Осло. **25.** Велосипед. **27.** Очко. **28.** Кибрит. **29.** Куранты. **30.** Гормон. **31.** Заскок. **33.** Бал. **36.** Семга. **37.** Любимов. **40.** Базар. **42.** Турин. **43.** Балахон. **44.** Этика. **45.** «Мирты». **46.** Запруда.

ПОВЕРТИКАЛИ: **1.** Флора. **2.** Эванс. **4.** «Аврора». **5.** Янссен. **6.** Клон. **8.** Автоинструктор. **9.** Анакреонтика. **11.** Орлан. **14.** Титов. **16.** Бурек. **17.** Каторга. **18.** Миокард. **21.** Ведун. **22.** Вокал. **23.** Виртуал. **26.** Динамит. **29.** Ковер. **32.** Аграба. **34.** Людоед. **35.** Дартс. **36.** Садко. **38.** Мумия. **39.** Витте. **41.** Лавр.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какой цитрус вывели в 1958 году ученые из университета Калифорнии? **9.** Сыр в сицилийских канноли. **10.** Какое озеро отметилось в названии шампанского? **11.** Кто считает Новую Зеландию «длинным белым обла-

ком»? **12.** Английские сапоги до колена со шнуровкой. **13.** Золотая монета из Непала. **14.** Праздничная лампада из иудаизма. **16.** Кто руководил созданием «юлианского календаря»? **19.** Графический стих у Андрея Вознесенского. **21.** Балкон минаре-

та. **23.** Число с плавающей запятой. **24.** Дух трещин. **25.** меховая шапка на Руси. **26.** На что программа способна? **27.** Какая страна выступает против «Неизвестных Отцов» из повести братьев Стругацких «Обитаемый остров»? **29.** Где происходит действие мультфильма «Следствие ведут Колобки»? **31.** На каком судне семья писателя Владимира Набокова приплыла в Соединенные Штаты? **33.** Кто из нобелевских лауреатов по физике разработал теорию дисперсии света? **34.** Какую птичку прозвали «российской Дюймовочкой»? **35.** посох ведьмы с развилкой на конце. **37.** Компонент ракетного топлива. **39.** Какому тореадору приписывают изобретение мулеты? **40.** С каким плодом в Сингапуре обычно готовят гребешков в сливочном соусе? **41.** Валюта из страны Драконовых гор. **42.** Ангорская шерсть на искусственные парики и бороды.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Человеческий аспект» в икебанае. **2.** Деловой тренинг. **3.** Оловянный колчедан. **5.** Сектор ставок на рулетке. **6.** Морской окунь в полосочку. **7.** «Бесстрашие Будды». **8.** Длинный пояс в наряде палестинцев. **13.** Первая женщина, удостоенная премии «Оскар» за лучшую режиссуру. **14.** Переделка губ хирургическими методами. **15.** Папа с именной капеллой. **16.** Гормон юности. **17.** Оборонительная ограда. **18.** Кто придумал мадам Баттерфляй? **20.** Китайский щит. **22.** Прозвище Спайдер-мена. **28.** Местечко, где отошел в лучший мир поэт Георгий Иванов. **30.** Дуэльный эскадрон у студентов. **32.** Какое эфирное масло получают из померанцев? **36.** Кто спровоцировал своим заявлением «золотую лихорадку»? **38.** С каким народом связаны родовые корни Барака Обамы?

Ответы на эрудит, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Исалько. **7.** Юкка. **10.** Фоззи. **12.** Кокцинеллида. **13.** Фудер. **15.** Капитул. **16.** Чехонь. **19.** Тай. **20.** Феспид. **24.** Дыба. **25.** Джаханнам. **27.** Лилу. **28.** Пепино. **29.** Унирема. **30.** Носток. **31.** Бораки. **33.** Ози. **36.** Лекаж. **37.** Мореска. **40.** Герен. **42.** Имари. **43.** Кукушка. **44.** Меря. **45.** Схима. **46.** Караимы.

ПОВЕРТИКАЛИ: **1.** Хочун. **2.** Узбек. **4.** Сколия. **5.** Лациум. **6.** Кант. **8.** Криковыжималка. **9.** Агальматолит. **11.** Алкей. **14.** Рапид. **16.** Чалап. **17.** Афалина. **18.** Всплеск. **21.** Джанк. **22.** Шхара. **23.** Анимизм. **26.** Меровеи. **29.** Уокен. **32.** Мамура. **34.** Иоаким. **35.** Череп. **36.** Ленеи. **38.** Смиха. **39.** Арама. **41.** Гута.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2022 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 216 рублей 70 копеек	За 1 номер — 245 рублей 30 копеек
За полугодие — 1300 рублей 20 копеек	За полугодие — 1471 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

**ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!**

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

22007

СМЕНА

Дорогие читатели!

Первая любовь... Наверное, нет на земле человека, который в юности (а может, и в зрелом возрасте) не испытал бы это светлое, чистое, романтическое чувство, вызывавшее бурю возвышенных эмоций. Увы, эта любовь обычно бывает скоротечной, но в глубине сердца она остается надолго, если не навсегда, и накладывает свой отпечаток на будущие отношения. Ее можно назвать «преддверием любви». Об этом лучше поэта не скажешь: «Еще не любишь ты, но верь: не полюбить уже не можешь» (Иннокентий Анненский).

Вот мы и решили в 2022 году объявить среди наших подписчиков новый
конкурс «Песня первой любви»

Вы помните свое необъяснимое волнение, трепетание сердца, одним словом, свою первую любовь? Наверное, каждому есть что рассказать об этом чувстве — пусть это будет ваша личная история или рассказ.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца ноября 2022 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

- Первая премия** — бесплатная годовая подписка
Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала
Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№7 июль 2022